84Р(5Яут)-1
С47

Николай Слепцов

Поэмы, стихи и очерки

Жизнь ты, жизнь...

Николай СЛЕПЦОВ

ЖИЗНЬ ТЫ, ЖИЗНЬ...

Поэмы и стихи тринадцатого года для друзей, родных и всего народа

Караганда, 2014

УДК 821 (574)-1
ББК 84(5 Каз-Рус)-5
С 47

Слепцов Н.

С 47 Жизнь ты, жизнь...: сборник стихотворений, поэмы, очерки./ Николай Слепцов. Подготовлен к печати в издательском доме «Классик». - Караганда, Арко, 2014. - 192 с.

ISBN 978-601-204-203-0

Это четвертая книга Николая Андреевича Слепцова - поэта и писателя, проживающего в поселке Агадырь Карагандинской области. В книгу вошли прозаические и стихотворные страницы, в которых отражена жизнь автора, его размышления о времени, людях, творчестве. В 2013 году Николай Слепцов воплотил мечту свой жизни - издал стихотворный сборник «Зори агадырские», роман «Годы Орлиные» и сборник очерков «Пестрые письма». Вдохновленный этими событиями, он в том же 2013 году переработал, переосмыслил и подготовил к печати еще ряд стихотворных и прозаических произведений, а также написал новые. Для 77-летнего автора год 2013-ый стал поистине плодотворным, что и отражено в этой книге.

УДК 821 (574)-1
ББК 84(5 Каз-Рус)-5

«ШЕТ АУДАНЫ ӘКІМДІГІ
ШЕТ АУДАНЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ
ЖӘНЕ ТІЛДЕРДІ ДАМЫТУ БӨЛІМІНІҢ
«ШЕТ АУДАНДЫҚ ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛАР ЖҮЙЕСІ» КММ
№ 22184

ISBN 978-601-204-203-0

© Слепцов Н., 2014

“Жизнь прожить — не поле перейти”,
Мудрецы об этом говорили.
Я прошел нелегкие пути,
Какие эту книгу и родили.

ОТ АВТОРА

Пушкин, Лермонтов и другие знаменитости, кроме ярких поэтических произведений, писали и прозаические: у Пушкина — "Капитанская дочка" и "Дубровский", а у Лермонтова — знаменитый психологический роман "Герой нашего времени".

У меня тоже есть два прозаических произведения и два стихотворных сборничка, за что себе же и говорю "рахмет". Может, это и неплохо, когда наблюдается, да и есть на самом деле органический сплав прозы и стихов. Наверно, и впрямь нам, пишущей братии, надо, как говорил античный Лукиан, "лучше писать о том, что сам ей видел и наблюдал", советуя в основу писательского труда "искренность и правдолюбие".

Эти высказывания изложены древним Лукианом, жившим во II веке нашей эры, в произведении "Как следует писать историю". В этой же "Истории" Лукиан говорит, что "ум должен походить на зеркало, какое воспринимает образы вещей, таким и должен отражать, ничего не показывая искривленным, или неправильно окрашенным, или измененным". Писатель, по Лукиану, должен быть "бесстрашен, неподкупен, независим, друг свободного слова и истины, называющий смокву смоквой, а корыто корытом".

Хотелось бы привести еще и слова далекого античного писателя античного времени Лукиана, какой говорил о нашем пишущем брате: "Работай, имея в виду все будущее время, пиши лучше для последующих поколений и от них добивайся наград за свой труд".

Ну, не знаю, какую имел в виду награду гражданин Сирии и великого Рима, писатель и философ Лукиан, современниками какого были воинственный Траян, миролюбивый Адриан, усмирявший Иудею, усмиритель восстаний рабов и воинственных народов Антонин Пий, философ на троне и на коне Марк Аврелий, усмирявший страны, жаждущие свободы... Думаю, никак не материальную. Награда эта, по его мнению, не иначе как выражалась в признании авторского труда, какое крылось в чтении его произведений, простом чтении, какое заставляло бы мысль читателя работать, что-то анализировать и сопоставлять, что-то с чем-то сравнивать — скажем, век текущий с веком прошлым, в каком жил автор.

Да, такие вот мысли донимают меня сегодня в новый год Лошади,

в четырнадцатый год нашего нового столетия, когда в мои две семерки вышло всего четыре мои книги. Жена моя Раиса-Гульчатай-Батима-Кадиша так прямо спрашивает: ”Так где же ты, Абдрахман Калкенович, был прежние шестьдесят лет? Ведь ты, по твоим же словам, стихи начал писать еще в школе, еще в десятом классе, писал их и в целинный век, прославляя целину и боевой целинный народ. Сам говоришь, что тебя печатала "районка", и даже областная газета тех лет "Акмолинская правда" тебя тоже несколько раз тиснула. Чего же ты не ударился в писательство уже тогда и после, когда учился е КазГУ на журналиста и закончил его? Чего же ты не родил нечто подобное "Герою нашего времени", какое Лермонтов написал где-то в 25-26 лет? Ударься ты тогда в писанину, может, у тебя сегодня было бы произведений не менее, чем у Льва Толстого и того же Достоевского. Если ты, Педро, мечтаешь об известности и о славе у себя в поселке и в области, то, думаю, каким-то образом должно по области показать наше телевидение, какое скажет, что у нас в области в такой-то глубинке проживает такой-то и такой-то гражданин, какой всю жизнь молчал, а на пятнадцатилетнем "дембеле" вдруг разродился четырьмя книжками, ударившись в писанину, какой довольствуется сам лично, его друзья и его родня. Половину своих книг он роздал друзьям и родне, а вторая половина и впрямь осталась, по Лукиану, для потомков. Но нас ведь, Кузембай, не будет на белом свете, и только наши внуки и правнуки, возможно, покажут твою запоздалую славу и примут ее на себя. Так что, Сегизбай Абдуразович, твои книги я лично не приветствую, но коль ты ими занимаешься, то и ладно: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало! Надо бы еще подумать, Абдрахман, как бы твои книги выставить в Интернет: говорят, сейчас это возможно, и о тебе будет знать не только наша область, но, может, и половина Казахстана, а то и России. Говорят, можеттебя прочесть по Интернету даже Германия, где наших агадырцев как бы не целая тыща обитает. Такие вот дела, Азамат...”

Послушав жену, отдаю должное ее практическому уму. Себя же и впрямь в который раз спрашиваю: где же ты, чертов дон Педро, был все шестьдесят лет, что ты делал и где тебя носило? Работал — это понятно, и снабженческая работа с ее дорогами, поездами, полетами не всегда давала время склониться над листком и что-то записать творческое, от души, от сердца. Ведь дороги и люди что-то да давали для мысли... Ответа нет, и вряд ли будет — ни теперь, ни в будущем.

А вот чертова голова работает, мысли крутятся и хотят отобразить

мою жизнь и жизнь друзей в этом веке, сегодня, сейчас. Уже и названия книг нарисовались, названия сразу двух книг — о друзьях, что рядом и какие недавно ушли из жизни, но достойны памяти и поминовения. Две книги... Успею ли? Жена сказала: обязан!

Обязан, говоришь? Так и жизнь должна быть чем-то мне обязана...

Ах, жизнь моя, продлись до следующей Лошадки
Или доползи до следующей Змеи.
Себя я так настрою на книжную зарядку,
И область вдруг увидит все книжицы мои.

Про себя же думал: существует же в миру какая-то презентация, где встречаются с автором книги, говорят о ней, хвалят и даже рекомендуют на большое количество читателей. Ну, понятно, что презентация — это есть какое-го представление, предъявление, граничашее со словом "подарок", "приношение". Такого счастья я не удосужился оттого, видно, что не заслужил. Книга должна захватить читателя, чем-то увлечь, заставить его мыслить и переживать, как мы видим это у Лермонтова, у Пушкина, у Достоевского, в "Тихом Доне", в "Молодой гвардии", в "Повести о настоящем человеке", в "Абае" нашего Мухтара Ауэзова. Заставить мыслить может лишь талантливая книга, а у меня... кто знает? Жена так без всякого говорит, что из меня писатель, что из Наталии Крачковской Майя Плисецкая. Может, и правда... А я так лезу в Есенины, в Олжасы Сулейменовы, тем более теперь, когда за плечами две семерки! Надо бы, по словам моей Гульчатай, поумерить себя да не бросаться на стихи и прозу. Это дается молодым, а таким, как я, надо прижать хвост и тихонько почитывать, что пишут другие.

Да, может, и правда надо послушать мою Гульчатай... И все же мне хочется знать мнение читателей об этой книге. Чего я в ней не сказал, чего не досказал? А я так старался и так выложился...

Не помешали мне в том и мои годы. И все равно писать хочется, и есть о чем и о ком, потому как жизнь прожита большая, оставившая свой заметный жизненный отпечаток. Что ж, давайте будем жить и надеяться на лучшее, надеяться на себя, на наш век и наше такое непредсказуемое время.

Непредсказуемым оно было для Пушкина, убитого в 37 лет; Навои и Белинский оставили этот мир тоже в свои тридцать семь; великий Байрон тоже отчего-то для прощания со светом выбрал свою тридцать седьмую весну; Хемингуэй и Цвейг для прощания с жизнью выбрали

не более как фатальные тридцать семь; в 37 казнен Робеспьер, а Ван Гог в такие же тридцать семь покончил с собой. Господи, ну что это за сакральная цифра 37, когда даже античный Аристотель умер в такие короткие тридцать семь! Всего лишь по тридцать семь лет прожили эти великие люди рода человеческого, а сколько ими сделано! Господи, а я-то, несостоявшийся Есенин, что оставил своему веку, своей стране, своей области и даже своему поселку в свои великие-таки две семерки? Непростительно тебе, уважаемый Кузембай Калкенович, непростительно! А ведь природа тебе чего-то дала, Азамат...

ПОЭМЫ

ЖИЗНЬ ТЫ, ЖИЗНЬ...

Старому и вечному другу
Николаю Дудичу посвящаю

1

Ушел из жизни давнишний друг мой Николай,
Минула с тех печальных дней уже двадцатилетка.
Мы с ним любили Агадырь и наш шахтерский край,
Где семьи родились у нас и наши чудо-детки.

У меня родился сын, сейчас ему полтинник,
У Коли так две дочери и боевой сынок.

Хотя он на троих детей был истинный противник,
Но жена поведала: Бог дал им деток в срок.

В текущей жизни все они каждый по себе,
Работают и учатся, у них свои детишки,
Свое начало, "Мерседес" — сподобились судьбе,
Как и разные в краю свои дела-делишки.

Помнится былое: мы сорок лет вдвоем
Учились и работали, хорошо дружили,
Жизнь не украшали златом-серебром,
А простое счастье в дружбе находили.

Мы оба слесарили, любили тепловоз,
Какому жизнь железную по-своему давали,
Добивались, чтобы он грузы вез и вез
По нашей казахстанской железной магистрали.

Годы шли, работа шла, старел наш теплопарк,
Да и мы с машинами никак не молодели,
Однако же сменили слесарный свой верстак:
Управе было выгодно нас видеть в новом деле.

Себя в миру нашел я в запутанном снабжении,
Николай так вовсе стал агадырским мэром.
Друг мой обретался в народном окружении
И числился в кругу друзей явным кавалером.

Как он мне рассказывал, быть мэром — это мука,
Надо видеть многое, знать, чем живет народ,
Который отличает явь от показухи изнает
Где наносная ложь в стране течет.

Народ же мудр божественно — приходится завидовать
Его отменной памяти и жизненной судьбе.
Приходилось свой крючок в его среду закидывать
И ждать, какой улов народ преподнесет тебе.

Так жизнь и катилась по земле шахтерской
У меня с товарищем все долгих сорок лет.

Жизнь наша временами схожа была с актерской,
Чего нередко требовал наш авторитет.

Как-никак, а жизнь нас многому учила,
К тому же, она каждому свой заряд давала.
Не ведаю, чего взамен жизнь от нас просила,
Но мы просили у нее, чтоб она сияла.

С народом мы решали все дела, это мы умели:
Делали по праву все, доверившись судьбе,
На дела свои кри гически, с оценкою глядели,
Не призывая, как велось, людей к своей борьбе.

2

Вот я стою у холмика друга Николая...
Чго тебе поведать, дружище дорогой?
Тебя я, как и прежде, никак не забываю
И остаюсь такой же, но с белой головой.

Ты как есть остался для меня героем,
Тебя тогда и грамма не коснулась седина.
Ты меня оставил, и стал я жить с прибоем,
Где накрывает иногда бегущая волна.

Что нового у нас за двадцатилетие?
Учиться и лечиться мы все стали за теньгу,
Народ за эти подвиги шлет в Думу междометия,
Какие вслух и пред тобой сказать я не могу.

Россия в этом стала большим первооткрывателем
Сейчас ведь СССРа на свете больше нет.
Россия же и стала для СССР карателем,
Она его угробила. Тут и весь секрет!

История, как видится, не хочег разбираться —
Кто, зачем и для чего взломали СССР?
Правителям с Европою хотелось побрататься
И с новой Югославии взять маленький пример?

Нынче Югославия по-новой называется,
Она людьми и временем кругом поделена,
В Европе она Золушкой забытой обретается,
А ведь она гремела на Балканах как страна.

У нас же, Николай, подобная картина:
Вместо СССР родился СНГ,
У него в наличии лишь пустота с кручиной,
Какие не присущи ни одной стране.

У СНГ нет партии, нет и президента,
Нет и территории, и государства нет,
Нет для страны мифической и малого момента,
Чтобы взойти державою на прочный постамент.

Так вот и живем мы в колдовстве мимическом,
Но все же в Казахстане мы по-своему живем,
С Байконура нашего век идет космический,
И мы своей дорогой к счастию идем.

Я и Гульчатай моя давно уже на пенсии.
Пенсия у нас в стране — не чета другим,
За что хотел сказать рахмет я своею песней,
Но друзья сказали мне: "Не надо, Ибрагим!

А то еще какой беды на страну накличешь,
И пенсию урежут, чго в мире уже есть.
Ты вот у себя потихоньку пишешь?
Это пусть и будут твои дух и честь".

3

Вот так мы и живем, дорогой дружище,
Правда, побогаче, чем в наши дни с тобой.
Нынче стало лучше с зарплатой и жилищем
И даже с нашей старческой дембельской судьбой.

Насчет же моей жизни — можно позавидовать!
Дети поустроены, Гульчатай со мной...

Старый наш закал лучше не выкидывать,
За что я горжусь своею Казахстан-страной.

Мы с тобой и прежде ей преданно служили,
Каждый на своем ответственном посту,
На карту благонравия мы много положили,
Пусть о том в архивах потомки и прочтут.

Только я не вижу нынешнего рвения:
Нет нынче пионерии, нет и комсомола,
В людях нынче нету ни к кому доверия,
Нет у нас пристрастия даже к богомолам.

Что еше, дружище, у нас в миру случилось
За эти двадцать полных и неполных лет?
Общество, по-моему, вверх дном перевернулось
И в безумстве пляшет свой боевой балет.

Была в миру война с кавказскою Чечнею,
Какая жизней тоже немало унесла.
Россия предлагала ей быть младшею сестрою,
Но Чечня не знала к нам ни братства, ни тепла.

Сейчас мир в Закавказье затих, установился,
Кавказ своего жизнью и мечтой живет.
В России, между прочим, Путин появился,
Какой Россию к счастью, как Ленин, поведет.

Думаю, что будет Россия сверх богатой,
У человека каждого будет добрый дом,
Его не будут пичкать, как было, суррогатом,
Старые привычки, скорей, уйдут на слом.

Наверно, в наше время к нам старый мир вернется,
Возродится комсомол и даже пионерия:
Их погубили ельцинство и всей страны потери,
Но о них лет двадцать речи не ведется.

Пионерия была предтечей комсомола,
В школьной жизни пионер был всему пример,

А у комсомола дел было аж по горло —
Он был и строитель, и врач, и милиционер.

Мы с тобою тоже были комсомольцами,
Какую-то нагрузку на себе несли,
В каких-то начинаниях были добровольцами,
Где мы пропаганду старательно вели.

Ну, а после мы с тобою стали коммунистами
И делали, что требовал наш паргийный долг,
В чем-то выступали мы даже активистами
И делали поболее, чем каждый из нас мог.

По жизни же с тобой мы что-то да умели,
Все-таки у нас с тобой был университет,
Мы, кажется, с тобой по жизни не горели,
Хотя и не держали вдуше суверенитет.

Чем, пытаешь, нынче жизнь в Казахстане славится?
Сравнить со старой жизнью, так без прикраса — всем!
Чаще продвижение кому-то и не нравится,
И он в своих Америках припекою осел.

Какого только люду жизнь не рождает!
Этого, наверно, в миру не избежать,
Однако только правда пороки побеждает,
Но мы не научились того отображать.

В печати говорим о том привычными словами,
Тогда как надо истинно по столу стучать,
И думаем, скорее, пустыми головами,
Тогда как надо голубя от утки отличать.

Экраны телевиденья одни убийства гонят,
Смерти надоели — так пичкают порнухой.
Даже по экрану нас коньяками поят
И вовсе не накормят нас военной затирухой —

Ну, той, что ели мы с тобой в военную годину,
Другого ведь страна и мать не могли нам дать.

Мы с тобой не ведали, как выглядит скотина,
0 молоке с тобою, друг, мы лишь могли мечтать.

Ладно, как-никак, войну мы пережили,
Голод и разруху — мы все перенесли.
Может, оттого мы счастье заслужили,
Но время, люди, боги его не поднесли?

Ты все-таки, Никола, был жизнью обласкан:
Учился, жил, работал, детей своих любил,
Видел жизнь ихнюю в радужных лишь красках,
Ради детей ты, кажется, и на свете жил.

Думать о себе ты никогда не думал:
Работа, дом, работа, дети и семья...
Да, слова свершилисъ провидицы-колдуньи,
На ухо сказавшей: "Уйдет он от тебя".

Хотел старуху удалить, но вдруг ей дал десятку.
Она же деньги не брала, а втихаря сказала:
"Над головой у друга нимб, и в нем дитя касатки,
Какое в небе мировом мать свою искала.

Искала, но неведомо, нашла иль не нашла,
Так ей и пришлось одной в кругу крутиться.
В итоге птичка бедная с тоскою умерла,
Какой не суждено теперь в небе появиться".

4

А Николай и правда безропотно заснул,
Удивив кондуктора и смелого шофера.
Я в слезах мужицких просто утонул,
Потерявши друга, не знавшего примера.

Теперь на белом свете я как есть один,
Друзей по крови близких нынче не бывает,
В селе своем, конечно, я есть гражданин,
Но с мыслями, какие лишь во мне витают.

Мне не с кем поделиться заветною мечтой —
Написать о друге мои воспоминания,
Которые вместились бы в... роман! В роман крутой,
С нашей жизнью прежнею, с нашими желаньями!

В роман я положу, что жизнь моя навеет,
И как она моим умом в миру распорядится.
Мечта моя романная и вправду душу греет,
Отчего который год ночами мне не спится.

Что еще поведать, дорогой дружище,
О жизни без тебя в селении моем?
Я вот приезжаю к тебе на кладбище
И делюсь с тобою, как мы все живем.

Конечно, без тебя мне не с кем поделиться
Отпечатком жизни и своей мечтой.
Книга о тебе, друг, может появиться —
Так меня заверили в редакции крутой.

Какой она получится, я не представляю:
В ней одна лишь правда и, конечно, ты.
Себя пока я с книгой никак не поздравляю
И даже не готовлю для жены цветы.

Все-таки жена мне крепко помогала,
Называла имена, с какими мы дружили:
Одних судьба и время по жизни разбросала,
Другие свои жизни по полкам разложили.

Все у них в их жизни терпится и ладится:
Дом, семья, работа и в миру престиж.
Если что-то в жизни затормозит, не катится,
Им идут на помощь то Лондон, то Париж.

В целом, друг Никола, я остался прежним,
Только вот на дембеле, к чему ты не дождтл
С моею писанинои — я и пишу по-прежнему,
Чем я дорожу теперь, как прежде дорожил.

Времени на дембеле хоть трамбуй в кубышку:
По правде, его просто некуда девать,
Благо выручают рукописи к книжке,
Какую я мечтаю все-таки создать.

Женка Гульчатай моя так говорит: получится,
У тебя, мол, что-то чеховское есть,
Пока планета наша вертится да крутится,
Ты все же сбережешь писательскую честь.

Нынче молодые так тешатся стрельбухой,
Их произведения так валят на ходу,
Даже современные прожженные старухи
Умеют и ограбить, и убивать идут.

Век наш, Николай, таких страстей не знал
И не знал, что гробят жизнь ножом да пистолегом,
Для чего и нужно-то сварганить лишь скандал,
А далыпе пусть полиция думает об этом.

Такое, друг, сегодня повсюду сплошь и рядом,
Россия так фиксирует целые побоища.
Ныне сунуть ножиком — дороже шоколада,
За сумку, куртку, кошелек и прочие сокровища.

В наши дни такого не зналось вандализма.
Где искать причины и как их излечить?
Наверно, нам потребно вернуться к коммунизму
И той порою доброю по-советски жить.

Что-то взять от той поры, что-то и отбросить,
Хотя бы взять бесплатное леченье с обучением.
Нынче наше бытие о том сердечно просит,
Потому как станем жи гь мы с верным облегчением.

Думается, надо нам возродить колхозы:
Страна от их деяний станет еще краше,
У нас на сельских улицах расплодятся розы,
И чаще нарождаться станут Ванечки и Маши.

Отдать, как было прежде, колхозам их просторы,
Их реки и озера, их пашни и поля,
Их, как было прежде, колхозные дозоры,
Какие называются по-нашему — земля.

Конечно, это старческие сны и сновидения,
Каким, как мне сдается, не сбыться никогда...
Мне так жить приходится по новому видению,
Какое все же строит мосты и города.

Виденье это, друже, все ж жизнь украшает,
Она как есть становится нашим бытием,
Старое житье-бытье оно не воскрешает,
А в новое вдыхает новое житье.

В новом, правда, есть немало человечного,
Поскольку все хорошее дается человеку.
В том самом человечном я вижу много вечного,
Какое было в людях от века и до веку.

В целом же, Никола, и в нем не все так гладко:
Где-то что-то терпится, где-то просто нет,
Где-то практикуем мы жизненную кладку,
А где-то так возводим не кладку, а скелет.

Наверно, чтоб от нашего сегодня отлучиться
И видеть жизнь нашу в счастливом окружении,
Со своими мыслями в пространство обратиться
И во всем лишь видеть святое положение.

Вот было ж — по указке наших теледьяконов
"Играй, гармонь" отринули ровно на два года.
Любители гармони от печали плакали
И просили для ТВ сколотить два гроба.

Сколачивать два гроба начальству не пришлось,
"Играй, гармонь" поскольку в стране восстановили.
Место для гармони и у нас нашлось,
Поскольку казахстанцы широкой песней жили.

«ШЕТ АУДАНЫ ӘКІМДІГІ
ШЕТ АУДАНЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ
ЖӘНЕ ТІЛДЕРДІ ДАМЫТУ БӨЛІМІНІҢ
«ШЕТ АУДАНДЫҚ ОРТАЛЫҚТАНДЫРЫЛҒАН
КІТАПХАНАЛАР ЖҮЙЕСІ» КММ
№ 22184

5

В бытность ту далекую и мы гармонь любили:
Тогда все передачи вел только Заволокин,
Мы на передачи как на поклон ходили,
Забывая всякие в своей душе мороки.

Но вот вслед за тобою умер Заволокин.
Теперь, кого любил я, на свете больше нет,
Оттого я умываюсь березовой молокой,
Чтоб не забыть так близкий мне ваш образ и портрет.

Кто еще из гениев со света удалился,
Кого мы почитали и считали богом?
Перечислять не стану — и так ты утомился
За своим безжизненным и глухим порогом.

Однако поделюсь о жизни в нашем свете:
Ушел из жизни журналист наш Песков Василий,
Я с болью в сердце пережил смерть-потерю эту.
Его жизнь по стране по всем углам носила,

Он бывал в Карелии и на Черном море,
Его и по Сибири, и по пескам носило,
Он где-то видел доброту, где-то видел горе,
Но он в читателя вдыхал живительную силу.

Ушла из жизни из "Девчат" Румянцева Надежда,
Марина Голуб, Гурченко, Нонна Мордюкова...
Признаюсь, с актерами я истинный невежда,
Хотя я здесь не нахожу злодейства никакого.

Гениев, Никола, я все же назову —
Мы с тобой их знали и трепетно любили.
Нить воспоминаний и здесь я не порву,
Поскольку их поклонниками мы постоянно были.

Передача "Жди меня" недавно потеряла
Своего ведущего Игоря Квашу,

Какого мировая общественность уж знала
И какой приятен был даже малышу.

Еще ушли из жизни Валя Толкунова,
Золотухин, Гундарева и душа-Оросева...
Киношный мир лишился созвездия такого,
Какому возродится совсем-совсем непросто.

Знаменитый Шурик из "Кавказской пленницы"
Тоже в час полночный навсегда почил;
Наталия Кустинская, которой нет соперницы,
Этот мир оставила, лишенная всех сил.

В фильме "Три плюс два" Кустинская играла.
Ах, как мы любовались красотой ее!
Природа совершенство нечасто создавала,
Особенно такое, как было у нее.

Чем еще наш СНГ в обшестве страдает?
Тем, о чем мы в наши дни понятья не имели:
Нынче деток-малышей воруют-покупают,
И наша добрая страна это зрит и знает.

Враги страны и взрослый люд по-своему крадут,
Требуя по выкупу несметные деньжищи,
И люди за любовь к родству в стране на все идут,
Отваливая бешеные в квадрате тыщи-тыщи.

Полиция фиксирует все кражи, воровство,
Но в своей системе воры не сдаются:
Они и продолжают печь в жизни волшебство
И просто над полицией по-своему смеются.

Ну как тут не смеяться, коль времечко летит,
За деток и мужей денежки получены,
Полиция у времени лишь берет кредит
И говорит, что у воров будут руки скручены.

А воры и поныне гуляют по стране,
К тому же, и модерные машины угоняют.
Они свою профессию видят и во сне,
А наяву — вживую ее осуществляют.

Воттаков, Никола, СНГ в миру...
При СССР такого проклятья мы не знали,
При СССР стремились мы только лишь к добру,
Сами свое счастье и себя ковали.

Ну, так, дружок, спасибо, тебя я навестил,
И, как прежде, обо всем с тобой поговорили.
Не скажу, что в старости я лишился сил,
И все ж мы не такие, какие прежде были.

А холмик над тобой, я вижу, ничего,
Только куст сирени осенью подался.
Рядом и в округе не видно никого,
Может, оттого с тобой я и не терялся.

Неведомо, Никола, сколья протяну,
Всё-таки мне нынче ровно две семерки.
Я остался прежним и люблю страну,
И иду по жизни своею старой меркой.

Было б и тебе сегодня семь и семь,
Но у жизни, видно, собственная мерка.
И все же я, Никола, поседел совсем:
Жизнь, видать, и для меня делает проверку.

Хотелось бы поболее, Никола, мне пожить,
Пока о тебе книга в рукописи зреет,
Мне лишь остается вере послужить,
А там что жизнь покажет и долг уразумеет.

Этот долг — заботиться о памяти твоей,
Помнить сороковник, что мы с тобой дружили,
Помнить твою женку и твоих детей
И все, что мы на карту жизни положили.

Пусть мне поможет в том нашей дружбы честь
И мужское наше кровное побратье.
Я буду помнить старое и что нынче есть,
Помнить друга так же, как помнят в жизни брата.

Эх, жизнь, ты человечеству великая душа,
С ее дыханием, сердечностью и большой любовью,
Когда минута жизни, как песня, хороша
И каждый жизни час ее полнится кровью.

В том есть какой-то космос, а то и божество:
Ум наш человеческий жизнь земли не знает.
Может, все живое — в природе, оттого
Бездыханное без жизни в вечность улетает.

Так бывает: жизнь заканчивают звезды,
На земле деревья сгнивают на корню...
И даже человек, в жизнь пришедший поздно,
В бессмертье не желает жизнь продлить свою.

Конечно, в нашу бытность, дорогой Никола,
Мы никак не думали о вечном житии,
Довольствовались тем, что нам давала школа
И иаши разошедшиеся в сторону пути.

Кто знал, что ты заснешь в автобусе навечно,
Оставив в одиночестве свой короткий век,
Оставив и меня в семействе человечьем,
Где без тебя я просто старый человек?

Без тебя, как было, нынче мне не пишется,
А если что и пишется, там нет моей души.
В моей душе сегодня мысли не колышутся,
Даже когда сердце дает приказ — пиши!

Вот и написал я для тебя послание,
Пусть по-деревенски, без пушкинского духа.
В посланье этом лично я сохранил желание,
Чтоб дружба наша прежняя не сбилась, не затухла.

Пусть сегодня ты — в гробовом молчании,
Я — в живом движении среди живых людей.
Без тебя боюсь я земного одичания,
О чем молю богов земных: не быть такой беде.

Прошу я все же у богов дать мне долголетие,
Может, больше для того, чтоб закончить книгу?
Пусть это будет попервах лишь девяностолетие,
Зато я с жизнью разрешу моей судьбы интригу.

6

Что в той интриге, Николай? И по сей судный день
Моей души писательство с замашкой журналиста
Так меня и тянет нынче чиркнуть про сирень
И про редких в наши дни в селеньях гармонистов.

Может, это оттого, что жизнь моя сужается,
Подкрадываясь каждый раз к моей седой восьмерке.
Оттого, скорее, та ж сирень в стихах моих встречается
И как память о былом проводит жизни сверку.

Кто-то как-то говорил, что нынче жить да жить,
У многих — целые дворцы, "Тойоты", "Мерседесы".
Такою жизнью остается только дорожить
И о ней писать добром стихи, романы, пьесы.

Что-то написал и я о мире моем вечном,
О нашей с тобой жизни в моем Агадыре,
О нашей прежней дружбе, по-мужски сердечной,
И высоком клене, калитке во дворе...

Под кленом мы когда-то на лавочке сидели,
Жизнь анализировали чужую и свою.
Под кленом мы поболее сроднились, поседели,
О чем я в первой книжице по-своему пою.

Жалею, Николай: где был я с книгой прежде?
Куда меня по свету без нее носило?

Наверно, я в писательстве бывал-таки невеждой,
И в литературном творчестве не хватало силы.

Я писал в свою печать и на Москву планировал,
Меня печатал Казахстан и "Гудок" московский,
Тогда я свое творчество как-то да курировал,
Хотя оно в Агадыре не считалось броским.

Да и правда, что писал? Очерки сухие
О рабочих, слесарях, крепких машинистах,
Какие на железной колее — хозяева лихие,
К тому ж, они и комсомольцы, к тому ж, и коммунисты.

Теперь, старик, такой лафы людям не дается:
Проценты выполнения, весь труд не афишируют,
Хоть ты большой передовик — тебе не воздается,
И, как было в те года, теперь не сфотографируют.

Теперь не ценятся любовь, преданность, доверие,
Как было, к делу своему и к своей профессии.
Нынче только деньги, ложь терпят милосердие,
Ну, а правда, доброта теперь лишь куролесят.

Теперь, как видят боги, за деньги ловят души,
Взламывают сейфы, души и шкафы.
За деньги города и поселенья рушат,
Считая то достоинством жизненной лафы.

За деньги нынче просто продается совесть,
Без чести и без совести берутся часто взятки...
Вот о том как раз я и сварганил повесть,
Какая ждет рождения, как ждет детей кроватка.

Такие вот дела, дружбан, в нашем поселении,
Нынче человечище, как песня, изменился.
В целом изменилось, друг, все наше население —
У нового потребный дух на роскошь появился.

Оно живую жизнь свою деньгой идеализирует,
Сгремясь в Нью-Иорке побывать, умчаться на Канары,

Оно в стремлении своем вживую фантазирует
И даже за мечту свою идет дышать на нары.

Не хотелось негативами тебя, Никола, пичкать —
Ими жизнь разрослась, как луга травою,
Люди приспособились горе зреть и мыкать,
Считая, что их беды все так посланы судьбою.

На месте камень обрастает — знает мир давно.
Я все свои полста годков жил лишь в Агадыре,
Не мерял жизнь в края чужих — то мне не дано,
Хотя поселок мой сторонний люд приравнивал к дыре.

Они повсюду говорили: "Кто не видел хуже дыр,
Пусть приедет в Агадырь!"
Здесь о поселке боевом типа городского,
О котельной не ведется даже разговоров.

А она в селе была, людей обогревала,
Жизнь, тепло и красоту школам всем давала.
Обогревался до конца сектор коммунальный
И этажный весь район отводкой специальной.

Котельная с пятиэтажный дом день и ночь служила,
Всю зимушку холодную с сезоном отопительным,
Но в две тысячи втором крест власти наложили,
Потому как сей объект стал слишком разорительным.

Нашлись в стране и области техника и силы,
Какие ту котельную на части разобрали:
Живую тепломагистраль технари свалили,
А работяги-сварщики те трубы раскромсали

Так поселок Агадырь с котельной распрощался.
Силы поднебесные котлы все увезли,
А трубопровод в машины краном отгружался,
Какие мчались, кто куда, в закрученной пыли.

Так вот... Десять лет лихих поселок без котельной,
Раздолье зимним холодам без внешнего тепла.

Мать так в колдовстве с дитем склонялась над постелью,
А потом в печурку-домну клала, что нашла.

А находила трын-траву и старую бумагу,
Щепки заскорузлые и старое тряпье,
Проявляя в час ночной подвиг и отвагу,
Только б холод не достал мать с детем ее

Кого винить тут, не пойму и теперь не знаю...
Линия житухи нашей нынче изменилась,
Весь нынешний руководящий мир я не понимаю —
Он отчего-то солнца свет к людям затмевает.

Строилась котельная почти тринадцать лет:
Хоть и коммунизм был, но стройка не спешила,
Строители теряли свой лихой авторитет,
Но жизнь и агадырский люд огня подцать просили.

В горбачевский век котельная, наконец, вздохнула,
Трудилась и дышала целых восемь лет.
Новые же власти все перевернули
И сказали агадырцам: "С котельной вам привет!"

Агадырцам остается лишь винить то время,
Весьтот коммунистический непонятный век,
Какой внедрил и навалил на агадырцев бремя —
Разорительный для общества тепловой объект.

Конечно, тем объектом ты как-то любовался,
Он и умер где-то сразу за тобой.
Нам от той котельной лишь остов остался —
Громоздкий и красивый, но все же неживой.

Агадырь клянет теперь только мир вчерашний,
Без теплообъекта он ставит домны-печи,
У него геперь задача есть — топливо наращивать
И взваливать доставку в дом на собственные плечи.

Вот так уж ровно десять лет Агадырь в фаворе,
Он все-таки теплится, строится — живой!

0б Агадыре и нынче в печати разговоры,
Он остался труженик и он все же свой.

Все же, Николай, поселок наш струится,
Мы с тобой и прежде любовались им.
Как я замечаю, поселком мы гордимся,
Он стал для нас судьбою и для всех своим.

Видел бы ты, друже, как он хорошеет!
Свет так по всем улицам торжественно горит,
Парк со стадионом свою красу имеет,
А стадион так вечной зеленью, как водится, накрыт.

В тринадцатом пустую четырехэтажку заселили,
Какая пустовала двадцать лет подряд.
Ах, как новоселы страну благодарили
И у своих подъездов выстраивали ряд!

С торжественной линейкой, пожатьем и речами —
В благодарность акимату, да и всей стране,
Какие нынче думают и о простых сельчанах,
0б их благополучии и их житье-бытье.

У агадырцев есть резон всем богам молиться:
Построят скоро садик на двести двадцать мест.
Сказали, и пятиэтажка может возродиться,
На какую с четырехэтажкой был поставлен крест.

Нынче позабытые промахи, ошибки
Наших недалеких предков старины
Никак не вызывают сдержанной улыбки,
И вовсе не прощают их старческие сны.

7

Что делал мир до нас, сам мир того не знает.
Для чего сам Гитлер развязал войну?
Той войны плоды и нынче пожинают
Даже те, к кому война в их не пришла страну.

Зачем на головы детей и головы японцев
Сбросили смертельных атомных убийц —
Две бомбы, заслонившие белый свет и солнце
И живо умертвившие вмиг полтыщи лиц?

А чем насолил Америке трудовой Вьетнам,
Какой и землю-то пахал лошадью с сохою?
Войска Америки взрывали хрупкие дома,
Оставляя взрывами речную гладь сухою.

Теперь вот те же взрывы и опять же смерти
В Сирии, Ираке, Иране, Афганистане.
США повсюду ладят военные "концерты",
Что мы с болью зрим на голубом экране.

Взрывы, смерти в Сирии и нынче не кончаются,
Проскакивают, видим, и там, где пирамиды.
Египетские страсти и у пирамид встречаются:
Кто-то и на Египет имеет свои виды.

Меж собой грызутся даже две Кореи,
Нет меж ними мира, понятья и тепла,
Властью этих стран правят корифеи,
А власть в их регионе им многое дала.

В целом наша милая и добрая планета
Нынче, друг Никола, не ахти живет,
Мира на земле как не было, так и поныне нету —
Война, хоть небольшая, но где-то да идет.

Была она и в нашем российском регионе,
Чем слишком недовольна и теперь Москва,
Поскольку стычки разные случаются в районах,
О каких лишь знает только голова.

А Кавказ по-прежнему местами неспокоен,
Где-то в буйстве властвуют свои боевики,
Он местами скрытой, грозной силой скроен,
Рождающей для смертников их смертные деньки.

Такое, друг Никола, недавно и случилось
В городе-герое, великом Волгограде:
Смертница в автобусе с народом появилась,
Какой тут же и взлетел боевикам в награду.

Шесть жизней человеческих ушли в небытие,
А сорок искалечены взрывом и судьбой.
Как оценит мир подобное событие,
И станет ли подобное открытою борьбой?

В целом я, Никола, гляжу на мир святой
Несколько оценочно, но в целом без натуги,
Где-то я любуюсь киношною фатой
И тем, что дарят молодым други и подруги.

По подаркам видим мы, что крепко мы живем —
Не то, что было в наше брежневское время.
Теперь на свадьбах дарят даже "Мерседес" живьем,
Такое нынче новое, не нашей мерки племя.

В мои года, наверное, мир нынче не понять,
Не понять и новое, в джинсах поколение,
Какое призывает жизнь эту не менять —
В ней истинно народное живое направление.

Разбираться в этом мне лично недосуг,
Да и вряд ли я когда-то в этом разберусь,
Нынче трудно разобраться, где твой лучший друг
И где для всех когда-то божественная Русь.

А ведь она когда-то жизнь людей в руках своих держала,
Учила и лечила свой народ за свои — бесплатно,
Правдой и величием народ свой заряжала,
Какой на благо отвечал блажью адекватной.

"Не имей сто рублей, а имей сто друзей", —
Такое СССРовское было у нас кредо.
Нынче ж деньги давят так, как прежде Колизей,
Готовые их выдавить даже с тучек неба.

Ну, а с человека вытрясут, как плод со спелой груши,
Жаловаться, плакать и думать не дадут.
Не имеешь денег - взамен ухватят душу
И за большие деньги куда-то продадут.

А банкам нынче делают живое харакири,
Какие часто грабят, как живых богов.
Боги-бизнесмены с жизненными гирями,
Которых оставляют без ног и сапогов.

Нынешнее кредо - деньги не за дружбу:
Дружба, даже братство нынче не в чести.
За деньги покупаются память, совесть, служба,
За деньги нынче могут и к богам свести.

Таков сегодня век, тебе я сообщаю...
Может, в том и счастье, что ты с ним не столкнулся.
Я так этот век тихонько доживаю,
Он к таким, как мы с тобой, спиною повернулся.

Его не будем осуждать — это его время,
Это его люди, вечный мир его.
Мы с тобой, Никола, уже не вскочим в стремя,
Чтобы мчать по жизни до счастья своего.

Что это за счастье для молодого племени,
Какое жизнь делает по личной мимикрии?
Оно сегодня лишь дитя своей судьбы и времени,
Нацеленных не менее как на эйфорию.

Что ж, кому-то жизнь дает такую эйфорию,
Для когорых радость вся в денежном купании,
Купюры толстые для них — одна лишь героиня
У себя на родине и в чужой компании.

Мы, старик, в те времена так не умели жить,
Мы хотели лишь иметь только сто друзей,
Мы не просили знахарку нам поворожить
И сказать, как ехать к счастью, на какой козе.

А счастье наше было в том, что мы любили небо
И по утрам встречали день и светлую зарю,
В целинный век в колосном поле мы дышали хлебом,
За что тот век и память ту душой благодарю.

Чего мне хочется сказать, Никола, на прощанье?
Жизнь моя катится по старческой тропе,
Теперь уж не стучатся в душу всякие желания,
Какие кучковались часто дома и в толпе.

Ну, хотелось как-нибудь в журнал страны попасть,
Чтоб эту самую толпу как-то выдать миру,
Дать мыслям и фантазии в той писанине власть
И, может, выбрать из толпы для себя кумира.

Как раз в толпе той жизненной друг друга мы нашли
И по-мужски, по-братски надолго подружилась,
На компромиссы разные мы никак не шли,
Оттого, быть может, этим и гордились.

В целом, в нашей жизни не было прорех,
Однако дружба дружбой, а жизнь имела цели:
Одним из них, бывало, сопутствовал успех,
Другие же, по-нашему, просто прогорели.

О тех годах бывалых не будем вспоминать,
Было в них немало нашей эксцентричности,
О жизни мы старались поболее узнать,
Прибегая всякий раз к крутой дипломатичности.

Кресло мэра и дух его ты принимал критически,
Поскольку жизнь преподносила много негатива,
К каким воспламенялся ты дугою электрической,
Плавя в ней все злое, что было в коллективе.

Я тоже в пертурбациях снабженческого поля
Нечасто находил ответы и решения:
Надо было выложить где-то дух и волю,
Кому-то поклониться, а где-то ждать прощения.

Мир снабжения у нас всегда непредсказуем,
На этой карте жизненной немало суеты,
Извечно кто-то где-то себя не реализует,
Хотя реализация была бы проще простоты.

И все же двадцать пять годков я посвятил снабжению,
Меня век коммунизма так на руках носил,
Своим умом и практикой я ведал положение,
В каком мой Агадырь и весь Союз наш жил.

В век же СНГэвский моя стезя сужалась.
Теперь снабженье зиждется на чертовой валюте,
И к себе стал чувствовать я собственную жалость —
Жизнью размещенного в снабженческом приюте.

8

Насчет детей твоих - может, то судьба:
С любовью ты знакомился лично, без протекции,
А дальше жизнь обычная и с женой борьба,
Никак не доверявшей живучей контрацепции.

Ты работал-вкалывал, своей стране служил,
Слесарничал и мастерил и в КазГУ учился,
Беку агадырскому ты крепко послужил,
Ты даже на верхах его однажды очутился.

Верх же твой предполагал общение с народом,
А народ конкретно был чисто агадырский —
Тебя в своих амбициях он не грел приплодом,
Хотя ты жил женой, семьей, своим отцовским домом.

Так вот, тройня родилась, последним был Олег.
Ах, какое счастье, когда сынок родился!
Пусть в жизни будет холодно, зима и вечный снег,
Фамилия твоя, Калкен, все равно продлится.

Женский род, как водится, фамилии меняет —
Попробуй после этого найти свое начало!

Десятилетия, а то и век начало то скрывают,
Говоря: фамилии такой на свете не бывало.

Но это просто мысли, тупые рассуждения,
Нам они с тобою, в общем, ни к чему.
Я нынче лишь своим забочусь положением,
Какого не желаю, гіо сути, никому.

Мне все же две семерки — срок предупредительный,
В какой могу я тоже, как и ты, заснуть,
Богов и жизнь молю я: будьте повелительны,
Пусть пред моей смертью будет кто-нибудь!

Пусть будет милосердным какой-нибудь медбрат,
Какой в последний миг глаза мне и закроет,
А за окном пусть дети резвятся и шумят,
И волчица в поле голодная завоет.

То будет не иначе как человечья боль...
Я, может, пред кончиной хоть как-то успокоюсь,
Я в жизни все ж исполнил человечью роль,
О чем в поэме этой публично и откроюсь.

А роль мне отводилась все видеть и писать,
Свет белый повидать и родить ребенка,
Недуги земные по-мужски кромсать
И от людских несчастий не уходить в сторонку.

Вроде все я это за жизнь свою прошел,
Свет белый повидал и даже родил сына,
Не пил процентной наливной, а пил сплошной крюшон,
Может, оттого и смерть моя надолго отступила.

Но, Калкен-Никола, у жизни свой закон,
Каждому отмерено, что он в жизни стоит,
Не может человечество брать ее в обгон —
Жизнь свои скорости для человека строит.

Что-то жизнь, наверно, построила и мне,
Где-то придает и сокращает скорости,

Благо я ночами кучкуюсь при Луне,
Какая и родит роман о жизненной серьезности.

Он жил во мне и при тебе, что ты, конечно, знал,
А без тебя романный дух в большую жизнь подался.
Замечу, я с такой душою прежде не писал,
Отчего завистником у времени остался.

Да, Калкеша-Николай, ко мне восьмерка тянет,
В газеты я по-прежнему отчаянно пишу,
Но шахтерский край меня совсем не знает —
Может, оттого, что я пишу "лапшу".

По "лапше" писаку и Агадырь не знает,
Не знает он известного в газетах земляка.
Вот мир литературы писаку понукает
Так писать, чтоб мир узнал писаку-старика.

9

Жизнь нас, Калкен-оглы, крепко потрепала.
Ты в железном драндулете так навсегда уснул,
Пушкинство во мне тогда сразу ж и пропало:
Ты сердце мне не иначе как смертью полоснул.

Но годы рану эту по-своему лечили,
Что-то мне писалось, что-то удалось.
В издательстве "добро" две книжки получили,
Какому жал я руку и кланяться пришлось...

В книгах тех живет и твоя фамилия —
Все-таки не зря мы сорок лет дружили.
Годы наши не были для нас сплошной идиллией,
В них мы и пороги и колючки находили.

Но жизнь на то и жизнь — с живыми заморочками,
Попробуй в них по-нашему, по правде разберись!
Тогда давало время какую-то отсрочку,
А нынче говорить с ним просто не берись.

Случай, время, люди с тобой законтактируют,
Когда ты им пожертвуешь живые миллионы,
К тому же, они действия твои проконтролируют
И, может, даже снимут кольцо и медальоны.

Таков нынче век со своей структурой,
Родил его не иначе как СНГ аморфный,
Какой уже не ценит наследие культуры,
Лишь на Канарах чувствуя себя свободно и комфортно.

Ну как же, наши русские уже живут в Америке,
Не сами, так их дети там воздух рассекают,
Они там не хотят иметь себе соперников,
Не ведая, чем родина и дом их поживают.

От родины у них осталось только имя русское,
В каком нет чувства русского и русской нет души,
Они не знают, что в войну сраженье было Курское,
Достойное истории, о чем и ты пиши.

Но мигранты русские о том писать не будут —
Им русская история попросту чужда.
О родине своей, что знали, позабудут,
К своей земле и к родине глухая в них вражда.

Но вражды, как знает век, нисколько не имели
Шаляпин, Бунин, прочие, Рахманин да Тургенев,
Кто был в России гением, но трелей им не пели,
И за рубежом остался таким же дивным гением.

Хотел бы я, Никола, еще о нас поведать,
Чем наш мир сегодняшний на земле живет:
За деньги и идею нынче могут предать,
Отчаянный так вовсе в мир иной идет.

Я спрашиваю небо: свет, чем ты поживаешь
И к какому свету в космосе идешь?
Может, старину к сегодня привлекаешь
Или день сегодняшний старинке отдаешь?

Только смерть и смерть мы в Сирии встречаем,
Где гибнут люди, дети, гибнут ни за что.
Пресса мировая того не замечает
И делает, чтоб в мире того не знал никто.

Взрываются машины в Сирии далекой,
Не отстает от Сирии и трудовой Иран,
По взрывам и смертям совсем не одинокий
В своей арабской бедности живет Афганистан.

Россия в СНГ тоже кучеряжится:
У ней в метро, автобусах народ живьем взрывается.
Кавказские старатели - в миру не обыватели,
Они своей страны от СНГ спасатели.

Взрываются автобусы отшельниками жизни,
Для них жизнь безразлична, им потребна смерть,
Для них не существуют родина, отчизна,
ОНИ всегда готовы бесславно умереть.

Но ум их и характер судьбою исковеркан,
Неведомо какой по ним Гитлер прокатился,
Здравый ум у них сегодня бытием начертан
И при нажатьи кнопки для взрыва проявился.

Вот таков наш мир сейчас! Знай о том и ты...
Жизнь после нас с тобой крайне изменилась,
Сейчас у нас страна к стране - таможни и посты,
Людская дружба меж собой просто испарилась.

Ну и последнее, старик, чего себе желаю:
Жить бы и дышать тем временем и духом.
А тебе ж я пожелаю - другого я не знаю:
Пусть тебе земля была, есть и будет пухом...

10

Хотел бы рассказать, Калкен, как наш асфальт латают
Улицы и при тебе вовсе не блистали.

Сегодня эти улицы по новой покрывают —
Наверно, чтоб приезжий люд собою удивляли.

Опять дорогу главную мужики латают,
Что-то долбят кирками, лопатами гребут,
Вручную ямки, выемки асфальтом покрывают,
И каток катает, как видно, там и тут.

Приходится, по правде, только удивляться:
Сегодня залатали, а завтра - та же песня.
Машинами на скорости никак не разогнаться,
Поскольку асфальт выдолблен, вздыбился и треснул.

В годы горбачевские я в Дойчланде бывал
По простой тогдашней советской турпутевке,
Их дороги гладил, босиком топтал,
Завидуя немецкой трудовой сноровке.

Думал, чем же мы тех же немцев хуже?
У нас дороги наши — что каналы Марса,
К тому ж, они становятся губительней и уже,
О чем сегодня знает вся людская масса.

Этой массе сей резон как раз и непростителен,
Отчего и надо бы в корне все менять.
К дорогам мы относимся крайне отвратительно,
Что и заставляет от Европы лучшее принять.

Ну, что тебе еще сказать, Калкен-оглы далекий?
Жизнь не была помпезною, но все же удалась.
Стал я в личном творчестве совсем не одинокий,
Вот, может быть, от этого и книга родилась.

Ладно бы единая, так тройня родилась —
С разною тематикой и разными названьями!
Теперь в поселке признанный я Грибоедов-князь,
Какому предвещают все в области признание.

Никому не верю я и себе-балде,
Известность нынче ни за что и нипочем не ценится,

Так что нужен я большой Караганде,
Как спутник, что вокруг земли по орбите вертится.

Знать меня лишь могут только лишь друзья,
Каких в мою семерку раз-два и обчелся.
Ну, знает еще близкая и дальняя родня,
Да тот, кто Интернетом взял и обзавелся.

Говорят, о нас с тобой знает и Германия,
Только я прикидываю - то чистая фигня.
Есть у наших у друзей такая в жизни мания:
Там, где только тлеется, побольше дать огня.

В Германию, как помнится, подалось немало
Наших тепловозников и даже слесарей.
Не знаю, так ли там свободно они кусают сало
И так ли там оно родит Илюш-богатырей?

Были дни, и нас с тобой к рейхстагу призывали:
Там, мол, крепко ценится хорошая работа.
Свою помощь и содействие крепко обещали,
Ничего не требуя за свои заботы.

У нас хватило же ума и нервов отказаться
От такой далекой, шебутной и праведной заботы,
Неблагодарными с тобою мы не могли казаться,
Отчего и посылали дарственные квоты.

Друзья германские затем к нам и приезжали,
Делились благостью своей и житьем-бытьем,
О жизни в их чужих краях сладко напевали
И нам делали упрек, что мы слабо живем.

О них мы тоже знали то, что звезды не хватают:
Крыша, дом, житье-бытье — все у них казенное.
Правда, на машинах все они воздух рассекают,
И настроение у них вовсе не военное.

Они умеют пить вино и знают анекдоты,
Боятся наших холодов и нашей тишины,

А женщины так примеряют германские колготы,
О каких у них бывали только сны и сны.

Местный рынок так напичкан Турцией с Китаем —
Их товар послужит им только два-три дня;
Женщины, однако, товар сей покупают,
Бросая злое продавцу: "Вы грабите меня!"

А продавец с простой усмешкой: "Последний экземпляр!
Такого счастья вы нигде больше не найдете,
Даже если весь ваш расфуфыренный базар
Со всеми домочадцами вы нынче обойдете".

Таков мой мир, Калкен-ага, в СНГэвском веке...
В наше время, как-никак, а было все другое,
Все равно тогда кругом пеклись о человеке,
О нем же нынче лишь поют Москва да Бологое.

На деле нынче человек, как Христос, свободен,
У него своя земля и своя республика,
В своей собственной стране он, как бог, свободен,
Какого даже признает собственная публика.

Не хочется мне повторяться, Ник, о нынешних границах:
Нынче ты в соседний край без визы не пробьешься,
В Украину вообще не пролетит и птица,
А коль пробился, на таможне горя оберешься.

Ну, а то, что ты Калкен, тут обиды нету:
В идиоме казахстанской это разрешается,
Мне как неизвестному писаке и поэту
Это даже более своей страной прощается.

Меня ведь тоже земляки Калкеном называют,
Хотя по жизни, как и ты, я просто Николай;
Друзья мои в селе моем никак не подозревают,
Что мне приятно слышать их и имя выбирать.

Меня ведь тоже земляки Калкеном называют,
Хотя по жизни, как и ты, я Колькою родился;

Друзья мои и в дни мои никак не подозревают,
Что с именами этими могу к богам явиться.

В общем, друг Калкен-оглы, писать я прекрашаю.
Что-то где-то о себе и о стране сказал,
Не знаю, как издательство - пригласит ли к чаю,
Только к их издательству меня зовет вокзал.

В целом путь трехчасовой никак не утомляет.
Мне главное, Никола, чтоб в книге ты блеснул,
Это мои силы как есть удесятеряет,
Но доли не хочу такой, в какой ты, друг, уснул.

Как я уж говорил, не нужно смерти тихой —
Уж коли умереть, так умереть в сознании.
Пусть у постели постоит врач или врачиха,
И, может, я оставлю им свой бег, мечты и знания.

Может быть, они кому-нибудь в жизни пригодятся,
Кто-то, может, изберет подобную судьбу,
Может, поколенью новому они еще сгодятся,
И оно смело выберет дорогу и борьбу.

Ах, ЖИЗНЬ ТЫ, ЖИЗНЬ... Ты вечно на своем пути,
У тебя надежда и человечьи чувства,
Стремленье человека себя в пути найти
И сделать жизнь так, чтоб не было в ней грустно.

Ах, ЖИЗНЬТЫ, ЖИЗНЬ... Большая у тебя душа,
В ней много неизвестного, горького и скрытого,
Однако в тебе удаль, как песня, хороша,
Какая к сердцу тянется, будто в дверь открытую.

Наверное, для друга и я что-то пропел,
Рука к строкам забытым и сегодня тянется,
Жизнь нашу давнюю я не проглядел,
Пусть она в строках седых сердцем отражается.

Октябрь 2013 г.

ДИАЛОГ С ДРУГОМ

-Вот и ты, дружище, в выездных заботах.
В зарубежье дальнее, за большой кордон.
В ожиданье срока уж не шла работа,
Да и жизнь не в радость, да и сон не в сон.

То ль ты зарубежных фильмов нагляделся
С причудливыми формами их жизни боевой,
То ли в Казахстане с жизнью не притерся,
Забывая все-таки, что в нем ты все же свой.

Не радует тебя наше обновление,
Новые дороги и престиж страны,
Не трогаеттебя и наше возрождение,
Не радуют красоты и нашей Астаны.

Ты видел ее новую живой и несравненной?
Да Астана красою и твой Берлин затмит!
Рвешься ты в Германию, но твой шаг не верный,
Вряд ли та Германия сегодня есть магнит.

В девяностых были всякие подвижки
Для бегства в ту Германию у нашей ребятни:
Распад СССРа, Ельцина интрижки,
Госпереворот и много болтовни.

Да, трудности у нас всюду появлялись:
Нестабильность в партиях и во всей стране,
К тому же и деньжата в корне изменились,
И жизнь покатилась по своей волне.

Только Казахстан ведь не понесло в низину —
Наш Президент умело державный руль держал,
Казахстан вздымался, шел по жизни смело
И своих соседей примером заряжал.

Нынче мы вдыхаем дух нового обличья
Наших поселений и в целом всей страны,
Ну, а тебе советую, друже, для приличья,
Забудь свою Германию, там наши не видны!

Здесь ты повсюду на счету: в президиум сажают,
На производстве грамоты и премии дают,
Все твои проблемы товарищи сужают,
Улучшая жизнь твою, жилигце и уют.

В Германии такое, говорят, не водится,
Там ты, как ни бейся, чужой им и один,
Там только безупречная с тебя работа спросится,
По какой оценится, какой ты гражданин.

У тебя не первый год мечты о зарубежье,
0 небесной манне в тех краях чужих...
— Там не по рассказам роскоши - безбрежье,
Всюду на машинах мощных и лихих.

А живут, живут-то: комнаты — хоромы,
Роскошь и богатство льются через край,
Видео и теле там повсюду — горы!
Телефон в машинах — не житье, а рай!

"Сникерсы" и "Марсы", "Херше", "Рафаэлло",
"Баунти", "Солита" — кушай, пей, красуйсь!
Да, и ради этого я бросаю смело
Дом, друзей, работу, Казахстан и Русь.

А чего ловить здесь, коль в кармане пусто?
Заработок кровный в срок не получить,
Заработок тоже — далеко не густо.
Как же мне прикажешь на родине прожить?

Ты погляди на полки — да не было такого:
Все - от простой иголки — на рынках да в комках
А где же государство наше дорогое?
Ведь дефицит и цены не в его руках.

Кинь свой взор окрест — повсюду только частник,
Он ведь даже в душу человека влез,
Теперь он в государстве основной приказчик,
Цены у какого - хоть впору за обрез.

Рынком цивилизованным у нас пока не пахнет,
Повсюду обдираловка да полный беспредел,
Чтоб жизнь у нас сегодня не сбилась, не зачахла,
Нам как воздух нужен какой-то передел.

Ты был в постперестроечной провинции, в деревне
От прежней целины остался только след,
Ее плоды и слава преданы забвенью,
О ней теперь не вспомнит даже и поэт.

Каждому в республике хорошо известно:
Совхозы и колхозы ушли в небытие,
Златая прежде нива пустынна повсеместно.
Хватитли у родины сил возродить ее?

У фермеров, конечно, кое-что теплится,
Но робок в новой песне их сбитый голосок,
Не прежним хлебным морем степь наша колосится
Хрупок и печален в степи той колосок.

Пройдись по целине, такой цветущей прежде,
И в селеньях к людям в гости загляни,
Живут они, увидишь, без славы, без надежды.
Видно, и без родины, и без ее любви.

Горе неприкрытое на людей свалилось,
В каждую семью и в каждый дом вошло,
Все, что создавалось, нынче развалилось,
Что жизнью созидалось, теперь на слом ушло.

Целинные поля без плуга опустели,
И травою дикой сплелись и поросли,
Птичьи рощи певчие без жизни опустели,
И в небе не курлычут, как прежде, журавли.

Давно в домах целинников не слышно смеха, песен,
Не видно, как бывало, шумной детворы.
И люди уж не ждут целинных теплых весен,
Самой хлебопашеской на земле поры.

Не радует теперь и золотая осень,
Когда у хлебопашца полнятся закрома,
Когда в полях закончены уборка и покосы,
И ждется без натуги матушка-зима.

А осенью блаженствуют писатели-поэты,
Любуясь красотой и золотом листвы,
Чувствами рождая своей души секреты,
Что читаем сердцем и душою мы.

Нынче в поселеньях свадьбы не играют,
Застолья, встречи прежние нынче не в чести,
Целинники бывалые лишь век свой доживают,
Не зная, как селения и себя спасти.

Земля в целинный век их сытостью кормила,
Славу и целиннику, и родине несла.
Нынче ж славу эту порушила, сгубила
Рожденная политикой СНГ страна.

Как-никак, а были в хрущевском коммунизме
Совхозы, хлеб, работа, почтенье, слава, жизнь,
Запал души великий, стойкий героизм
И для страны любимой наш патриотизм.

Целина рождала межлюдское братство
И веру в неизменное счастье на земле,
Неся с собою правду, свет солнца и богатство
Своей такой раздольной распаханной стране.

Где, скажи, сегодня те радужные краски —
Совхозы, хлеб и пашни и яркой жизни свет?
Счастье и богатство нынче только в сказке,
А с целиной - все было. Того уж нынче нет.

Да так ли завещали нам счастие ковать
Люди дней Абая, Пушкина, Толстого?
Нам бы, современникам, не мешало б знать:
Делаем мы мало для счастия земного.

Сегодня заменить законы не пытайся:
За знания, лечение, за смех и грех - плати!
Не звенит в кармане? — Посредственным останься,
К стране будь милосердным и власть свою прости.

В скупом досье статистики безденежных — немало,
Да и всех посредственных враз не сосчитать,
Крепкие умы страна у нас уже теряла,
Да и продолжает поныне их терять.

Где искать работу? Ее просто нету!
С развалом СССР жизнь будто замерла,
Вот люди во спасение и мчат на Запад, к свету.
У нас же, что и было, реформа отняла.

Реформа, перестройка, плюс свои законы,
Равенство на Запад — нам это не впервой,
Живем мы не иначе как в каменном загоне.
Где путь к благопблучью — не чужой, а свой?

Какие нам мешают природы катаклизмы,
То ли мор народов, то ль новая война?
Полсотни лет затишья, но какой из "измов"
Для себя избрала СНГ-страна?

Что ей больше ближе — соци... или капи...
Иль у нас все тот же коммунизм в крови?
В какое мы стараемся обрядиться платье,
Дабы стать достойными вселенской любви?

Я вновь вернусь к работе - что в стране творится?
Даже с твоим высшим для нее ты - ноль!
Торговать мороженым иль сладкою водицей,
Может, и предложат, - вот это боль так боль!

Просто непонятно, куда все подевалось,
Где все эти многолюдные тресты, ПМК,
РСУ, заводики, базы, автобазы,
Кормившие собою трудягу-едока?

Вот я молодожен, и лет мне двадцать восемь,
А своей хавиры не было и нет,
Мне ждать ее придется десять, девять, восемь,
А то и вовсе двадцать бесквартирных лет!

Прежде работяга в очередь стремился,
Плелась она, как кляча, но все-таки плелась,
В итоге он хозяином квартиры становился,
Пусть и государственной, но он в ней- Бог и князь.

А нынче, присмотрись-ка, бесквартирных — море!
Очередь на хаус ушла в небытие,
Но коль ты с кошельком, то горе уж не горе —
Деньги всюду скрасят бытие твое.

Ты все же сопоставь, друг, жизнь нашу и чужую,
Хотя бы с побежденной Германией сравни,
Как говорят в народе: мы тянем доходную,
Поистине петровским временам сродни.

Вот колесо миграции зато и закрутилось —
Подалось в Германию немало земляков,
Живут они в поверженной — такого им не снилось
На их любимой родине во веки веков.

Работа в большинстве там — звезд с неба не хватают,
Начальственный их прежний престиж там не в чести,
Но Казахстан они, как видим, посещают,
Хотелось бы и мне, брат, подобный крест нести.

Мне жаль бросать, конечно, обжитое место,
Но живут в Германии — не снилось мудрецу!
Было б то и с нами, не сделай невский крейсер
Злополучный залп свой по Зимнему дворцу...

Эх, а какие там чудо-гладь дороги,
Топлива - залейся, сервис - неземной!
Ну а мы все дремлем, как медведь в берлоге...
Не рискнешь и ты ли, друг, за бугор со мной?

— Нет, ты выйди в поле, глянь на золотое
И колосьям низко, в пояс поклонись,
Для тебя ведь испокон оно свое, родное,
В нем твои истоки, родина и жизнь.

Выйди в степь на зорьке, прислушайся к цикадам,
Поклонись как прежде седому ковылю,
И скажет твое сердце: чужого мне не надо,
Я эту сгепь и небо, я этот край люблю!

Выйди за околицу, подойди к печальной
Березке златокудрой — ей тоже поклонись,
Здесь со своей любимой в школьный вальс прощальный
Вы любить друг друга навеки поклялись.

Нет! И степь бескрайняя, и поле золотое,
Деревенька тихая с березкой у плетня,
Как седая матушка, как детство дорогое,
Будут до могилы в сердце у меня.

Правда, друг, не спорю, прелестей, соблазнов
За морями синими счесть-не перечесть,
Да, у нас и бедно, где-то пыльно, грязно,
Но для нас святое что-то в жизни есть?

Трудностей сейчас в СНГ немало,
И у нас республике они не так редки,
На порядки жизнь у нас подорожала —
Годы перестройки для многих нелегки.

Но поверь, дружище, все это преходяще,
На смену затемненью светлый день грядет.
Будет и у нас жизнь чистой, настоящей,
Растают ложь и злоба и отчужденья лед.

И поверь, дружище, ты вспомнишь, как Тургенев
На смертном одре тихо друзей своих просил:
"Поклонитесь дубу, что посадил я в детстве,
Родине, которую я нежно так любил.

Поклонитесь лугу и траве высокой,
Озорным мальчишкам, ночному табуну,
Видно, никогда я из страны далекой
Их, мою Россию больше не обниму".

Что ж, я верю, друже, будешь ты с машиной,
Но сердце твое будет терзаться и страдать,
Тебе всегда чего-то, даже непогоды
Нашей казахстанской будет не хватать.

Будет не хватать росного рассвета,
Запаха полыни, дыма кизяка,
Кдзахского: салем, русского привета,
Простого соучастья друга, земляка.

И тогда тебе навсегда взгрустнется
Без нашего застолья, без песен, без друзей,
И поверь, не раз один болью отзовется
Жизнь на чужбине без родины своей.

— Да, старик, ты прав, я не отрицаю,
В тебе коммунистичности — что в ленинском ЦК,
За что по старой дружбе тебя не осуждаю,
Вера в наши власти ой, как еще крепка!

Людей, как мне сдается, вовсе не пугает
Прожиточный их минимум и социальный бум,
Страна на жизнь цены только повышает,
Планово-расчетливо, а не наобум.

Глянь на ширпотреб, что наши люди носят,
Ведь все заполонили Турция, Китай,
Хламье б их золоченое на помойку бросить,
Так заменить ведь нечем их заморский рай.

Где наши "Джетысу" иль "Караганда-обувь",
Прекрасные костюмы фабрики "Восток",
Вещи ПавлодараДалдыкоргана обувь,
Служившие хозяину не один свой срок?

А возьми билеты нынче на концерты,
Скажем, на Леонтьева иль других светил -
Тут разоренье явное для студентов, смертных,
И надо ж, на концерты меня сам черт носил.

Однако верю я, что людям это нужно,
Только не забыть бы и советский след,
Когда лишь со стипендии мы ходили дружно
На представления в цирке, в кино и на обед.

А возьми подписку? Тут нонсенс без изъятья,
Прежде я выписывал враз на годовщину
Изданий штук пятнадцать своих и наших братьев,
Платил, не разорялся, что пахло дармовщиной.

А нынче ты пытался? Подписка раздевает
"О натюрель", что значит: природно, наголо,
Не будь в программе надобность,
Сидел бы я, зевая, у ящика цветного, да смотрел кино.

Еще, скажи, ты можешь нынче разориться
Прогуляться в отпуск на дальний самолет,
Скажем, на Москву или в свою столицу?
— Такое лишь приснится...
— И я о том же, вот.

А вспомни, как бывало, пенсионер пытался
На свои сто двадцать улететь в Москву,
И улетал, пил пиво, тут же возвращался,
Разогнав и старость, и свою тоску.

Сегодня сделать это — дистанция другая,
На пенсию ты сможешь лишь к Богу улететь,
Так как, по несчастью, жизнь выпала такая,
Когда от безысходности лучше помереть.

— Ну, у тебя, дружище, много черных красок,
А все как ты на Запад лыжи навострил...
— Я лишь жизнь без всяких наших масок,
Веря, что народ наш прежде лучше жил.

— И все же, друг любезный, не зришь ты позитивы,
А их ведь в жизни больше, согласись со мной,
Ведь сделать жизнь краше завещано живущим,
Что значит: современнику, стране и нам с тобой.

— А у меня, для сведенья, в классной той Германии
Сказочная Золушка в Веймаре живет.
Красотой сравниться ей лишь с Аллой Ларионовой,
Да с луной небесною, что красит небосвод.

Потому и рвусь туда, хоть ты и осуждаешь,
Причина же миграции — в нашем житии.
Ты на свои слесарные много ль погуляешь
И сможешь ли хоть к пенсии в угол свой войти?

Квадратные проблемы мои с твоими спорятся,
Она у нас в республике такая, видно, всюду.
Массово жилье у нас давно уже не строится,
Как, скажи, наверстывать его потомки будут?

Погляди на Астану — сколько понастроено!
Не дома — верзилы! Квартиры же — пусты,
Потому как денежкиза них в стране утроены,
Вот люди и бегут от них в трущобы, как и ты.

— Но колесо истории вроде закрутилось,
Массово же строится какое-то жилье,
Какое, говорят, нам прежде и не снилось...
— Какое съест тебя, меня, наш дух и бытие?

Попробуй, заимей его по нашей ипотеке —
Уж точно облысеешь или в дугу согнешься,
Будешь упираться рогом на аптеки,
А то от безысходности вообще сопьешься.

Скажи, старик, ты встретишь нынче любованье
Трудом людей, как было, да и трудом своим?
Мы так давно не видели святого упования,
Чем жили наши предки, достойные любви!

Где нынче наши песни, бывшие у предков
В честь всегда большого, красивого труда,
Когда с душою теплой и светло и метко
Воспевались наши поселки, города,

Деревни, городишки, заводы и поля?
О них писали книжки, и славилась земля!
Ту славу несли люди делами всех побед...
А нынче наши люди хоть по-пьянке будут
Такие песни сочинять и пред народом петь?..

Думаю, что нас сонливость обуяла,
И Обломов истинный в наш вселился век.
Думаю, дружище, что делаем мы мало,
Чтоб счастлив в Казахстане был каждый человек.

— Но, видим мы, у нас инерцию страна
Силою народа с плеч своих свалила,
Воочию теперь стратегия видна,
И в ней, как никогда, живительная сила

И дух народа праведный! А, по всему, пока
Мы только расправляем наши плечи-крылья,
Чтоб строить жизнь нашу, строить на века,
И как поется в песне: сказку сделать былью.

Да, пока мы дыры старые латаем,
И счастье не чужое, а кровное куем,
На виду у мира в явь мы облекаем
И счастье в Казахстане мы для людей куем.

Пусть еще тучнее нынче колосится
Наших нив бескрайних золотистый хлеб,
Пусть детишкам нашим еще слаще спится,
И перо наточит воспрянувший поэт —

Чтобы Казахстана восплеть шаг и поступь,
В СНГ великом, какой не без тревог,
Жить в каком сегодня стало всем непросто,
Потому как нет еще наезженных дорог.

Но Казахстан, мы видим, идет в миру упрямо,
Небывало твердой поступью коня.
Нынче ярче прежнего реет наше знамя,
И с каждым днем все краше становится земля.

Воочию мы видим, как крепко богатеет
В СНГэвской поступи великий Казахстан,
Ветром возрождения в Казахстане веет,
Может, и на зависть СНГэвскихстран.

— Да, старик, я вижу, ты выше идеологов,
Какие обещают людям крышу дать,
От богача крутого до Серафима голого,
Кому придется крышу до могилы ждать...

А что, уже и планы есть вдвое бедных снизить,
Намечено правительством — тут разве не победа?
Люди станут явственней благополучье видеть,
И я в свою Германию уж точно не поеду!

Смотри, старик, какой размах! Нефтепроводы строим
В соседний нам Китай. И газ дадим, наверно.
Значит, в нынешнем миру наш добрый Казахстан
Взметнется в высоту и зацветет безмерно?

Но скажи мне, дорогой, прямо, без лритворства:
После всех этих услуг мы богаче станем?
И что мы оставляем своему потомству?..
Ты этого не знаешь? И я того не знаю.

А так ли Каспий наш, скажи, божествен и бездонен?
И те ли наши виражи, на том ли мы прогоне?
Те ли нам нужны пути от Каспия родного,
Может, лучше нам дойти до берега другого?

До своих родных границ, в них и оставаться,
Видеть свет своих зарниц, и ими любоваться?
Тогда и впрямь мы сохраним потомкам недра, воды,
Потомки ж сложат нам свои приветственные оды,

Повторяя по-советски поэта верные слова:
”Не нужен нам берег турецкий, и Африка нам не нужна".
— Скажи, а нужио ль наше ветреное племя,
Как говорил Тургенев, в Вене иль Париже,
В Германии с Америкой, в Бельгии на время,
В Италии с Испанией и даже где-то ближе?..

-Да, друже, понимаю твоих забот сонмище,
Ты так и остался коммунист лихой,
Поболе бы таких — все были бы с жилишем,
И не пахала б Африка древнею сохой.

Я вот рвусь в Германию, бросив все на плаху,
Только б побыстрее в те края попасть,
Ради той Германии расчехлился с маху,
Не боясь в чужом краю споткнуться и упасть.

Ты ж слышал, что начальники, что прежде жировали
У нас, в краях родимых, там звезды не хватают,
Метутдворы и дворики, деревья подстригают,
Живут, однако, сытно все, да и пивко лакают.

А помнишь, журналистка в "Новом поколении”
Гайкалова Ирина трудилась и цвела?
Сейчас живет в Германии - разве не обидно,
Когда талант республики Дойчланд увела?

Ты прав, что надо видеть поле золотое,
И колосьям низко, в пояс поклониться.
И у нас и впрямь все близкое, знакомое, родное,
Здесь истоки наши — им бы нам молиться!

Нам надо воспевать Казахстана поступь,
Не скрывать, конечно, и жизненных тревог,

Жить в СНГ сегодня по-новому — непросто,
А все как у республик теперь лишь свой порог.

В целом я приветствую вашу журналистику,
Газеты и журналы сегодня и всегда,
Простые откровения статистов и статистиков,
И тех, кто нынче строит дома и города.

Может, ради этого в Берлин я не поеду,
И, видно, никогда не брошу Казахстан,
Может, то и будет над собой победа,
И не будет сниться мне чудо дальних стран.

- Верю, дорогой мой! Я против зарубежья
И твоей миграции в хваленую Германию,
Будет и у нас житье много лучше прежнего
С верой и надеждой, с песней и компанией.
И сделаем мы это, обгоняя время,
Не ожидая райского две тысячи тридцатого,
Мы сами на себя взвалили это бремя,
Какое жизнь народа сделает богатой.

Богаче, чем в Финляндии иль в нефтяном Кувейте,
В Америке с Германией и золотой Швейцарии,
Мы будем путешествовать с тобой по белу свету,
Ездить на Канары, купаться, слушать арии.

Тогда народ и правда новый гимн напишет,
Он будет, как молитва, в сердцах и на устах.
Люди, что так счастливо они живут и дышат,
Будут крестно славить себя и Казахстан.

Мы видим нашу поступь, и видит наше око,
Как цветет и красится наша Астана,
Хочется, чтоб сделали ее звездой Востока,
Столицей возрождения, дружбы и тепла.

Нам хочется с тобой, как и народной воле,
Чтоб каждый казахстанец еще богаче стал,

Чтоб у нас светились и земля, и поле,
И краше становился великий Казахстан.

Хотелось, чтоб ТВ у нас работало по-новому.
Зачем оно загнало в ночь "Человек..." Пиманова?
На этот час бы прокрутить Африку слоновую,
А "Человек с законом" даст жизнь нам не обманную.

Для чего, скажи, ТВ, на нашей "Евразии"
"Что? Где? Когда?" за полночь задвинули?
Ведь было все отлично, а нынче тебя сглазили?
И для народа доброта надолго ли покинута ?

А для чего, скажи, ТВ, "Играй, гармонь" исчезла?
Иль тебе не нравятся проделки гармонистов?
А ведь почти как тридцать лет гармонь шагает смело,
И ей открыты всюду двери и границы.

Будь Заволокин с нами, он бы удивился -
Ведь "Играй, гармонь" им и рождена,
Теперь "Играй, гармонь" с экрана удалили -
Много ли в том выиграли теле и страна?

Все наши достижения даром не даются,
Вложен труд народа, страны и Президента,
В своем стремленье к счастью они в пути сольются -
Вот когда воспрянут песня и поэты!

Чего нам не хватает, дорогой товарищ?
Наверно, наше счастье делать нам самим,
Сил у нас хватает, надо только взяться
И пожелать такого всем остальным другим.

Что нам остается, если по серьезному?
С Германией ты точно порубил концы,
Мы пережили всякое - и сорок первый грозный,
Где сражались деды, братья и отцы.

Хотелось пожелать бы бесплатного леченья,
Бесплатных альма-матер, бесплатного жилья.

Чтобы бесквартирные закончились мучения
И, наконец, вселились бы в светелки ты и я.

Чтобы у нас были лучшие дороги,
Чтобы у нас строились лучшие дома,
Чтобы мы забыли про всякие тревоги,
И чтоб нас не страшили морозы и зима.

Пусть нынче мчатся годы своею чередою,
С нашими свершеньями надежды и мечты.
Пусть Казахстан великий и его народы
Рождают только счастье в объятьях красоты.

Есть у нас для этого мудрость Президента,
Воля казахстанцев, их жизненный порыв.
Планы и стратегию наш Президент наметил,
И Казахстан уж сделал первый свой заплыв.

Плыть придется нам по жизненному морю,
Вест нам не поможет, как и никто другой.
Мы сами покорим его ширь-просторы,
И на землю ступим твердою ногой.

- Да, старик, я верю, так оно и будет,
Казахстан уже сделал свой большой полет,
Таких, как я, наверно, он все равно разбудит
И ко всем свершениям поведет вперед.

- Спасибо, дорогой, я ждал твое прозрение,
Мы все же в Казахстане родились с тобой,
Наверное, и на прочих нахлынет озаренье,
Какие из страны своей не ступят и ногой.

Не станут им нужны германии да штаты,
В нашем Казахстане тоже будет рай,
Мы идем к победе, как шли в войну солдаты,
И сделаем богатым свой великий край.

Хотелось бы, по правде, чтоб к широким далям,
Пусть и по особому, восточному пути

Люди, взявшись за руки, каждый раз желали
Сплоченно к светлым далям всем обществом идти.

Чтоб напрягом дружеских и спаянных усилий,
Своею прозорливостью и светлостью ума,
Сплоченьем средств народных, людской мечты и силы
Л юди все творили лишь добрые дела.

И конечно, были счастливы как боги,
И здоровы сердцем, телом и душой,
Чтобы обходили их несчастья и тревоги,
Чтобы всем жилось только хорошо.

Ну а выше счастъя, пусть даже и восточного,
Нет в мире ничего дороже и священней,
Наверно, ничего нет на земле порочней,
Чем бедность и убогость в век наш просвещенный.

Агадырь, 2013 г.

ДУМЫ ОБ ОДНОЙ ВСТРЕЧЕ

Наверно, я обязан был жизни и судьбе
Иль, может, случаю, меня в себе хранящему,
Сказавшего: завидую, дорогой, тебе
И желаю счастья только настоящего.

Так сказал и вскорости своротил мой путь
С агадырских тропок в нашу Астану,
Дав мне зачарованно и пристально взглянуть
На красу-столицу, а значит, на страну.

Нынче этот город просто не узнать —
Акмолинск затрапезный, затем Целиноград,
Видел — его нынче взглядом не объять,
А гостем побывать и вовсе был я рад.

А побывав недавно, для себя негаданно,
Может быть, судьбе и воле вопреки,
Встретил вдруг того, кого давно загадывал,
Развязавши в памяти тугие узелки.

А встретил неожиданно, в счастие поверив,
Большого казахстанского мэтра и поэта,
Которого с великими поэтами лишь мерил,
Веря всенародной нетленной мерке этой.

Поэт Владимир Гундарев знал меня едва,
В "Просторе" он однажды меня как-то видывал
И где-то даже добрые, от души слова
За вещи мои в нем он сказать планировал.

Теперь вот и представился случай нам такой,
А я так пред поэтом преклонил колени,
Сказав, что я поэт, по сути, никакой,
Но с прозою иду рьяно и без лени.

Два моих рассказа и "Нива" приняла,
Есть еще наметки на роман и повесть.
Сие она приветствует - с прозою дела
Мчатся у меня активно и на совесть.

Повесть - достижение, так к своей беде
Я выродил роман, родилдушой и сердцем,
Кропил его слезами, мочил в святой воде,
Читал молитву бабки, пудрил папки перцем -

Чтобы, по преданию, роман увидел свет
В мною уважаемой и любимой "Ниве"
И к тому ж услышать редактора совет
Нелицеприятный, однако справедливый.

Быть ему в журнале иль никогда не быть,
Затронул ли роман чью-нибудь судьбу,
И сможет ли читатель хоть как-то полюбить
Весь романный люд, его любовь, борьбу?

Вопросов было много, а ответа нет.
Так и остаюсь я до сих пор незрячим:
Что скажет о романе страны большой поэт —
Завязнет он в трясине иль скакуном поскачет?

А коли будет сказано: "Дорогой, уймись,
Найди себе другое, старческое хобби,
Значками иль монетами, марками займись,
Может, от писательской избавишься хворобы", —

То приму я близко, как на войне, приказ
И со своим романом уж точно поступлю,
О чем когда-то ведал Тургенева рассказ,
Как немой Герасим — со своей Муму.

Поэт Владимир Гундарев, улыбки не скрывая,
Рукопись-роман покачав рукою,
Мне с какой-то думкой, но все-таки сказал:
Романом он займется не раньше как весною.

Ах, Владим Романыч, пошли вам, Боже, счастья.
Новых ваших книжек и всяческих удач!
А в творчестве Слепцова — вашего участья,
Ну а вашей "Ниве"- решенья всех задач!

Еще хочу, Романыч, чрез "Ниву" поклониться
Поэтам Шиленко Ольге и Сагин-Гирею,
Позволивших в "Просторе"Слепцову засветиться,
Куда теперь пробиться я сроду не сумею.

До них блуждал в потемках агадырский агнец
Со своею робкою пробою пера,
Который нынче просто с сединою старец,
Однако верный творчеству сегодня и вчера.

Счастье при Шиленко Слепцову улыбнулось:
"Простор" зажег в провинции, в Агадыре свечу,
Такое агадырцу и во сне не снилось,
За что Шиленко Ольге рахмет сказать хочу.

Большой рахмет с поклоном и Сагин-Гирею,
Душевным их вниманьем был встречен, обогрет,
Попасть в "Простор" родимый я и теперь лелею,
Но без них к "Простору" мне дороги нет.

При них мои рассказ и повесть появились,
Благодаря каким мой Агадырь мелькнул.
Такое агадырцу и во сне не снилось,
Видно, я везунчик — так про себя смекнул.

По-прежнему я кланяюсь Шиленко и Гирею,
Сумевших неизвестного новичка впустить,
Лишь с пробою пера какой дружить умеет
И с нашими журналами пытается дружить.

Но по жизни я всего лишь слесарь и снабженец,
Железнодорожных сорок лет отдавший им двоим,
На литературном поприще я истинный младенец,
В себя совсем не веривший, но верившим другим.

Теперь мне без Шиленко к "Простору" не пробиться,
А без Сагин-Гирея не будет и строки,
Хотелось бы с журналом как с братом подружиться,
Но нужны ль журналу поэты-старики?

В мою семерку круглую велико ль познанье
И в литературном творчестве велик ли мой разгон?
В журналах мне не шибко готовят лобызанье,
Теперь меня не лримет ни один патрон.

На порог не пустит и Гундарева "Нива",
Михайлова отставку даст ветеран-"Простор",
Они меня попотчуют лишь одним мотивом —
Им нужны шедевры, а не бумажный сор.

Вот теперь и думай, кто над тобою властен,
Случай, ты, редактор иль твоя судьба?
Хотелось б мне иметь хоть с мизинец счастья,
Но кто его подарит — неужто сатана?

А много ли потребно тому ж пенсионеру?
Есть своя квартирка, стол всегда накрыт,
В агадырском обществе котируюсь примером,
В хоре ветеранском тоже не забыт.

Недавно в Казахстане выборы прошли,
Люди к этим выборам многого желали —
Чтобы же сгорали степные ковыли,
И пашни больше хлеба своей стране давали.

Чтоб казахстанцев радовала золотая осень,
Когда полнятся хлебом наши закрома,
По стране закончены уборка и покосы,
И не страшна для каждого матушка-зима.

Пусть осенью у нас блаженствуют поэты,
Колосом любуясь и золотом листвы,
Когда душой и сердцем рождаются сонеты,
Чувственно какие читает жизнь и мы.

Мне хочется в ту пору себя двадцатилетним
Почувствовать, но это не каждому дано,
Жизнь хочется погнать, как четверку плетью —
Быть ей на задворках никак не суждено.

Ей блажить суждено не одним столетьем,
Историей народа и временем своим,
Жизнь идет живая по земной планете,
За что по-человечьи ее и поблагодарим.

2

Стих родиться может только у таланта,
Чем меня Всевышний никак не наделил,
В себе его ищу я, как ищут в мире злато,
Но для меня то злато Бог не обронил.

"Простор" открыл алмазы в поэзии Шиленко,
Стихом журнал порадовал известный Минаков,
Как в лунный сад вошел и поэт Кихтенко,
Свой подал голосище и некто Кругляков.

Гундарев Владимир, наблюдавший чаек,
Приветствующих море, небо и себя,

Он о полете мысли чает и скучает,
Заразив поэзией и огнивом меня.

Как ни крути, а сердце все же содрогнется,
Когда "Нива" скажет: "Друг наш, не пойдет!"
Тогда к стихам Романыча и мой стих прикоснется,
Его "Ветка молнии" уж точно в плен возьмет.

Себя ж я наставляю: будь таким поэтом!
Стиль его, науку, манеры постигай,
В поэзии отыскивай лишь свою ЭРАТО,
Тогда уж "Нива" скажет: свой голос подавай!

Талант Эрато видит и чувствует душою,
Его и Божьей волей готова прорастить,
"Ниве" лишь останется плохо, хорошо ли
С кем-то побрататься, кого-то побранить.

То делается в жизни лишь для пользы дела,
На пользу стихотворца, поэзии живой,
Какую бы вещицу он творчески ни делал,
Коль в нем талант теплится, тот в журнале свой.

Сагин-Гирей в "Просторе" всегда был только свой,
Коптева Людмила ему же и под стать,
Журнал она любила сердцем и душою,
Алмазы заставляя светиться и блистать.

Как заблистали золотом стихи Шиленко Ольги,
С легендой и надеждой, что яблоневый дух,
Встревоженные людьми становится он болью
И сладостною негой, изжившей злой недуг.

И правда, я ликую, что живу в стихах,
И в ночи завьюженной с ЭРАТО обретаюсь,
Какая мне лепечет: ты предо мной в долгах,
Долг отдашь стихами — я за тебя ручаюсь.

Ты должен то найти, что всегда искал,
Чтоб строка поэта согревала душу,

Найдя крупицу золота, их людям отдавал,
И связь с литературой больше не нарушил,

Долги те для поэта - с музою дружить
И своей богине кланяться - ЭРАТО,
Дружбою, какою ты должен дорожить,
И быть ей не иначе как другом или братом.

Как дорожит Шиленко, спросивши человека:
"Зачем ты вырубаешь на земле сады?
Делая природу поистине калекой,
За это человеку не миновать беды!

А ведь без сада, знаешь, птицы не гнездятся,
И пчелы медом жизненным нас не усладят,
Рубить сады — грешно, то надо б опасаться,
За что они людей душой вознаградят".

А дальше у Шиленко шиповник и цикорий,
Цветы, рассветы в сопках, восточное житье
И отчего-то именно подсолнечное море,
Какое станет жизнью и гаванью ее.

Молилась поэтесса Кришне и Аллаху,
Прося дать радость юрте, старцу и юнцу,
А я так попросил бы, чтоб Андрей Малахов
Улросил Шиленко к московскому дворцу.

Чтоб выступить прилюдно, душою отдыхая,
С "Зеленой колыбелью", "Творчеством", "Молитвой",
С "Кудоргой", "Кунгуром", с "Зелеными стихами",
С раздумьями над жизнью, над миром и над битвой.

Пусть в том помогут ей искусства свет, и боги,
И людская память, поросшая быльем,
Коль к слову у поэта есть своя дорога,
На ней и в непогоду она себя найдет.

Читатель казахстанский у нас — неравнодушный,
Он склонен к беллетристике, падок на стихи,

Умеет и хвалу, и критику послушать,
Зреть творчество талантов хороших и плохих.

Мне ж хочется объять поэтов откровения,
Сделал бы я это и для бывшей прачки,
Знавшей жизнь нелегкую былого поколения,
Живущего сегодня без всяческой заначки.

И все же мы сегодня подмечать умеем
Нашей жизни праздники и нашу злобудня,
Рождающих в поэтах творчества идеи,
Мудрость в них людскую и любовь храня.

3

Эх, сделать б мне стихом, как Гундарев "Малиновку"
С просторами широкими пашен и полей,
Дача-огород с цветущею калиною,
Где сживался с жизнью веселый соловей.

Тут же и скворцы, и осы кучковались,
Паутинки сеть опутала траву,
А соседи летом солнцем любовались,
Верстая в своей жизни новую главу.

Поэта донимали и думы о Кыштовке,
Незабвенной родины с младенчества своей,
Где помнилось зерно янтарное в кошелке
И аромат черемухи с Тары и с полей.

Та его Кыштовка — далекая Россия,
Она же его родина, где родная мать,
Какие он в поэзии и в своем сердце выносил,
Готовый им и жизнь свою по капле отдавать.

Кыштовка деревянная и, наверно, дальняя,
Поэт какую видывал, прикрывшись лишь рукой,
И навещал весною, когда снег уж стаивал,
Потоком уносившийся и Тарою- рекой.

Назвать вас господином, Романыч, я не смею,
Вы со мною другом стали — с чистым простачком,
Быть притворным в жизни я просто не умею,
И вот зашел я в "Ниву" смело, не тайком.

И вы смогли принять безвестного поэта,
Стихи какого свет, как Бога, не видал,
Стихи мои плохие, ведь таланта нету,
Они ж меня находят и валят наповал.

С вами мы, Романыч, не можем быть едины,
У нас по жизни нашей несхожие пути,
Мне так больше нравится быть простолюдином,
С простым народом, говорят, сподручнее идти.

Вы, Владим Романыч, со мной просты, как правда,
И я к вам напроситься в товарищи хочу,
Вы — большой поэт, но нет в вас той бравады,
Что видел я в известных, о чем и не смолчу.

Я тоже проживаю в прокуренной квартирке
С ровесницей-женою — нам по семь и пять,
Дома - телевизор, маленькая стирка,
А ночью стих, как сторож, бодрствует опять.

Наверно, не должны мы думать о том свете,
Ни вечером, ни ночью, ни рано поутру.
Жизнь должна быть рядом в стране с любым поэтом,
Он слов не должен слышать как "смерть" или "умру".

Меня так все же тянет свой стих живым увидеть
В "Ниве" хоть куплетом в одном из номеров,
Сокрашенья всякие вовсе не обидят,
Как и в назидание пара крепких слов.

А я поинтересуюсь, закурив сигару
И думая о бренности у нас литературы,
Мы ее сужаем иль поддаем ей пару,
Она теперь на гребне или в хвосте культуры?

Где романы типа "Абай" или "Обломов",
Фильмы с казахстанским Бровкиным Иваном,
Мы - на перепутье иль на переломе.
На крутом подъеме или на диване?

Где наше устремленье в творческом полете,
Олжасы Сулейменовы, Гундаревы - где?
Молодая поросль — на полосе, на взлете
Иль просто уподобилась работнику-балде?

Где двадцатилетние Чоканы Валихановы,
Грибоедов, Лермонтов и Есенин свой?
Поэзия которых — в небесном полыхании
Излучала жизни свет только огневой!

Поросль однако мы пестовать умеем,
Колесников, Сараев, Татьяна Кушулун,
Орешкина и Кротов, мы их сберечь сумели,
Мы ждем их на страницах в стране в любом году.

Владимир Третьяков, что в тихом Кокшетау,
"Блуждающего форварда" не хочет повторить?
Читательждетстихи Широкова Виталия,
Может ли "Чингиза" он нового родить?

Татьяной Кушулун и ныне восхищаюсь
И верю ей, что осень горчила и горчит,
Может, оттого, что негаданно умчались
С земли обетованной залетные грачи?

Хочу и Полубоярцеву руку я пожать —
Он все-таки с забытой далекой перестройки,
Хочется потискать и душой понять
Его белый стих, нескладные их строки.

Наверно, я от жизни и вправду отстаю,
Поветрий литературы не ведаю, не знаю,
Читаю, что журналы собою подают,
Где светил я встретить извечно ожидаю.

Хотел бы и себя увидеть на страницах,
Ах, какой душевный бы разгулялся той!
Но "Нива" агадырцу может лишь присниться,
Он поэт в кавычках и вовсе не крутой.

"Есть стихи, что тотчас увядают,
Ибо корень их был неглубоко,
Есть стихи, что, родясь, ожидают
Своего отдаленного срока".

В этом я с Мартыновым уж точно соглашусь,
Хотя мне сроки дальние отродясь не снились,
С поэзией, однако, я в журналы рвусь,
Хочу, чтоб и сегодня там трошки потеснились.

Читая временами трудную поэтику
В крытом полисадничке, а то и в гараже,
Душа не принимает чужую энергетику
И шлет на всех поэтов самого Беранже:

"О, гром стихов высокопарных!
Как ты противен мне и дик!
Толпа новаторов бездарных
Совсем испортит наш язык".

Себя же подначивал — хорошо читай
Владимира Романыча, Шиленко, Ян Вон Сика,
Поэтику Сараева из Кокшетау знай,
И, в целом, мир поэтики ведай многоликий.

4

Мне хочется проникнуть в мир нашей тишины
И видеть мир спокойным, без войн и без смерти,
И, как Ермолаева, видывать лишь сны
О жизни человечьей без всякой круговерти.

Как хочется читать Шиленко и Сагин-Гирея,
Гундарева бы томик так у сердца грел,

Но их произведений я и нынче не имею,
Оттого как ни один книжмаг их близко не имел.

Потому и жду их в "Ниве" да "Просторе",
За что их как читатель душой благодарю,
Сколько б ни велось в журналах разговоров,
Я поэтов этих искренне люблю.

Прозою я тоже в журналах увлекаюсь,
Ах, какие темы умеют поднимать!
Я их своим сердцем чувствую и маюсь,
Не ведая, что жизнь так много может дать.

Мои ж стихи ничуть поэтикой не блещут:
В них улично-дворовый, бедный лексикон,
Михайлова, Черновой и Шашковой вещи
Уж точно вызывают читателя поклон.

Мне ж с моей поэтикой, бедной и безликой,
Некуда податься, но стих во мне живет!
Хотя и понимаю, в поэтике я - дикий,
Достойный одной визы: "Топорно, не пойдет!"

Я полню ряд поэтов слабых, первопробных,
Со смысловой сумятицей и языком небрежным,
В стихах своих корявых, хоть сдобренных и сдобных,
Все равно глядятся смешно и безнадежно.

А коли присмотреться — стихи мои из биты,
И хранят не иначе одну лишь пустоту,
В них истый нафталин и сухость не изжиты,
И слишком они давят собой на простоту.

Мне бы надо в классику поглубже окунуться,
Чтоб объять в ней, в целом, поэзии материю,
И пред печатным светом залечь и зарекнуться
Выставлять подобие рифмованной мистерии.

Обозревая нынче наш творческий процесс,
Его пути развития и существования,

Литература в Казахстане - упадок иль прогресс,
Сил хватит у нее для роста с процветанием?

Видать, Владим Романыч, тут логика верна,
Седина в правах нас и вправду уравняла.
Ах, только б в жизни этой наша седина
В нашу жизнь поэзии вторгаться не мешала.

Тому, кто все же книгу втихомолку пишет,
Я от себя и Бога хотел бы пожелать:
Пусть все ваши книги только правдой дышат,
И никогда дитяток не бросает мать.

Наверно, я поэтике с поэтами поверю,
Что мы часто мчимся в объятия листа,
Уподобляясь где-то блуждающему зверю,
Ищущему место пригреться и пристать.

Я читаю "Ниву", в ней Юрия Поминова,
"Хроника страны" для меня — шедевр.
Ту хронику я истинно сравнил бы даже с гимном
Так крепко в ней натянут человечий нерв.

Нерв СССР-Союза, родного Казахстана,
Невзрачного, аморфного, чужого СНГ",
Живущего по плану, где-то и без плана,
С развалом же Союза и вовсе как во сне.

При Ельцине страна бурлила, кувыркалась,
С нею СНГ и немытая Россия,
Здравые умы в миру лишь улыбались —
Ленина страна угроблена без силы?

Угроблена без войн и всяких революций,
Посидела тройка, тряхнула стариной,
Тут же породив охапку резолюций:
СССР не будет единою страной!

Но у Казахстана есть волшебство и сила,
Это волшебство - его народный дух!

Какой развал Союза с горечью, но выносил,
И пламень к СНГ в нем тоже не нотух.

Шаг страны Абая к счастью и прогрессу
Нынче тверд и верен, печатен как в строю,
Она стоит на страже народных интересов,
Видя в том и значимость, и долг, и жизнь свою.

"Что я желал бы под шатром судеб?
Всего, что вы желали бы, того же,
Чтоб легче и дешевле стал бы нынче хлеб,
А слово и весомей и дороже.

Наполним кружки, мудрствовать не будем,
И первый тосттакой провозгласим:
"Пусть будет хорошо хорошим людям,
И по заслугам плохо всем плохим".

Еще нальем и вспомним изреченье,
Достойное громокипящих рек:
Пустьдетство будет кратким, как мгновенье,
А молодость пусть длится целый век".

На том, друзья, закончим наш агадырский той,
Гамзатову за стих так от души поклонимся,
Поэтике же нашей, любимой и святой,
Как матушке родимой крестно и помолимся.

А я так, между прочим, и "Ниве" поклонюсь —
Здесь редактор Гундарев беседовал со мною,
Спрашивал, давно ли я стихам своим молюсь
И "Ниву" отчего они обходят стороною?

Я сказал поэту: "Я лишь — стихоплет,
С прочими известными сравниться даже стыдно,
На свои марашки гляжу, как на помет,
Потому в печати их до сих пор не видно".

Я всего лишь слесарь с железнодорожной коркой,
А потом — снабженец, нужный, боевой,

Сорок лет поэтику считал своей морокой,
И только лишь на дембеле стал ей вроде свой.

Время пенсионное — хоть трамбуй в кубышку,
Телек злополучный — тоже не родня,
Иногда заглянешь в трепаную книжку,
Но и она не может разогреть меня.

Стали ж согревать лишь стихи и слово,
Откуда наваждение седому старику?
Жена так заприметила: ты такой — не новый,
В поселке не один поэт поет ку-ка-ре-ку!

На пенсии поется им отлени и безделья,
Потому как времечко им некуда девать,
Воттак-то и рождается рискованное их зелье,
Какое по печати приходится читать.

Бывают, удивительно, в них вкусности лихие,
Какие не мешает создать и седина,
Может, наступили времена такие,
Когда лишь сплошь поэтами заполнится страна?

Хотелось, чтоб поэты наши сроду не болели,
И родным им станет этот год Змеи,
А кошельки их нынче как верблюд полнели,
И чтоб они в свет Божий несли стихи свои.

Чтоб блистал стихами рабочий Темиртау,
За ним помчал вдогонку и городок Абай,
Чтоб Караганде и области они пели славу,
И в целом прославляли карагандинский край.

С еготаким красивым, молодым народом,
С шахтерскими привычками края своего,
Где вперемешку шахты, фабрики, заводы,
Дающие работу для всех и для одного.

Хотелось, чтоб и Агадырь в Караганде крутился,
Мелькал в "Индустриалке", как и Темиртау,

Чтоб рабочий человек провинции светился
И в областной газете никогда не таял.

Чтоб не таял Агадырь и Пришахтинск с Топаром,
И Сарань с Петровкою тоже засветились,
А Караганда углем шла и другим товаром
И в подлунном мире своей красой гордилась.

Караганде, как видит свет, есть чем погордиться,
В ней есть Юго-Восток, канал и Сортировка,
Ну а молодежи есть где жить, учиться,
Ну и показать свою спортивную сноровку.

Вот так и поживает нынче мой шахтерский край,
Бываю я частенько и в Караганде,
Жена дает задание: ты люстру выбирай,
Равной нет которой в Агадыре, нигде!

ЦУМу так и вовсе нужно поклониться,
А ведь при коммунизме он был не такой,
Нынче в нем, действительно, можно заблудиться,
На этажах теряя миг, себя и свой покой.

Сорок лет я не бывал в своей столице южной,
Какова она сегодня со своим метро?
Наверное, метро такой столице нужно,
Как и для читателя журнал страны "Простор".

Ах, как хотелось б побывать на его страницах,
Годы мои истинно тогда бы и продлились,
Над стихами старику и теперь не спится,
Его строки старые и нынче сохранились.

Мне сегодня семь и семь — годы не дерзанья,
А перо, как в двадцать лет, тянется к бумаге,
Какое заедает в жизни цвет и увяданье
И рвется на журнальный путь с житейскою отвагой.

Утверждают, что "Простор" — это "Современник"
В целом не Некрасова, у нас Михайлов - свой!

Какой в литературе, что в космосе Коперник,
О чем и говорит "Один меж небом и землей".

Автору Михайлову надо бы поверить,
Что "Лермонтов словом заклинал свое бессмертие",
А жизнь так и сделала, судьбе его отмерив
Известность мировую и наше многолетье.

0 Лермонтове можно говорить бессчетно,
Но я все ж Михайлову за это поклонюсь,
На пенсионном времени не делаю расчетов
И вновь "Простором" с Лермонтовым надолго увлекусь.

Пусть говорят о Лермонтове многие и много,
Но как сказал Михайлов, думаю, никто,
Оттого его роман нашел к сердцам дорогу,
А новое другое вряд ли будет ТО.

Агадырь, ноябрь 2013 г.

ДОМУ, ГДЕ РОЖДАЮТСЯ КНИГИ

1

У поэта как-то всколыхало пламя,
И он выдал несколько изысканных идей:
"Есть люди с сердцами из камня,
И есть камни с сердцами людей".

Каменное сердце природа не рождала,
Но люди с таким сердцем в жизни все же есть.
Жизнь по городам их и весям разбросала,
Заставив нести людям человечью честь.

Ах, как же часто жизнь в людях ошибалась!
В них часто проявлялись недобрые сердца,

0 них людская правда и вера разбивалисъ
И снова натыкались на черствость подлеца.

Такое в нашей жизни и теперь встречается,
О том все наши СМИ и теле говорят.
Но симптомы эти наш "Классик" не касаются,
И он не знает даже, как выглядит сей яд.

Думаю, что и меня никак он не коснется,
Когда придется в "Классике" переступить порог.
Молодость и впрямь ко мне в том "Классике" вернется,
И "Классик", по возможности, мне преподаст урок.

Наверно, прочитает он рукопись с набросками
И вынесет правдивое, живое резюме:
Мои произведения слабые, не броские,
Но вердикт свой главный оставит он в уме.

Великую семерку с короткою пятеркой
Мы с женою встретили старческим приветом.
Вспоминали годы, родившие Артемку,
Какой со мною вместе ладит путь в поэты.

У внука непременно этот путь наладится,
Потому как ему только-только двадцать три,
В своих пробных виршах он к Олжасу катится,
Светясь своей поэзией снаружи и внутри.

Не ведаю, как"Классик" мной распорядится.
Таких, как я, поэтов в Казахстане море!
Повезет — поселок мой мне вдруг и удивится.
А может, я пожну писательское горе?..

Жена так мне бросает: "Брось ты это дело!
Писательское хобби не твое такси.
Ты лучше в жизнь внука вторгайся смело,
Стать ему поэтом "Классик" попроси.

Может, он в его стихах найдет его изюминку,
А внук так своей молодостью и деду фору даст,

Какому суждено держаться за соломинку,
Какого "Классик" тоже не сдаст и не предаст".

Наверно, с моей женушкой можно согласиться.
Женщину послушаешь — так и себя найдешь.
Ну, а мечта о книге пусть и сегодня снится,
А это будет значит: ты к мечте идешь.

И все же... Меня знает газета "Индустриалка",
Знают Петр Жуковский, Песнев и Рыжков.
У них я постигаю творчества закалку,
Какому и сегодня себя отдать готов.

Ах, а какое было бы в газете удивление,
Если бы я каждому свой томик подарил.
У них бы улетучилось обо мне сомнение,
Что я в Агадыре своем анахаретом жил.

Ну, такое жизнь вряд ли мне подарит.
Судьба такое счастье мне не прописала.
Пусть "Классик" мои вирши у себя отладит,
Но в сердце я несу их первое начало.

Каков же их конец, не знает и Всевышний.
На дома издательства — так, слабая надежда.
Чем они питаются и чем нынче дышат,
В этом деле я профан и полная невежда.

Не знал я и о "Классике" — так спасибо внуку,
Какой о нем поведал из "Криминалки" редкой.
В ней для себя открыл он целую науку,
Газета стала также надеждой и конфеткой.

Такая же надежда и у меня теплится —
Хотел бы я от "Классика" подарок получить!
Живая книга, правда, мне нынче только снится,
Но и ради этого хотелось бы пожить...

В мою семерку длинную книга — это счастье,
Э то моя жизнь и моя судьба.

Ах, мне пришлось преодолеть множество ненастий,
Когда владели мною надежда и борьба.

Судьба, борьба и жизнь отразились в книжке,
Какая рукописно уж столько лет пылится,
Не делая к читателю никакой подвижки,
Что, наверно, мною тоже где-то отразится.

Жизнь так сложна и слишком органична,
Не каждому дано ее и себя понять,
Поэты ее видят, как Пушкин, поэтично,
Готовые живую жизнь душой своей объять.

Наверное, и я объял мир какой-то жизни,
Жизнь детства, школы, целины, работы и друзей.
В хрущевскую годину строил коммунизм,
А при перестройке — свой истый Колизей.

В него вместил я жизнь моего народа -
Со своей судьбою, сердцем и душой,
Какой собою делал и свою погоду,
Где-то с невзгодою, а где-то хорошо.

Менялись годы, люди, да и жизнь менялась.
Что-то в плодородии крепилось и росло,
Что-то старомодному со скукой покорялось,
Напоминая старое, без жизни ремесло.

Вдаваться в старину сегодня просто не этично,
Это даже "Классик", думаю, отметит.
И со своей манерой, доброй и привычной,
И мои марашки встретит и приветит.

Я хочу на "Классик" возложить надежду —
Мой роман, поэмы теперь в его руках.
Не думаю, что я в поэзии невежда,
Не по земле ходящий — паряший в облаках.

Все, о чем писал я, "Классику" известно,
А что он лично скажет — пусть покажет время.

Что-то он найдет по духу интересное
И простит мое засушливое семя.

2

В моей душе блуждают грозовые тучи,
Слышатся раскаты, а то и вовсе гром,
Я считаю "Классик" моей мечтой летучей,
Я б душу отдал дьяволу за первый книжный том

Но нужны ль ему такие в жизни жертвы?!
У "Классика" изысканное, тонкое чутье.
Скорее он не терпит строптивых и упорных,
А значит, и не примет "житие" мое.

В этом житие — проба стихотворная.
Со школьной парты и до седых волос
Стихи рождались разные, времени покорные,
Но до Маяковского я так и не дорос.

До кого дорос я, пусть мне скажет "Классик".
И стоит ли мне дальше с поэтикой общаться?
Иль лучше оставаться мне пенсионным Васей,
С домино умеющим азартно обращаться?

Посиделки с домино — привычка пенсионная,
За ним бородачи и впрямь отводят душу,
Со своими мыслями от мира потаенными,
Какие и костяшки не глушат и не душат.

Возможно, "Классик" станет для меня судьбою,
Какой на пугь Есенина как-то да наставит,
Тогда смирюсь я, может, с судьбою и с собою,
А жизнь мое писательство отладит и прославит.

Пока же я стихи плету, как дед плетет мой лапти
Какие ни друзьям, ни свету не нужны,
Над ними и сегодня не течет, не каплет,
И свету они белому, по-моему, важны,

Как зайцу — человечеству известный вытрезвитель,
И тому же зайцу зеленый светофор,
На поле Куликовом той поры воитель,
Как глухому барабан и громкий усилитель,
И на церковной паперти матерный разговор.

И все же я хотел бы подержать свой томик,
Какой и подарю в какой-нибудь трактир,
Где, возможно, скажут: "Ты не поэт, а комик".
И кто не видел хуже дыр, пусть едет в Агадырь,

Где он и найдет бездарственных поэтов
Со своей семантикой и своей судьбой,
Какие по-есенински стряпают сонеты
С лирическою страстью и с русскою гульбой.

Я в свою звезду Есенина не верю,
Такая холмогоровская у меня позиция.
Неведомо, чем "Классик" своих клиентов мерит,
Но скорей читает он живую экспозицию.

У меня в ней красовалось детство довоенное,
Военная година, Победа, целина,
Работа на "железке" возвышенно-примерная,
Что даже отмечала и сама страна.

А потом с годами родились дитятки,
Как водится, с годами и дембель подкатил,
По жизни никогда я не попадал в десятку,
Но творческий свой мир в своей глуши творил.

И сегодня, даже в мазаевские годы,
Я зайцев стихотворных боюсь и не ловлю,
Оттого, быть может, Пушкина природу
С детства и с отрочества и теперь люблю.

Известно, жить поэзией — нужно дарование,
Как у Сулейменова, Ниязбек, других.
Я как-то постигаю свое самопознание,

Влекусь стихами Алматы и очарованием
Поэтов казахстанских, мне сердцу дорогих.

О чем здесь речь ведется, читатель понимает.
Нынешний читатель — истинный Белинский,
Он знает Сулейменова, он и Блока знает,
И кто в стихах сегодня к ним подходит близко.

Мне, как агадырцу, к ним не дотянуться,
Правильно жена моя в экстазе говорит:
"Стар ты, Абдрахман, ты вон в дугу согнулся,
Но в тебе желание к поэзии горит.

И ты ведь, Абдрахман, с годами исписался,
Нет в тебе, как прежде, задора и огня,
Когда ты на скаку в людскую жизнь бросался,
Ни себя, ни черта, ни бога не храня.

Ты душой своею пережил недуги,
Что ложились на знакомых и друзей твоих,
Им после всех деяний ты становился другом,
Им здравия желавший и подвигов лихих.

Ты людям помогал своим газетным словом,
Печать вторгалась в жизнь маленьких людей,
Жизнь каких ковалась лопатою и ломом,
Чиновники ж вбивали ряд своих гвоздей.

Их не волновало отключенье света,
Что вода в колонках зимою замерзает
И люди нестерпимо ждут наступления лета,
Но к ним по бездорожью сам черт не заезжает.

У бабушки Агафьи избушка износилась,
Ее курьи ножки подгнили и упали,
Баня поселковая на север похилилась,
У Корпеша Тажина семь коней угнали.

Кадишу Корпешеву из дома выселяют,
У какой аж четверо маленьких детей,

Ее дом с соседскими под сноску попадает,
Где воздвигнут комплекс в двенадцать этажей.

Жилье найти сегодня — летучая проблема,
Какая и Корпешеву своим крылом коснулась,
Но ей не помогли ни власти и ни небо,
А власти так и вовсе в своем кругу замкнулись.

Но ты, мой Абдрахман, как раз и был на стремени,
Строчил свои статьи, заметки, фельетоны,
На них ты не жалел ни себя, ни времени,
А власти упирали на деньги и законы.

Считаю, Абдрахман, ты хорошо работал,
За людей и правду всегда стоял горой,
Теперь же у тебя — в издательстве заботы,
Где ты ждешь услышать: "Агадырь — герой!"

Да, тяжела известная шапка Мономаха,
Как и твоя попытка выйти с книгой в свет,
Был бы ты талантлив, как Андрей Малахов,
Ты давно имел бы такой авторигет".

3

Что ни говорите, а поэзия мирская
Со времен Гомера всегда идет в народ,
Отгого по веку она всегда живая
И по жизни с человеком за руку идет.

Ну как не поклониться известному поэту,
Который "Этот день Победы..." победно написал,
А песенник и вовсе для строк напевных этих
Торжественные ноты у жизни откромсал.

А как не поклониться восточному созданью:
"На востоке, на востоке что за небо без луны",
Сосредоточивши поэта главное внимание -
"На востоке, на востоке что за жизнь без чайханы".

И, правда, жизнь востока — во многом необычная,
Хотя бы и без этой вечной чайханы,
Когда поэт к привычному прибавит непривычное -
"На востоке, на востоке что за жизнь без Астаны".

У Астаны и правда обличие восточное,
И особое, по-своему восточное житье,
С той же чайханою, мечетью долговечной,
Со своим привычным восточным бытием.

У Астаны, конечно, приличествуют нотки
И всеевропейского живого бытия.
Она прошла-то путь немерено-короткий,
Что мало для привычного восточного житья.

Однако в Астане Европа превалирует,
Что видит местный житель и издали приезжий,
Свою красу столица и нынче нивелирует,
А значит, она станет красивее прежнего.

Перво-наперво скорее красоту заметят
Писатели, поэты, весь пишущий народ —
У них все новшества извечно на примете,
Которая от них же к людям и идет.

Может быть, такое и с Астаной случится —
Всю красоту поэты заметят непременно,
Они как раз и мысль пошлют в свет необыкновенную,
В какой как раз и добрый стих об Астане родится.

У Астаны непревзойденно короткая история,
Мир подобный вечный Рим рождал тысячелетья!
А Казахстан наперекор всяким аллегориям
Воздвиг свою столицу за два десятилетья.

Сейчас в ней тысяч восемьсот постоянных жителей,
Это больше, чем в Караганде, Таразе иль Чимкенте.
Город возводили разные строители,
Какие проживают на Казахстан-планете.

Какою станет в будущем Астана-столица,
Мир того не знает. Не знаем и мы сами,
Кому-то она, может, будет только сниться,
А кто-то уже мчит по ней, как встарь, под парусами.

Что ж, пусть она под солнцем по-восточному красуется,
Годы ее сделают, как и страну, моложе,
Ею наши предки тоже полюбуются,
И она им станет всех богатств краше и дороже,

А мне в моих прикарагандинских тихих Холмогорах
Все-таки дороже моя Караганда,
Какая и сегодня рождает углей горы,
Равные Казбеку и в прошлые года.

В ней мне близка по-прежнему улица Чапаева,
Где жила когда-то наша "Индустриалка",
Где ее твореньями я свою жизнь спаивал,
Ах, годы те далекие мне и сегодня жалко.

Жалко, что они теперь ко мне не возвратятся,
Ах, сколько в них тогда горело азарта и огня,
Они теперь лишь в старческой памяти хранятся
И катят свои строки на жизнь и на меня.

Помню, на РГТО трудились мои братья,
С какими я общался и хорошо дружил.
К тому ж на РГТО я и жену сосватал,
На что цветов бессчетно и терпенья положил.

Теперь мы с нею вместе целых пять десятков -
Только уже наших, агадырских лет.
А Караганда осталась нашей жизнью хваткой,
Памяти дороже о чем и нынче нет.

Народом Караганды мы должны гордиться:
Бардышевой Женей, Екатериной Кузнецовой.
Одна жизнь начинает талантливой певицей,
Другая в жизни долгой - журналист бойцовый.

Женю и пятнадцать тысяч страстной молодежи
Собрал под свои своды конкурс Казахстана,
В таком счете конкурс не был с прежним схожим,
Для него республика скаредничать не стала.

Не стала - и небывалый приз ему определила,
Пять с шестью нулями дарственных тенге!
Пятнадцать тысяч страждущих Евгения "побила"
И оказалась первой в вокальной той байге.

Оказалась первой по доброму вокалу,
Который ее жизнь в стране определит,
Сделав ее чистой, богатой, музыкальной,
И никогда из Караганды в свет белый не сманит.

Молодость Евгении, может быть, поможет
Достичь ей казахстанских певческих высот,
Чем престиж страны она в миру помножит
И для столицы угольной поклоны принесет.

Екатерину ж Кузнецову мир журналистский знает.
Журналистика же знает ее судьбу и жизнь,
Она в "Индустриалку" как с небес слетает
И ценит ее давний геройский атавизм.

В "Индустриалке" Кузнецова с пропагандою возилась,
Отдел тот стал, по сути, отделом публицистики.
Процессы перестройки и наши СМИ — ценились
И возвышали наши газеты с журналистикой.

А потом печаталась боль с воспоминаньями
Людей, прошедших смертоносный путь НКВД-КАРЛАГа,
О каком живые люди в большинстве не знали,
Вот наши СМИ и проявили тут воинственно отвагу.

"Индустриальная Караганда" с читателем общалась,
Давая материалы о сталинской пучине.
Автор Кузнецова с карлагцами встречалась,
Кто был в Карлаг посажен, как было, без причины.

Из публикаций Кузнецовой мы узнавали правду,
Какая через тернии, но к людям все же шла.
Коммунистическая бытность была еще с бравадой
И втихаря творила черные дела.

Доставалось ей от партии и знати КГБэшной,
Какие правду жизни никак не признавали,
Но ее материалы шли в народ успешно,
И в людях благодарность к правде возбуждали.

Кузнецова-журналист и нынче с этой темой,
У какой Гулага дух хранит свои секреты,
Свобода СНГэвская пойдет по новой схеме -
И мы новое прочтем о том черном свете.

А пригвоздил Гулаг к вечному проклятью
Прошедший его муки писатель Солженицын.
Жизнь в правленье Брежнева не стала доброй сватьей,
И страна его услала на жизнь за границу.

Виной тому сочли его "Гулаг" правдивый,
Рожденный уже в наши, брежневские дни,
НКВД с партийцами считали справедливо,
Что в 'Тулаге" именно злорадствуют они.

"Архипелаг Гулаг" — то памятник России
Всем "врагам народа", "отродьям кулаков".
Их сталинизм с НКВД работой так насиловал,
Что смерть была дороже всех лагерных оков.

А автора услали из СССР в Америку -
Брежневская клика дышала сталинизмом,
Ее не волновала народная истерика,
Она жила своим воздушным коммунизмом.

Ну и, слава богу, коммунизм споткнулся,
А СССР и вовсе в пропасть провалился,
СНГэвский мир в мир новый окунулся...
И в своем движении в телеге очутился.

Она не полетит в высоком поднебесье,
Ей не видны в миру все жизненные дали,
Жизнь в СНГ доверена республиканской песне,
Хотя скорее люди этого не ждали.

4

Не' ожидали собственного жизненного флага,
И собственного гимна не ждали-не гадали.
У кого поболее богатства и отваги,
Тот смело жмет на нужные для скорости педали.

У Казахстана видится заметное богатство,
Отваги ему тоже с небес не занимать,
Казахстан и крепит-то со всеми свое братство,
Что крепко помогает друг друга понимать.

Понимает Казахстан, Россия обновленная,
Но и мы России крепко руку жмем,
Нам приветы шлют кавказцы отдаленные,
И мы им через горы свои поклоны шлем.

Украина крепко славит наше обновление,
Лукашенко так приветствует страны Абая взлет,
Какая принимает к себе все поздравления
И ответный долг душевно отдает.

Что мы оставляем поколенью нашему
В этот прагматичный СНГэвский век?
Целину мы двадцать лет не сеем и не пашем,
Сегодня о ней помнит лишь старый человек.

Пробиться нынче в Ашхабад или в Ташкент — проблема,
Наперво их денежку потребно заиметь,
А заиметь их можно по обменной схеме,
Какая нас не сможет обнять и обогреть.

А Европа, как-никак, свершила революцию
С марками да франками, да с итальянской лирой,

Их не подвергали какой-то экзекуции,
И евро столько лет уже живет у себя и в мире.

А почему бы в алматинско-ташкентском регионе
Среди пяти республик не родить валюту -
Единую, которая, как евро, не станет жить в загоне,
А вовсе, как и евро, развернется круто?!

К российскому рублю, к доллару и евро
Прибавится, возможно, какой-нибудь тенге,
Новая валюта не станет портить нервы,
И даже приживется в азиатской стороне.

Пять республик наших с единою валютой —
Так это же великий азиатский регион!
В нем прочая валюта потечет попутно,
Чему и позавидовать заставить может он.

Может, позавидуют кавказские республики -
Единая валюта их сильней сплотит.
И мировую публику - изысканную публику
К себе своей загадкой и богатством поманит.

А к России, может, подкатит Украина,
Белоруссия с Молдовой — вот это будет сила!
Трудно все же жить какой-то половиной -
Ведь жить такою жизнью люди не просили!

Закончится ж все тем, что время мысль разбудит,
И как объединиться, покажет нам пример
Союз Славянских Свободных Республик,
Что по-советски значило: просто СССР.

Жизнь в наше время валюту азиатскую,
Наверно, все-таки обязана как-то да родить,
Мы ее как гостью встретим по-казахски,
Накормим бешбармаком и чай дадим испить -

Из чаши золоченой с серебряной каймою,
Дав ей по-восточному и наказ восточный:
Быть всегда с народом вольной и живою
И отметать всяк кризис урочный с неурочным.

Прочее блаженство время приумножит
И, возможно, всех нас вновь объединит.
Союз объединенных нам и жить поможет,
И дружбу еще более в народах сохранит.

А "Классику" я все же со старческой позиции
Пожелаю счастья, здоровья и друзей,
Дома ж я в своей ухоженной светлице
Буду ждать набора всей "лапши" моей.

Ну а коль "лапша" моя выльется в книжонку,
Я уж точно песню в экстазе запою,
Порадую друзей, а прежде - мою женку.
Я за победу эту за ценой не постою.

5

Все-таки я "Классику" вручил свое лукошко,
В каком он интересное для себя нашел,
Что-то заставляло задуматься немножко:
Автор интересен со всей своей "лапшой".

Интересен даже у своей калитки,
Какая облюбовала какой-то Агадырь,
И все же кто дает автору подпитку?
И в литературном поле есть ли поводырь?

И другая каверза "Классик" донимает,
Однако из "лапши" он точно узнает:
Близ Кургальджино родился, в Жалтыре гуляет,
В Агадыре и вовсе полвека как живет,

В Агадыре надолго с "железкой" породнился,
Железная дорога - его жизнь и свет,

В Агадыре трудился, в ШРМ учился,
В КазГУ так журналистики постигал секрет.

Постигал он древнюю и жизнь человека,
И Хрущева-Брежнева хваленое житье,
Когда уже и космос народ очеловечивал,
давая звездам имя народное свое.

А дальше - жизнь снабженца, поезда и небо,
Тряска на дорогах — работы той удел.
За тридцать лет снабженческих где он только не был,
С романтикой енабженческой он и поседел.

А пути снабженца гнали в Севастополь,
Электрификация загнала и в Ростов.
В Беслане обнимал я соскучившийся тополь.
Своей "железки" ради и к черту был готов!

Но черт в моих проблемах нисколько не нуждался.
А лично мне был нужен Черногорск сибирский,
Какой близ Абакана как-то отирался,
На вытянутую руку подбирался близко.

Черногорск для линии электрофикации
Готовил специальные бетонные стаканы,
Их и отгружал я со своей прострацией,
С заботой не иметь на них трещины и раны.

Был я в Минусинске и в Шушенском селении,
Где великий Ленин отбывал отсидку.
Работу я однако выполнял без лени
И даже прикупил сибирскую накидку.

В сибирской командировке кунался в Енисее,
А в Новосибирске так понырял в Оби.
"Следил", как поднимался в космос Елисеев,
И просил Всевышнего: "Боже, пособи!.."

Пособи мне в Агадырь и домой умчаться,
Прерви командировку и ее мучения...

"Работа у тебя отлично получается,
Так что повинуйся и этому стечению.

Стеченью обстоятельств, — говорит начальство,
Какое в кабинетах в Агадыре далеком, —
Ты трудишься отменно, без лени и нахальства.
Мы всегда с тобою, ты не одинокий".

Так не одиноким тридцать лет умчали,
Пришлось бывать в Тагиле и в Новокузнеике.
Не все командировки были без печали,
Однако себя ставил я всюду молодецки.

Работа увлекала, хогь и отвлекала
От дома, от семьи, от творческих дерзаний,
Во мне она Стаханова, как помню, не искала,
Но искала больше творческих познаний.

Ну, а в двухтысячном и пенсия поспела.
Десять лет да с гаком я — пенсионер,
За пенсионный срок романд довел до дела,
Усек бы его "Классик" — какой бы был пример!

А жизнь катит тихо, размеренно, безмятежно.
Роман — в спокойной лежке, но не спит перо.
То народится стих, то рассказ прилежный,
Какие так и рвутся в "Классик" на "добро"!

Что он с ними сделает, Агадырь не знает,
Но "Классик", видно, ценит кайф литературный.
Вещь стоящую он тут же в книгу набирает
И все, что по Есенину, приветствует он бурно.

Конечно, за Есениным мне точно не угнаться,
Но нужен ли еегодня такой по жизни бег?
Наверно, мне начертано собою оставаться
И на висках сжимать мой семидесятилетний снег.

Ну, этот снег властители по-своему решают
И на женский волос с годами положить!

Пенсионный женский срок им просто жить мешает,
Отчего они решают этот срок продлить.

Срок этот в Казахстане - ровно полета восемь,
Но его хотят продлить до шестидесяти трех.
Люди ж свои власти преклоненно просят
Не брать себе на душу такой бездумный грех.

К чему такое новшество — людям непонятно,
Ведь уходила женщина на дембель ровно в полста пять,
Для нее то было надежно и приятно,
Она на ранней пенсии готова вновь рожать.

И становилась мамой — жизнь тому свидетель!
Как бы не все семьдесят просоветских лет
Женщина трудилась, думала о детях
И слала материнский свой пламенный привет.

Семь десятков лет страна не разорялась,
Пенсии платила — и женщина жила,
Жила, трудилась, пела, плакала, рожала
И всегда в стране почетной хозяйкою была.

А в России пенсионная женская отсидка
Как и в годы прежние — полста пять годков,
Казахстан же, по своей собственной прикидке,
На восемь лет повысить этот срок готов.

Неведомо, как этот срок в народе приживется,
Извечна жизнь женщины - быть другом и рожать,
Правителям же нашим по Западу неймется
Их сроки пенсионные они хотят догнать!

Попробовал министр наш с людьми договориться,
Так в него из зала полетели яйца,
Не успел министр от гнева уклониться,
Каково им и в будущем придется опасаться.

Женщина от века была и остается
Труженик, хозяйка, красота и мать,

С извечной же работой ей редко удается
Любить, встречаться, верить, терзаться и рожать.

На Западе детишками, мы знаем, не бросаются,
Пятерка казахстанская им может только сниться,
Они зачать и двойню нынче опасаются,
А тройня им и вовсе в жизни не сгодится.

Казахстан, как прочий регион восточный,
Питает к детям вечную свою любовь и страсть,
Люб ему ребенок — собственный, побочный,
Каким готов доверить и будущую власть.

Ну, а чтобы нам на Запад не бросаться,
Оставим нашим женщинам пенсионный срок,
Какой не будет с западным по долготе равняться
И преподаст правителям свой жизненный урок.

Как-таки решится проблема пенсионная,
И надо ль нам яиц из зала опасаться?
О том у нашей думы есть мысль откровенная,
Так на какой позиции она должна остаться?

Прочла моя жена стихи и беллетристику
И сказала просто: "Милый, не пойдет,
Что ж ты все куплеты оставил без статистики
И никак не сделал какой-то поворот?

Поворот под цифрами. И в каждом своя тема,
Но ты того не сделал и в кучу все свалил,
А "Классик" это сделает по особой схеме
И твою поэму отправит на распыл.

А, может быть, она с годами отлежится
И с поправкой "Классика" увидит белый свет,
Тогда твой бас, и правда, победно закружится,
И ты друзьям отправишь свой дарственный привет.

Остается, Абдрахман, "Классику" молиться
И просить Всевышнего издать твои стихи,

Мастерству тебе теперь не научиться,
Но из них отдельные вовсе не плохи.

В целом же, жолдас мой, Абдрахман сердечный,
Все, что ты для "Классика" готовил и писал,
Думаю, пригодно лишь для растопки печи,
Потому как по-казахски ты простецкий шал.

6

По-нашенскому шал — просто старикашка,
Но старики, бывает, такое выдают!
Чему бывают рады и дети, и милашки.
Те произведения в их сердцах живут.

В тебе я, Абдрахман, таланты обнаружила,
Таланты эти в прозе и в твоих стихах,
Ради строчек нынешних ты даже и не ужинал
И, кажется, молился как истинный монах.

Считаю, Абдрахман, стихи твои читаемы,
В них - живая жизнь и шустрый человек,
События, судьба и время — узнаваемы,
Как и весь наш новый СНГэвский век.

Нынешнее время — все-таки другое,
Не то, что было даже двадцать лет назад,
Мы забыли песни про Ржев и Бологое
И даже не выходим на праздничный парад.

Мы со своим достатком просто обленились,
Это видят СНГ да и весь народ.
А в проблемах наших мы просто закрутились
И отчего-то топчемся, не двигаясь вперед.

Как верблюды топчемся с нашими машинами,
Какие, хоть убейся, а рождают смерть.
Где пешеходов давят выпившими шинами,
Что совсем не редко нам удается зреть.

Законы в этой части крепко почерствели,
Почерствела тут же и душа шофера,
Точно в небо мчат они свои "Газели",
Рождая на дорогах смертельные аферы.

Взметнули власти штрафы чуть ли не до неба,
За смерти так и вовсе бросают за решетку.
ДТП, однако, где бы шофер ни был,
Машины превращают в измятую коробку.

Ах, наверно, хватит с машинами возиться,
В России и у нас они насточертели,
Однако заставляет просто удивиться:
Почему на Западе ДТП исчезли?

Не совсем, конечно, но за нами гнаться
Им надо на высоких ракетных скоростях,
И даже на ракетах за нами не угнаться,
ДТП у нас прописано, а вовсе не в гостях.

На Западе же извечная законная трезвянка,
За рулем поддатым?.. Да боже упаси!
У нас же умудряются даже спозаранку
Засосать стопарик и сказать: мерси!

Виной тому тут наша русская натура,
С ее такой открытой и простой душой,
Какая по своей изысканной культуре
Старается всем сделать только хорошо.

Ладно, Абдрахман, про ДТП забудем,
Давай коснемся лучше всех твоих стихов.
Вдаваться в их концепцию и качество не будем,
Потому как все-таки ты истинный хохол.

На а хохлу положено иконе помолиться
И просить Всевышнего твоим стихам помочь,
Со святой водою пред книгой появиться
И листки побрызгать в праздничную ночь.

Все проделки с рукописью "Классику" - до фени.
Важно, чтоб стихи дышали жизнью и душой.
Знаю, ты писал их с любовью и без лени,
Хотя и называл их презрительно "лапшой"!

Но из лапши, мы знаем, вкусности известны,
От каких, и правда, слюнки истекают,
Некоторые блюда и вовсе интересны,
Пробы из которых гурманы снимают.

А главное, Пафнутьич, в стихотворстве с внуком
Добейся, чтобы было тридцать пять страниц,
Тогда, возможно, "Классик" и выступит порукой,
И выдаст твою книгу как слезу с ресниц.

Есть в миру такое мудрое поверье:
Коль святой водою страницы окропишь,
Книге не страшны никакие звери,
К тому ж она и лично может выдать шиш.

Конечно, тридцать пять — условное участье,
Важно, чтобы было нечетное число.
Нечетность, по поверью, приносит людям счастье
И возбуждает в каждом живое бытие.

Кто ведает, кто нами и нашей жизнью правит —
Время, люди, боги иль сама судьба?
Кто наши подвиги и наши книги славит —
Везение, удача, деньги иль борьба?

В жизни нашей многое, Абдрахман, не ясно —
Как родятся добрые и смелые стихи?
Что-то в них прекрасно, что-то и ужасно,
Где-то в них безгрешность, а где-то и грехи.

Возьми, к примеру, Лермонтова стих незабываемый,
Ну, тот, что он на смертъ поэта написал,
Ах, сколько в нем огня, экспрессии желаемой
И столько черной желчи, чем свет он обличал.

Иль возьми стихи о войне минувшей —
У каждого поэта в стих вложена душа,
Никто из них не стал вельможей иль чинушей,
И не смотрел на жизнь глазами малыша.

Он видел в жизни нашей историю народа,
Жизнь многих поколений и своей страны,
Он различал в той жизни борьбу и непогоду,
И все же люди были своей стране верны.

Они служили ей и умом, и сердцем,
В жизни были тружеником, а не игроком,
Сама же жизнь бывала солона и с перцем,
Но ей не удавалось сбить шедших с каблуков.

Война рождала подвиги, смерти и героев,
Труд рождал в народе его доблесть, честь,
Какие проявлялись в небесах и в море,
Всюду, где наш человек был, бывал и есть.

О войне и вовсе наше поколение
Начинает попросту из книжек забывать,
Сегодня и поэты живут в своем забвении,
Им о войне не хочется даже вспоминать.

Она была жестокой и кровопролитной,
Но было это в старину, при царе Горохе,
В ней навека прославилась военная элита,
А простой Матросов не смотрится эпохой.

И сегодня на виду Жуков, Рокосовский,
Конев и Панфилов, Ватутин и Чуйков,
Берзарин, Кузнецов, Петров и Малиновский,
Они и нынче в памяти земли и стариков.

Им памятники люди воздвигли боевые,
Для памяти народной открыты их музеи.
Мы сегодня, правда, вовсе не такие,
Мы на их портреты нынче лишь глазеем.

А войне бы надо посылать проклятья,
Что способны сделать только лишь поэты.
Почему тебе бы не поклониться братьям,
Что на войне погибли, и не черкануть об этом?

Ах, война, только зло ты в миру вытворяешь,
Сеешь смерть на красивой земле,
Все живое со свету сживаешь.
Ах, война, все проклятья — тебе!

Сколько жизней в веках ты сгубила,
Людям горя и слез принесла,
Косу смерти, не прячась, точила,
Кровь людскую морями лила.

И сегодня с косою своею
Ты страдания людям несешь,
Черной смертью и прахом лишь веешь,
Жизнь людскую залогом берешь.

Кто родил тебя — солнце иль боги?
И когда, чтоб проклясть этот век?
Война: Успокой свою блажь и тревоги,
Породил меня ты, — ЧЕЛОВЕК!

Каждый год Победы нас всех предупреждаег.
Что войны нам приносят только смерть и смерть.
Мир сорок первый год и нынче вспоминает,
И нам с тобой в те годы надо бы глядеть...

Для того глядеть, чтоб помнить воевавших,
Наших с тобой батек и чужих отцов,
Жизнь свою за нас с тобой и за страну отдавших,
Отдавших жизнь солдата и душу храбрецов.

Теперь война минувшая на земле — история,
Для нас же, Абдрахман, история вдвойне,
Отцы, прощаясь с нами, со старшиной не спорили,
Какой их ждал с машиной тут же в стороне.

Рыдали наши матушки, и мы рыдали - дети,
А батьки укатили и тоже со слезой,
Нас не успокоили ни пряник, ни конфетки,
Ни общенье с маленькой, как кошечка, козой.

Ну а дальше годы трудные, военные,
Детки подрастали и встретили Победу,
И мы с тобою тоже росли обыкновенные,
Росли и под победным и целинным небом.

А дальше жизнь, школа, юношеские годы,
Атгестат, работа, институт, дитя,
Мы с тобой, наверно, не ангельской породы —
Жизнь нам давалась серьезно, не шутя.

Так мы и до пенсии с тобою докатились,
Давшей тишину нам, довольство и покой.
Дети вышли замуж, парни поженились
И жизнь сегодня делают собственной рукой.

Мы же, их родители, их благославляем —
На подвиги, богатство, на счастье и любовь,
Конечно, им тарзановского здравия желаем
И чтобы у них детки рождались вновь и вновь.

Дети ж нам спокойно в мобильник отвечают:
"Тройня, даже двойня нынче не в чести".
Пусть их ребятенки от жизни получают
То, что они смогут с собою унести.

А жизнь нынче дарит полную свободу
В учебе и в работе, в дружбе и в житье.
Выбор для потехи утонченной моды.
Ну и вера в счастье — чужое и свое.

Так что, Абдрахман Калкенович, с тобою
Мы жизнь, хотя нелегкую, но все-таки прошли,
Іде-то с доброй волей, где-то и с борьбою,
А счастье, пусть нелегкое, однако мы нашли.

Чего нам нынче ждать от мира и от бога?
Пенсия — что надо, здоровье — как у всех,
Болезни, слава богу, не трутся у порога,
Нам на то пожаловаться некому и грех.

У меня извечно женская забота -
Сделать постирушку, состряпать куличи,
В окошко видеть тех, кто катит на работу,
И как искусный парень ложит кирпичи,

А дворник со своею длинною метлою
Наводит во дворе азарт и чистоту,
Только мы с тобою как мужик с женою
Уже перешагнули пенсионную черту.

Мои дни пенсионные меня с детьми общают,
Иногда с друзьями, а Барнаул — с сестрой,
Ну а твои денъки, Калкенович, нищают,
Поскольку ты с поэзией не можешь вступить в строй.

Вижу я, как дождь стихов из Абдрахмана льется,
Они — на телевизоре, в кресле, на столе,
Неведомо, как год Змеи с ними разберется -
Даст узреть им белый свет иль предаст земле?"

Год Змеи, друг Гульчатай, тут, может, и не нужен,
А вот "Классик" вдруг и скажет: "Вы, Абдрахман, — поэт!
Плаваете вы, правда, по стихотворным лужам,
Но, чувствуем, на вас сидит спасательный жилет!

Конечно, годы ваши с нынешними — разнятся,
У вас в стихах война и голод отражаются,
Ваши годы были далеко не праздные,
А нынче на разгул, гульбу да на тенге бросаются.

В целом же, ваш стихотворный торт пахнет эрудицией,
А значит, он дойдет к обеду до читателя,
В нем литературная сохранена позиция,
Так нужная читателю, поэту и писателю".

Надежда гложет душу, с нею же и разум,
"Классик" это знает и в душе хранит,
Почему он книги и не рождает разом,
Хотя о том клиенту не сразу говорит.

Мне ж в мою семерку с удлиненным гаком
Книжная задержка опасна и тревожна,
Ведь над "лапшой" своею я седел и плакал,
Не ведая, что в жизнь мою ее издать возможно.

Пока же меня ноги по-бойцовски носят,
Творческий накал же со мной как часовой,
Годы же однако "Классик" тихо просят
Мою "лапшу" отведать, пока я жив-живой.

Ну, а когда мой свет уйдет со мною в небо,
Уйдет от мирской жизни в темный мир Аида,
И "лапша" моя духовным не станет людям хлебом,
Что будет мне и в царстве аидовом обидно.

Вот почему хотелось бы в "Классик" обратиться:
Агадырский денди пойдет иль не пойдет,
И может его книга в свете появиться,
Или ему "Классик" отводит поворот?

Такие меня мысли сегодня донимают
И доживать свой век спокойно не дают,
Друзья мои и близкие Слепцова прочитают
Или просто скажут: "Старик, тебе капут!"?

Наверное, и к этому надо быть готовым,
Жизнь каких оказий только не хранит!
Для "Классика" клиентом я не являюсь новым,
С пробою пера он и других манит.

На этот раз, и правда, я с вами распрощаюсь
И вашего внимания к себе не задержу.
В своем Агадыре с своей "лапшой" я маюсь,
О чем когда-нибудь возьму да расскажу.

А пока я "Классику" желаю дождь тенговый,
Работы неустанной и творческих удач,
Пусть к вам Блок приходит и Достоевский новый
С множеством загадок и своих задач.

И все-таки я "Классику" в церкви помолюсь
И пожелаю ему здравия, счастья и довольства,
Возможно, с новой книгой я снова обращусь
Все в тот же "Классик" добрый с тем же удовольствием.

Ну как не помолиться всей моей душой
Этому большому издательскому дому,
Когда меня он встретил приветно, хорошо
И не послал куда-нибудь в белый свет к другому.

Встретил добротой — это принцип, долг,
Но с моею рукописью он крепко повозился,
С какою, видно, справиться и сам бы бог не смог —
Такой бедлам в той рукописи — как в пропасть провалился.

Машинный текст корявистый — сплошная чернота,
Видать, машинка древняя и пашет через силу,
У ней не та и четкость, и не та черта,
Собой напоминавшая, что хвост у крокодила.

И все же "Классик" хвост тот чертов изрубил,
Выровнял до правильной, ленточной линейки,
У него хватило даже богатырских сил
Снять с крокодила-рукописи грязные наклейки .

Рукопись же, в целом, гляделась крокодилом,
В ней всякие наросты, неуклюжи и страшны,
"Классику" поэтому пришлось ножом и шилом
Все наросты убирать с хвоста и до спины.

Вот так она и чистилась, рукопись убогая,
Пока не стала чище небесной чистоты,
Такая воту "Классика" придирчивость престрогая,
Достойная желаний, похвал и доброты.

Вот так и РОДИЛИСЬ на свет три моих книжонки,
Ну как же тут судьбе и богу не молиться?
О том сказал без всяких я и любимой женке,
Когда взяли в руки три красочные птицы.

Ах, как они смотрелись — будто налету,
Какие у них были изысканные крылья!
Я сердцем своим выродил мою красу-мечту,
А "Классик" сделал и жизнью и былью.

Ну как тут с Гульчатай моей нам не поклониться
Сотрудникам "Классика" низко, до земли?
Три книги прилетели истинною птицей
И столь небесной сини с собою принесли !

Ну как не пожелать им крепкого здоровья,
Свершения всех замыслов, желаний и задач,
Чтоб жизнь их семъи полнилась любовью,
И каждый год был годом надежды и удач.

Чтоб Всевышний с их пути разметал ненастья
И в доме поселил бы божью благодать
С радостями жизни и простого счастья,
И чтобы их любила пишущая рать.

А в заключение мы с доброю моею Гульчатай
Скажем вам от сердца спасибо и рахмет!
И пусть будет добрым наш шахтерский край,
И пусть в вашей жизни будет только свет!

Агадырь, ноябрь 2013 г.

СТИХИ

О ПОГОВОРКАХ

У поговорок есть своя история,
Неведомо однако — почему
Одни живут на местной территории,
Другие облетают всю страну?

Слышим: 'Темнь — хоть выколи глаза",
"Ребенок на свет божий народился",
"Любовь так зла — полюбишь и козла",
И "За компанию жид как-то удавился".

На "Трое суток шагать, трое суток не спать
Ради нескольких строчек в газете"?..
Я готов и не спать и полжизни отдать,
Чтоб со мной были случаи эти.

"Не родись красивой, а родись счастливой" —
Женщина то знает чуть ли не с пеленок,
Потому она и в песнях горделива,
И богиней чтется, когда у нее ребенок.

"Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел", —
Так Пушкин пил свой терпкий солод
И жизнь народа всюду зрел.

Как часто говорят: "В делах еще успею!"
О том в своем столетье говорил Крылов.
Но мы то время вовсе запомнить не сумели,
Да и теперь не каждый понять его готов.

А потому мы многое из того теряем,
И не чтим, что жизнь из нас каждому дает,
Задуманное сделать как раз не успеваем,
Поскольку время нынче летит, а не идет.

9 июня 2013 г.

ХЛЕБОРОБАМ

Я вновь иду по Жалтырю.
Каплет дождик небольшой,
Я и за то благодарю
Всевышнего своей душой.
Эх, пролился бы проливной,
Да напоил бы землю влагой!
Только высший дух святой
Нынче скуп к такому благу.

Низкий колос тонкий сник,
Трава ковыльная пожухла,
А суховей к земле приник,
Давая жизнь мышью да мухам.
Степь утратила свой цвет,
И даже речки обмелели.
Дождей все лето нет и нет,
А люди так его хотели...

Хотели, чтоб взошло пшено,
Пшеница, гречка и овсянка,
Все, что природой рождено
И служит людям спозаранку.
За что и скажем мы рахмет
Земледельцам Казахстана,
Для них выше долга нет,
Как жить с землею неустанно.

Трудясь на ней с заботой друга,
С любовью сердца своего,
Связав с землею все потуги

Для ее жизни, для того,
Чтоб хлебный колос колосился,
И травы зеленью цвели,
А суховей лишь проносился,
Не тронув запахов земли.

И плодородия земного,
Способного для всех рожать,
Богатства хлебные, какие
Ждут все, как ждет ребенка мать.

С землею пахарь Казахстана
Умеет дружбу век вести,
Он природу побеждает,
Он сердцем землю ублажает,
И дары природы нашей
Самой полной, щедрой чашей
Людям может поднести.
Наш хлебопашец это может,
И даже засухе назло
Своей земле всегда поможет,
На зависть, лучше, чем в кино.

Нынче сняты урожаи,
В закрома засыпан хлеб,
Голод нам не угрожает —
Чем и порадует поэт,
Который наших казахстанцев
От души поблагодарит,
И наших верных хлебопашцев,
В каких огонь любви горит —

К своей стране, земле раздольной,
Ценящей крепкий, верный труд,
Какому отдаваясь вольно,
Казахстанцы с доброй волей
По жизни новой и привольной
К счастью своему идут.

Ноябрь 2010 г.

ГДЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ?

Где вы, дорогие добрые друзья,
Что меня когда-то в Орлиной окружали?
Из всей двадцатки нашей остался только я,
Остальные просто в свет поуезжали.

Алеко Дундич, знаю, голову сложил
И похоронен где-то на родном Юго-Востоке,
Он РГТО всю жизнь свою служил
И был ведущим мастером на его потоке.

Молва такая есть, что ехал он домой
Уже в вечерний час, как раз после работы,
Автобус сделал круг конечный-головной,
Готов был мчаться в парк пустым и без заботы.

Все пассажиры вышли, и лишь один сидел,
Приткнувшись у окна, с головою набок.
Шофер к нему подходит, медленно подсел.
Ну и пассажир, поспать, наверно, падок!

Но пассажир не слышал тихие слова,
Мол, дорогой, пора бы уже и просыпаться,
Только не держалась у парня голова ,
И к поручням он вовсе не хотел касаться.

Шофер за жизнь долгую такого не встречал
В своем обыкновенном автобусном салоне —
Пассажир не двигался и не отвечал
И даже наклонился в неживом поклоне.

Медики с милицией в кармане не нашли
Никакого личного живого документа,
Так неизвестного в больницу и свезли.
Да, сказали медики, ужасные моменты...

Какие документы в том девяносто шестом,
Когда была большая с печатью паспортина,

Какую брал с собою на завтра, на потом,
Иль в отпуск собирался — такая вот картина.

Что за человек, куда о нем сообщить?
По обличью видно: наш, *интеллигентный*,
Не пьяница, не бомж — таким бы жить да жить,
А тут — мертвец красивый в галстуке конкретном.

А дома его ждали с работы, как всегда,
Жена и двое ребятишек, что делали уроки.
Папа помогал им, когда не шли дела,
И алгебра с историей были их морокой.

Папа и наутро никак не появился,
Его теперь вовсю и РГТО искало.
И шофер тут тоже в чем-то повинился,
Кондукторша и вовсе ничего не знала.

Ну а дальше — гроб, слезы и прощание,
Побывать у друга и мне тогда пришлось,
Да, жизнь записала Алеко окончание,
Но нам с ним в дни далекие хорошо жилось.

Хорошо жилось в училище "железном",
Хорошо жилось и в маленькой Орлиной,
Мы были друг для друга приятны и полезны,
В Орлиной любовались мы песней соловьиной.

Утрами мы встречали орлиный день и зори,
Умывались росами орлиной трын-травы,
В Орлиной мы не ведали никакого горя,
А коль оно случалось, не опускали головы.

Орлиная всем нам дала свою дорогу,
Я выбрал тихий край и Караганду,
В Орлиной у меня теперь одни тревоги,
Появится роман — я счастье найду.

А счастье это будет - роман со мной не кинут,
В каком я вижу прежний нетленный образ твой.

Строки о тебе не сгинут, не остынут,
Ты в душе моей и в памяти — живой.

Живой, как жизнь наша в Агадаре-Орлиной,
Какая будет помниться сегодня и всегда,
Орлиная осталась моей судьбой невинной,
Твоею же судьбою осталась Караганда.

Пусть промчатся годы — они уже промчались,
Но память о тебе, Алеко, и теперь живет,
Мы о дружбе нашей никак не забывали,
Память друг о друге с нами и помрет.

СМЕХ НЕ ГРЕХ

Геннадию Хазанову сегодня — шестьдесят!
Все же нелегки седые эти годы,
Какие и поныне с высоких сцен звучат
Для много миллионного союзного народа.

Живет его нетленный попка-попугай,
Как и его красавица газетного знакомства —
Полистай страницы и тут же выбирай
Свою судьбу по жизни и жизненное Солнце.

Не меркнет между прочим в житии крутом
Поступь гражданина великой перестройки,
Бьющего по жизни мягким долотом,
Отчего мягки и первые "осколки".

Один у пассажира, ждущего такси,
Какое мчит лишь мимо, фарами сверкая,
Спешащего в свой парк, а это — не проси —
Натура перестройщика у нас теперь такая.

В театральных залах хазановских героев
Ждет лишь до уморы неподдельный смех,

Схожий с океанским грохотом прибоя,
Смывающего накипь и человечий грех.

А человек — великое создание природы,
Топая по жизни, возрождает жизнь,
С жизни хламом, шелухой, породой.
У смеха назначение — с пороками борись!

Что делают и делают Хазанова герои
Без злости, добродетельно, с душою и смеша,
Не давая злу блаженствовать в покое,
Чтоб жизнь была — как песня — чиста и хороша,
И у людей светилась добротой душа.

ЭТО БЫЛО, БЫЛО...

"Что ты жадно глядишь на дорогу?" —
Вопрошал так однажды поэт.
Я срифмую дорогу с тревогой,
Плагиата в том, думаю, нет.

Там промчалась корнетская тройка,
Ну а нынче — седой "Мерседес",
Ты какого встречала по стойке,
И в каком был отъявленный бес.

Он сулил тебе горы богатства,
И носить на руках обешал,
Обешал, что увидишь ты братство,
Что живет у раскидистых скал.

Повидаешь и мир африканский,
Где и голые люди живут,
Посетим, мол, и берег арабский,
Где чужие солдаты снуют.

Посетим Таиланд и Америку,
А Гаваи — так в первый момент...

"Ты все это видала по телеку,
А со мной усечешь весь секрет

Живой жизни, живыми глазами,
Только нынче со мной прокатись.
"Мерседес" уж стоит под парами,
Ждет красавицу, друг, не ленись".

Ах, какая по жизни забава -
Повидать то в семнадцать годков,
У домашних нет власти и права
Держать дома средь плит и горшков.

Так минули те дни скоротечные,
С ними бес и его "Мерседес",
Надругавшие чувства сердечные,
Недостойные всяких повес.

Что ж теперь-то глядеть на дорогу,
По какой вы умчались в леса,
Где сварганили крепость-берлогу,
И где зеленью крылась роса?!

Теперь лишь помнится счастье минутное
И тот тихий, таинственный лес,
И то счастье по жизни приблудное,
Что увез с "Мерседесом" тот бес.
Та дорога нынче пустынна -
"Мерседесам" так строят асфальт,
Только кроны такие ж густые,
И как прежде в них птицы кричат.

Подойти бы к той пышной березе
И как прежде умыться росой.
Только нет, ее девичьи слезы
Вытирать теперь надо косой.

Не пришлось побывать ей в Америке,
На Гавайях — и вовсе лишь сон,

И по-прежнему видишь по телеку,
Как и всех таиландских персон.

Не пришлось повидать мир арабский,
Ну и голых людей — не пришлось,
Оказался сей бес — залихватский,
Ему место большое нашлось.

Где-то в западной чистой столице,
Среди черных, но добрых людей
Он на фото снимает их лица,
Забывая о чьей-то судьбе.

У дивчины остался лишь шарфик
Да какой-то туземный блокнот,
То ль у беса был собственный график,
И вел он жертвы на их эшафот.

Жизнь дивчины теперь даже в трансе:
Можно ль верить чужим и себе,
На каком оставаться балансе -
Людям верить или борьбе?

Октябрь 2013 г.

ПАМЯТЬ

Нынче вспоминаются далекие свидания,
Когда мне было только восемнадцать лет.
Свиданья те родились с какими-то страданьями,
Оставили, однако, свой памятный обет.

В весну свиданья наши на время прекращались,
Потому как негде было встречаться и стоять,
Подтаявшие лужи повсюду разгулялись,
И никакой поляны было не сыскать.

Майские ж свидания приносило солнце,
Теплившее душу и весь честной народ.
Я подходил к калитке и к твоему оконцу,
Не рискуя двигаться, как джентльмен, вперед.

В летнюю годину свиданья учащались,
Какие нам казались желаннее других,
Потому как мы с тобой впервой поцеловались,
Не ведая минут счастливее земных.

А золотая осень нам вовсе улыбнулась,
Тебе уж за семнадцать — как и у других,
Да и во мне мужская решительность проснулась,
И я пошел на штурм родителей твоих.

В целом штурмовать мне вовсе не хотелось,
А вот побеседовать с матушкой пришлось,
Ну, от той беседы мне ж и впрямь запелось —
Выдать дочку замуж мамаше удалось.

Теперь мы с Гульчатай и поныне вместе,
В целом уже где-то пятьдесят годков,
У нас уже и внучка и правнучка — в невестах,
А это свой бальзам на сердце стариков.
Хотелось, чтоб сегодняшнее наше поколение
Что-то переняло ог стариков своих,
Чтоб жизнь их молодую обошло затмение,
И стала она счастливей всех существ земных.

14 октября 2013 г.

ОМОЕМ

Гульчатай сказала мне, тетрадь мою листая:
"В стихах твоих, я вижу, есть души движение,
В каждой строчке вижу: задумка не пустая,
Каждая несет в себе жизни отражение.

Взять хотя бы это: "Будни укатились..."
Иль насчет мильонов взрывного разноцветья...
"Дни наши новогодние уж снегом забелились,
И первый день январский нам шлет свои приветы".

И совсем отменно : "...не знать бы нам больницы,
И чтоб толпились женщины только у роддома".
У меня от этого — слезы на ресницах:
Женщины с роддомом мне давно знакомы.

А пожеланья счастья Караганде и краю,
Думаю, поддержит весь тутошний народ.
Правда, пусть о том и домбра играет,
И душа каждого сегодня и всегда поет.

И все ж, Ерлан Калкенович, стихи твои не светятся,
В них я вижу много ненужной простоты,
Автор над словами, по- всему, колеблется,
Придать стараясь каждому чужую красоту.

Хорошо ты выписал Татьяну Соколову
И других писателей со своею верой,
Надеясь, что "Простор" узрит в глубинке и Слепцова,
И он в нем пропишется надежным кавалером.

Но ты ведь знаешь, Калкаман, того ни в жисть не будет,
У "Простора" на страницах Пушкины да Блоки,
Там шедевры городские испокон ночуют,
Ну а глубинка и Слепцов для него — далеки.

Так что, Сегизбай оглы, варись в своем соку,
Видно, у тебя, Абрам, судьба твоя такая,
Может быть, тебя узрят в нынешнем веку,
Только у меня, Казбек, мысль о том — другая...

Думаю, "Простору" ты никак не нужен,
Поскольку твоя лирика, как у бомжа, бедна,
Хотя стихами дома ты, как верблюд, загружен,
Но жизнь в них и лира вовсе не видна.

Рифме в твоих строчках точно не откажешь,
Но у нас и дети могут рифмовать,
Так что, Антуан, стихами ты куражишь,
Оттого тебя не станут и друзья читать.

Но я-таки первейший у тебя читатель,
Ну, и, разумеется, растроганный судья,
Я к тому склоняюсь, что ты — не писатель,
Хоть то опровергают родные и друзья.

Ну а дальше, Педро, что покажет время,
Увидит ли читатель всю твою "лапшу"?
Для тебя, я вижу, стихи — не наше племя,
О чем я и в печати людям расскажу..."

9 декабря 2013 г.

МОЯ СЕМЬЯ

На фотографии —
В робе сын, жена и я.
Мы проявили всю отвагу —
И примчались на присягу.
Из части нас не гнал никто
И даже выдали фото...

Скажете: бедна палата!
В том мы оба виноваты.
Я шесть лет в КазГУ учился
И к семейству не стремился.
А жена пять лет в заочке —
И не думала о дочке.

Ну а дальше — лишь работа
Да служебные заботы.
У меня - в делах снабжения,
Где дорога да мученья

С разными билетами
И разными полетами
В города страны Советов,
Где не слали мне приветов.

Как те ж Одесса и Ростов,
Куда лететь я был готов —
К ним вела меня работа,
А не отдых и охота,
Чем богат тот южный край,
Где был вкусен каравай,
Где омывало город море,
А Ростов — так Дон и зори,
Такие здесь приветные,
С мыслями заветными.
О них сам Шолохов писал
И в "Тихий Дон" свой взгляд бросал.

Жена тоже отучилась,
На "отлично" защитилась,
На работе — высь и кресло,
И начальствующее место,
О детях думы — упаси!
Тут и Бога не проси...

Так вот жизнь и продолжалась,
Будто бы и не начиналась.
А там мы вовсе постарели.
Ее кудри — поседели,
А мои — зеркальный лист,
В какой, как в зеркало, смотрись.
В быту то лысиной зовется,
Какая, говорят, дается
Всем талантам на земле,
Ну, талантам, а не мне.
У меня талант какой?
В доме берегу покой,
Растил сына и себя,
Жизнь и жену любя.

Сын подрос и отслужил
И на "железке" закружил,
Закружил на тридцать лет,
Для него дороже нет,
Чем вся железная дорога,
Какая в сердце и в тревоге.
Поезда он нынче водит,
На медосмотры часто ходит,
Чего требует устав —
Ты здоров, ты не устал?
Коль здоровье не ахти,
Позабудь про все пути,
Что ведут на локомотив,
И медкарту сдай в архив.
Поезда ведут герои
Без в своем здоровье сбоя,
Как и на “Аэрофлоте”,
Ты должен быть в пути, в полете.

Вот такова моя семья
Теперь — жена моя и я.
Сын в Алтайске проживает,
Поезда с душой таскает,
Он их таскал в Агадыре,
В Моинтах и Караганде.

Ну, а там — развал Союза,
И проблем нашло от пуза.

Действий молодость просила,
Потому как были силы,
Какие требовали встряски
Не за флирт и не за глазки,
Не за тупое кумовство
Да и извечное родство.

А жизнь в Алтайске покатилась
И совсем не удивилась
Стараньям казахстанца —
По сути, иностранца.
Так и трудится наш сын,
Помощи, денег не просил —
И теперь стесняется,
Когда жизнь меняется.
Но мы с моей женою
Живем его семьею,
Его детьми и внучками —
Нашими правнучками.

Вот и вся у нас семья —
Жена, дети, внуки, я.

7 декабря 2013 г.

Жена меня сегодня крепко упрекнула:
Зачем у "Литгазеты" ты отнимаешь время?
Под старость у тебя нутро совсем замкнуло,
И ты подогреваешь старческое темя .

Чего ты вдруг ударился в рифмованные строки?
Да из тебя Есенин — что Тютчев из меня.
В твоих стихах я вижу невежество, пороки,
Какие непригодны для нынешнего дня.

Вот прочла недавно скомканные строки:
Живали Тургенев, Бунин, Рахманин и Махно.
Они в литературе прошли свои уроки,
И их Россия славила от века и давно.

Но они Россию прославили тем паче,
Прославили на весь, на весь крещеный мир,
И литература мира стала всех богаче,
Богаче, чем вчерашний и нынешний банкир.

А в целом, Абдрахман Аятолла Качала,
В стихах твоих я вижу набор лишь словесов.
Смотри, как пишут Кантов, Лясковская, Молчанов,
Твои ж слова и строки — совсем без адресов.

Ты что хотел сказать "Евгением Сазоновым"?
Я помню, в годы давние существовал такой.
Зачем в "Литературке" ломать над этим голову,
Когда ему на смену пришел Козьма Прутков?

Мир литературы Козьму Пруткова знает,
Знает, что бывает он задирист и смешон,
Жизнь нынешнюю Кузя тоже понимает,
Как понимал и прежде, когда по жизни шел.

А Винокур с Хазановым, Ещенко и прочими —
Какую у тебя они перешли дорогу?
Кто тебя, Мехмет ага, велел-уполномочивал
Вторгаться в жизнь великих? У них свои тревоги...

В России их концерты — нарасхват билеты,
А мы их не бачим лишь по вине ТВ,
У нас с тобой тарелок телевизионных нету,
А без них уж точно нам не бывать в Москве.

Конечно, агадырцы обвешаны тарелками,
Так то ведь молодые, а не Хоттабычи,
Пенсионеры точно плавают мелко,
Плыть на ТВ большое — у них не те ключи.

Эх, нам бы заиметь ключи от НТВ российского,
РТВ-"Планета", РЕН-ТВ, "Культура",
Подошли б и прочие каналы — хоть индийские,
Лишь бы поживали в них наш мир и литература.

Верно отмечал ты Бунина с Тургеневым,
К ним подойдет и Герцен, и множество других.
При коммунизме, помнится, их радио лелеяло,
Читая их рассказы, повести, стихи.

Нынче та методика из Москвы исчезла,
Пострадала отчего лишь литература,
Какую мы читаем нынче больше бегло,
Что стало укоренившейся по стране структурой.

По сути, нынче книжек мы просто не читаем,
Живя лишь в окружении живого Интернета,
По нему мы день и ночь себя в миру гоняем,
Отчего нам не до книг и не до поэтов.

Разве нам до Пушкина или Льва Толстого,
Иль до наших нынешних Лясковской и Молчанова,
Когда мы засыпаем у компьютера крутого
И когда к нам Интернет из-под небес причаливал?

А разве нам до нынешних, неизвестных миру,
Да чего там миру — самой Караганде?
Вот всплыл Слепцов какой-то, ставший просто гирей,
Неизвестный области, Агадырю, нигде.

Не ведает Слепцова и наш край шахтерский,
А ведь он издал целых три книжонки,
В печать земляк наш рвется с желанием актерским,
Но мы о нем не слышим ни втихаря, ни громко.

Таков нынче век — ни в чем непредсказуемый,
Издать книгу можно, но с ней потом — куда?
Кто эту книгу в миру реализует?
Эх, были же когда-то блаженные года ...

Нет, сегодня мы не те, что были при Союзе,
Интернет, компьютеры нас просто развратили,
Они нас переполнили своим духовным грузом,
А главный груз - живую жизнь, как видим, отвратили.

Живая жизнь - то суета и наших дней работа,
Нашей жизни - красота и наших дней забота,
А главное - зачем у нас, скажем без стеснения,
Исчез негаснущий запас между людьми общения?

Исчез такой живительный коммунизм общительный,
Который лишь на подвиги народы призывал,
На подвиги в работе, в космосе и в спорте,
На все благословение тот коммунизм давал.

Никакого не было в стране антагонизма,
Каждый с чистой совестью лишь строил коммунизм,
Партия к тому же бросила свой клич;
Целину поднимем, того хотел Ильич!

Как-никак, а целину мы все-таки взметнули,
Какая добрым хлебом людей отблагодарила,
Свои ряды в СССР еще тесней сомкнули
Республики большой страны, являя мощь и силу.

И все ж я верю, Абдрахман, люди — постарели,
А литература бедная так в корне пострадала,
Как-никак, а "Бежин луг "да и стихи нас грели.
И русским духом каждого от сердца наполняли.

Ну, отчего бы не прочесть нам книги Гиляровского,
Признаемся, наш новый век его почти не знает,
Не знает он Твардовского, Родзянко, Исаковского
И Семена Гершберга тоже не читает.

А потому ни в зуб ногой "Крушение империи",
Что в воспоминаниях написал Родзянко,
"Работа у нас такая"-такой мы не поверили,
Не поверили и Гершбергу, писателю, а жалко...

А Гиляровский ведал нам, ведал с давних пор,
Что у журналиста быть должно особое старание,
В газете должен он вести особый разговор,
Такой, чтоб у читателей спирало их дыхание.

Еще в миру говаривал известный журналист,
От пота выжимая бурлацкую рубашку:
От слова мужикова скукожится дантист,
И кто в высоких шляпах — "Хватит их кондрашка".

А почему бы не повторить по телеку нам чтение
Давно ушедших авторов — казахских и России,
Для чего и нужно-то лишь одно хотение,
За какое бы люди ТВ благодарили.

Ну почему бы не прочесть с душою артистической
Нам Теркина Василия из давних книг Твардовского,
И Гершберга работы поры коммунистической,
И песенное творчество поэта Исаковского.

А разве помешало б нам услышать в передачах
"Мемуары декабристов" — ах, как взыграла б память.
Но мы пока перед собой не ставим сей задачи,
Оттого как разучились в воспоминаньях плавать.

Ну а отчего бы не прочесть нам Павла Милюкова,
Такие редкие теперь его "Воспоминания",
В каких портреты он дает Столыпина, Кайкова,
Витте, Струве и других, достойных поминания?

Ах, а каков бы был пассаж, когда б ТВ родило
Телевизионный репортаж о том, что было-было,
Было много лет назад, да и в наши годы.
Ах, какой бы был азарт телевизионной моды...

Не надо ничего читать, а надо только слушать,
И вся читательская рать тому с душой послужит,
Послужит верой и душой новшеству такому,
Ведь срок прошедшего — большой, но нам он все ж знаком,

Знакомый по истории и по жизни нашей,
Но у человека память не всегда в порядке,
Где-то она, как пахарь, неустанно пашет,
А где-то надо делать ей лихую подзарядку.

Что жизнь так и делает с братом-человеком,
Оттого они по жизни оба уживаются,
Такое было испокон, есть и в этом веке,
Оттого земная жизнь веками не кончается.

Декабрь 2013

СТРАСТИ ПО САЗОНОВУ

Открываю форточку и любуюсь ветками,
Рядом кот ученый что-то свое муркнул.
Затем спускаюсь вниз, на лестничную клетку,
И беру из ящика мою "Литературку".

Признаюсь, жду ее, как фату — невеста,
Как завялый колос — тучек и дождя,
Как у хозяйки доброй — праздничное тесто,
Ждущее заботы, печи и огня.

Все страницы тихо и жадно поглощая,
Радуюсь их "вкусу", чувству и души,
А при коммунизме точно как-то обещал я:
"Для "Литературки", брат, хоть что-то, да пиши".

Пиши в газету, милый, и душой и сердцем,
Радуй Агадырь, жену и земляков,
Но не слади стихов — они теперь и с перцем
Не обманут вдумчивых бывалых стариков.

Коль правда в них и чувственная память,
Невзгоды жизни и наша злоба дня,
Когда приходится иногда и плакать,
Жизнь-судьбину и себя кляня.

Без "Литературки" у меня правда нет дыхания,
Она, как есть, продляет жизнь моей души,
Теперь живу ее я лишь воспоминанием,
За что готов аж дважды вторую жизнь прожить.

С "Литературкой" правда я нынче молодею,
При коммунизме вовсе, как с котом, дружил,
И нынче ей я кланяюсь, как волшебной фее,
Как женщине, какую впервые полюбил.

Пусть будет славен век "Литературки" вечной,
Кому-то она станет свершением судьбы,
А мне пусть остается встречной и сердечной-
Давайте все подпишемся на "Литгазету" мы!

И тиражу прибавим хотя бы тысяч сто,
Что для большой России и СНГ — немного,
Подпишусь и я, друзья, пенсионер простой -
К Сазонову и прежде я искал дорогу.

К Сазонову и прежде я искал пути,
Искал и понапрасну жизнь свою ворочал,
Хотел его я в "стульях" отыскать-найти,
Но видел там лишь Хорта, Камынина и прочих.

Видно, со шестнадцатой страницы он сошел,
А я за ним так гнался, не догнал — состарился,
А он по "Литгазете" юмористом шел,
Юмористом вечным на всю страну прославился.

Весь СНГэвскии век не зрел я "Литгазету",
И только в год Змеи мне явно повезло,
Мне прежде говорили: такой газеты нету!
Теперь я подписался всем чертям назло.

Ну а Сазонов, может, и всплывет на сцену -
ЖИЗНЬ, как бы ни было, а все же удивительна.
У героя нашего — "Литературки" гены,
А значит, он порадует сейчас и дополнительно.

Сазонов - это выдумка, рожденная газетой,
Ее юмористической, но нужной полосой,
Евгений не питал пристрастия к поэтам,
Но все ж редакционной питался колбасой.

А соки пил московские и редакционные,
Спал на редакционном жестком тюфяке,
Любил прогулки Женя авиационные
И редакционные, но только налегке.

При коммунизме с Леней я не подружился,
Он жил в цивилизованном редакционном доме,
А я в своей провинции за себя стыдился —
За стихи мои, живугцие содомом.

Ах, а какие прелести давала "Литгазета”,
Какие белу свету печатались шедевры!
Какие в "Литгазете" рождалися поэты!
Я бы всех на Нобеля их держал в резерве.

Как и всех воронежцев с их журналом кровным,
Не "Подъем" я б имя дал, а просто — "Современник”,
Пусть он без Некрасова, но он такой народный...

Октябрь 2013 г.

ПОЭТУ

Поэту тех далеких лет
Я эти строки посвящаю,
Какой сегодня просто сед
И свою исповедь листает.

Да, были сталинские дни,
Нет, просто Сталина эпоха,
Когда о бедности — ни-ни!
Хоть жизнь, как у скомороха -

Ты должен радовать страну
И, как ишак, кругом трудиться,
Ты должен спину гнуть и гнуть
И с врагами не водиться.

А враги-то — тут и там,
И все они — враги народа!
Они не преданы мечтам,
Что им отведала природа.

Ну, скажем, вот Иван орет
И валит все на бригадира,
Мол, тот неправильно живет,
Отвоевав его квартиру.

Вот так и катит тот Иван
Бочку на бригадира,
Мол, бригадир большой болван,
Он к тому же и задира.

Все ему и то не так,
Все ему и то не эдак,
Но и Ванька не дурак,
Его не купишь за пятак -
У него был знатный предок.

Предок не любил царя,
Примкнул даже к декабристам,
И, как бумаги говорят,
Стал после где-то колонистом.

Он лямку трудную тянул
Где-то там на Енисее,
Но линию свою он гнул
И думал только о Расее.

Ну как живет ее народ?
Он угнетен, жизнь без просвета,
Вот тут и нужен крепкий сход,
Чтобы согнуть профуру эту.

Этой Салтычихи гнет
С его жестокостью, смертями,
У какой простой народ
Гремел худобой и костями.

Недаром даже царь ее
Приговорил за это к смерти,
Но было царское житье,
И смерть осталась лишь в конверте.

А Салтычиха прожила
Тридцать лет в своей тюряге
И жизнь бесславно отдала,
Как отдают ее бродяги.

И все же семьдесят годков
Та Салтычиха протянула,
Сейчас не каждый так готов
Сберечь в тюряге жизнь и силу.

А Ваньку бедного того
МВД пришло, скрутило,
И не спросили у него,
Какая им владела сила.

Что он на власти нападал,
По сути, был врагом народа,
Суд за что и преподал
Ему всего четыре года.

Вот отсидишь свой этот срок,
Так и ума там наберешься,
Преподашь другим урок -
А то на вас не напасешься.

У вас вечный нервный дух,
Какой-то тик и недовольство,
Вам работать бы за двух,
Да зарабатывать привольство.

Жизнь нынче, милые, не та,
Что до Октября в стране крутилась,
В ней теперь своя черта,
Какая крепко обновилась.

Мы теперь, Иван, должны
Жить, как вождь рекомендует,
Все будем делать для страны,
И она богаче будет.

Что ж, и отсидел Иван свой срок,
В свой колхоз и возвратился,
Вынес ли какой урок,
Но на страну он обозлился.

И может быть, совсем не зря -
Он ведь был невиноватый,
Колхоз его ведь поощрял
И выдал новенькую хату.

Но вот какой-то бригадир,
Районной армии кумир
На хату бросил взор и взгляд,
В какой и нонче, чему и рад.

Что дальше? Время, целина,
Она по свету разбежалась,
Жила и строилась страна,
И крепким хлебом засыпалась.

Иван в почете там и тут,
На всей целинной автостраде,
Власти премии дают
И зачисляют аж к награде.

Так вот жил и жил Иван
В хрущевско-брежневскую пору,
Посетил Афган, Иран,
Когда уж дембель свернул гору.

Родил детей, живет с женой,
Правда, детки разбежались,
Теперь живут другой страной,
От них лишь письма и остались.

Теперь у Вани жизнь своя.
Дембель — так ему подмога,
Перо, бумага — вот семья,
В какой живет он без тревоги.

Чего, коль спросится, тужить,
У пенсионера жизнь какая ?
Потихоньку, мирно жить,
Свои годы вспоминая.

Что-то вспомнишь — как-никак,
А в прошлом что-то, да бывало,
Жизнь не шла наперекосяк,
Бывало, жару поддавала.

Молодость свое брала,
Где-то и с судьбою спорил,
Злючка, не твои это дела,
Я другую жизнь построил.

В ней теперь все хорошо,
Не надо где-то брать совета,
День и ночь с умом прошел -
Это радость для поэта.

А если ты и стих родил,
То ты не менее как гений,
Значит, день не зря прожил,
Теперь ты истинный Евгений.

Ну тот, что жизнь потратил зря,
В любовь Татьяны не вникая,
Его не радует заря,
И вовсе радость никакая.

Чего хотела жизнь его?
Чтоб просто не имела скуки,
А больше, видно, одного -
Брать чью-то жизнь на поруки.

Сие ж ему не удалось,
Его повсюду ждал экстрим,
За что расстаться мне пришлось
И с ним, и с Ваней не моим.

9 октября 2013 г.

С.В.

Признаться, я не верил в "Зори агадырские".
Таких, как я, по области писателей — не счесть.
Мягких, Лахно, Круглов мне отчего-то — близкие,
Талант у них писательский от рожденья есть.

У меня какой талант в мои-то две семерки?
Спросите на досуге: а раньше где ты был?
Все пушкинские годы крутился на галерке
У жизни и у творчества, какие не любил?

А следующие сорок чем ты занимался?
Ведь белый свет и область тебя совсем не знают.
С пробою пера к кому ты обращался,
Кто тебя советами писательства питает?

Вот в том, С.В., и дело, что сам в себе варюсь.
Поветрий литературы и стиха не знаю,
А в целом, коль признаться, я стихов боюсь,
Но все ж и против воли их я сочиняю.

Они меня на дембеле и вовсе достают,
Достают без мысли, тематики и цели,
Они мне, как и Пушкину, покоя не дают,
И душу мою старческую временами грели.

Бросить стихотворство и нынче не могу,
Уж жена ругает: пора остепениться,
Ты у литературы вовсе не в долгу,
Потому пред нею можешь не светиться.

А то, что они деда как-то достают —
Это не талант, а седины затмение,
Стихи, по справедливости говоря, капут.
Пора б для нас найти другое наклонение.

Такого наклонения в моей жизни нет,
Нет — и наверняка никогда не будет,
А для вас, С.В., я написал сонет,
Какой стихи заснувшие вновь во мне разбудит.

И разбудил на целый сборник стихотворный
Какой на душу ляжет всей творческой семье
Издательского дома, он ему покорный,
Как верится, покорный читателю и мне.

С .В., вы столько сделали для жизни моих книг,
Пусть свет они не радуют, но радуют меня’
Со светом у меня — никаких интриг,
Но книгам моим рады родные и друзья.

Радость у них чистая и трепетно душевная,
За что они меня Есениным считают,
"Зори агадырские" им вещь — необыкновенная,
Какая им и родину, и дом напоминает.

Мне, С.В., так хочется вам низко поклониться,
За все, что вы вложили в мой малый книжный ряд.
Может быть, и эта "Жизнь..." сможет появиться?
Ах, как своею старостью я был бы книге рад.

Но если книга эта недостойна света,
Значит, такова у нее судьба,
Знать, не в литературный она костюм одета,
А чтоб одеть в такой — нужна во мне борьба.

Борьба с своею старостью и старыми привычками,
С моей литературной нынешней отсталостью,
Когда добро и правду метим мы кавычками,
Но они вживую радуют нас праздностью.

Я, С.В., и нынче вам откровенно верю:
Думаю, что книга вас чем-то да затронет,
Считаю, "Жизнь ты жизнь" — находка, не души потеря,
Почему она и поплывет и вовсе не потонет.

Потому как утонуть вы ей не дадите,
Ну а затем у книги — нелегкая судьба,
Кому-то она станет истинным магнитом,
А кто-то пройдет мимо — не влечет она.

Такова у наших книг в наши дни житуха,
Нам бы надо выдавать подобие Гамзатова,
К таким шедеврам и теперь память не потухла,
Она в душе, как добрый след, жизнью закатана.

Наверное, я тоже след в жизни оставляю,
Мои книги тоже какой-то жизнью дышат,
Лучшее по жизни я не выбираю
И не толкаю в пропасть то, что судьба колышет.

В книгах я даю то, что вживую вижу,
Кладбищенский тот холмик друга моего,
Ах, как же я неправду душою ненавижу,
Может, и страдаю в жизни оттого.

А неправдой будет то, что жизнь у нас крутая,
Что мы все стремимся пробиться в Ломоносовы,
Забывая, что теперь учеба не такая,
За учебу в наши дни страна тыщонки просит.

То ж и за лечение, и всякое общение,
Хочешь быть здоровым — денежки плати,
Не считай, что это твоей страны мучения,
То мировая практика, с чем нам не по пути.

А куда податься от мировых стандартов?
Хоть Эмираты все же по-своему начхали
На платное лечение и знанья-обучение,
У них они бесплатны — они родят таланты.

Знал бесплатную лафу и век наш СССРский,
Знал как бы не целые семь десятков лет,
Тогда учились и лечились мы бесплатно, по-советски,
Чем тогда ценился советский человек.

Мной о том когда-то где-то говорилось,
Боюсь, что в этой части я снова повторяюсь.
Ну а мое желанье: чтоб книга мне приснилась,
И может, на себе потом я отыграюсь.

И, наверно, завяжу дружбу со стихами,
А вам, С.В., я снова поклонюсь,
Может быть, как прежде, проснусь я с петухами
И за ваше здравие я небу помолюсь.

Помолюсь, чтоб книга вышла вашим светом,
И чтоб она по-новой душу мне согрела,
Сегодня, в две семерки, я думаю об этом,
И хочу, чтоб та свеча для меня не тлела.

17-18 декабря 2011

ОБ ОСЕНИ

Об осени писалось и писалось,
И всюду у нее различный цвет.
От Пушкина так у меня осталось:
Златая осень, привет тебе, привет!

У Лермонтова есть памятные строки:
"Осенний день тихонько угасал..."
Не будет здесь особого порока
За то, что я в тетрадь их записал.

День осенний гаснет — к холодам,
Моя же жизнь гаснет — то к кончине.
Но жизнь свою я просто не отдам,
Искать в ней буду новую лучину.

Чтоб она светила в темноте
И темень ту из жизни угоняла,
Чтоб быть ей в своей дивной красоте
И чтоб она надежду нам давала.

Надежда же - она и есть мечта
О жизни настоящей и красивой,
В какой бывают грязь и красота,
Делающая жизнь людей счастливой.

Кто нас осудит за наш красивый дом,
За полную в нем жизненную чашу,
За то, что мы по-новому живем,
И дни сегодняшние стали много краше?

Краше, чем в минувшие года,
Когда мы о курортах не мечтали
И свою денежку все месяцы подряд
С небес и от страны не получали.

И все же интересно сегодня мы живем,
Не только на себе и хлебе замыкаемся,
Сегодня жизнь Высоцкого по-новой познаем,
Мир его отечества по-новой открывается.

Все-таки мы мало знаем о житье —
0 житье поэта на пламенной Таганке,
Какой он отдавал служение свое
И, может, даже думал о Влади-парижанке.

Жизнь поэта занесла и на Большой Каретный,
Где он с семьей и со стихами жил,
Какой ему являлся гаванью приметной
И где он стихотворный корабль заложил.

Мы многого не знаем о наших земляках,
Не знаем о талантах нынешних и прошлого,
Которых люди знают даже в уголках
Нашего живого времени хорошего.

Ну что мы еще знаем об осени земной?
Всегда ль она бывает цвета золотистого
Сентябрьской-октябрьской-ноябрьской порой
Иль она являет все цвета землистые?

Сказал один поэт в былые времена:
"Осень наступила, высохли цветы".
И добавил, чтобы строка была полна:
"И глядят уныло голые кусты".

Такую осень грустную мы видим и теперъ:
За годы и столетья она не изменилась.
Может, только нынче ушел в кочевье зверь
Да звезда желаний покрепче укрепилась.

Век плебеев нынче, наконец, изжит:
Куда ни кинь, Рокфеллеры да наши Салтычихи.
Век нынче не по времени - по Космосу бежит,
А у себя под боком купцы да и купчихи.

Говорят, нестрашно - таков нынче век,
Мы нынче укрепляем свой новый капитализм,
Живет при капитализме весь мир и человек,
И ему до лампочки какой-то коммунизм.

Им мы жили прежде семь десятков лет
И своей теорией массы заряжали.
Считали: Ленин, Маркс - наш жизненный портрет,
Какой в своем народе как богов держали.

Но жизнь шла вперед и делала свое,
Коммунизм с теорией себя почти из жили,
Жизнь наживала новое житье,
Люди на себя его и век свой положили.

Коммунизм являл собой опиум идейный,
Каким планету заразить мы все же не смогли,
Он шел по СССР своей тропой линейной,
Хотя в своих границах его не берегли.

Правда, мир велик, и кто-то умудрялся
Этот коммунизм у себя внедрить:
Такой страной как будто бы сосед Китай являлся,
Какой по Мао Цзе Дуну и нынче хочет жить.

А мысль моя по осени и нынче кувыркается
И спать-дремать по-прежнему ночами не дает,
У лба там где-то тихо в кучу собирается
И предо мной живой поэзией встает.

Осенний ветер тихо кору гложет,
Опадают листья с тополей,
Нет на свете ничего дороже
Агадырской осени моей.

Мной об этом уж где-то говорилось,
Об осени я вечно говорю,
В младые годы она мне и не снилась,
А нынче осень я как поэт люблю.

Люблю извечное я листьев увяданье,
О чем и прежде говорил поэт.
Мы лист топтали, когда шли на свиданье:
Сейчас, наверное, таких свиданий нет.

Влюбленных не встречает клен опавший,
Осеннею порой оледенелый,
Но такой приветливый, вчерашний,
С пышною листвою — нынче квелый.

"Уж небо осенью дышало", — то у Пушкина,
И: "Короче становился день..."
Ах, как опасно выглядеть игрушкой,
Когда цитирую поэта свет и тень!

Но все же я поэта трону память,
Оттого как осень он любил.
Я об осени теперь не буду квакать,
Поскольку у меня она без крыл.

А осенью-таки блуждают тучи,
И Ложится на поля туман,
И гусей крикливых караван
К Югу тянется стаею тягучей.
Как и тогда, теперь стоит ноябрь -
Довольно скучная и зябкая пора,
Вот скоро-скоро к нам придет декабрь,
И снег опустится у каждого двора.
Тогда уж точно льдом прихватит лужи,
И все мальчишки встанут на коньки:
Сидеть им дома нет мученья хуже,
А ту, такие добрые деньки!

Промчаться б им по озерной глади,
Но Агадырь от века не имел такой,
Оттого приходится им лишь помойки ладить
Да на тротуарах искать себе покой.

А пока ноябрь, осень золотая...
О том и Пушкин как-то говорил,
и караван, по Пушкину, в небе пролетая,
Мое перо на осень взял и наострил.

Не буду я перу сопротивляться,
Уж что-то да состряпаю свое,
Моя и Пушкина осень прикасаться
Будут и как-то сгладят бытие мое.

Пусть в нем не будет осеннего ненастья,
Осенней хмури, заледенелых дней,
Пусть. хоть немного просвечивает счастье
В седой житухе дембельской моей.

А на дворе пусть осень золотится
И так же листья опадают с тополей,

Пусть к агадырцам лишь с добром стучится
И будет гостьей всей родины моей.

Будет гостьей агадырского приволья
И шахтерской гавани — седой Караганды,
Пусть им всегда сопутствует широкое приволье,
И чтоб в их жизни не было никакой беды.

3-4 ноября 2013 г.

ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ

Смотрели с Гульчатай телевизионную заставку
С Гузеевой Ларисой и сватьями ее:
Ну, "Давай поженимся" опять дает заявку
На новое знакомство и новое житье.

Смотрим, улыбаемся — красивые все пары,
Но все они уж побывали в жизненном огне.
Сваты считают пары жизненным товаром,
Какой подвижен в людях в свете и во мгле.

С Гульчатай толкуем: любовь, развод, измена...
Жизнь это знает вовсе не впервой.
Человек извечно ищет перемены,
Ища их где-то сердцем, а где-то головой.

Сердце выбирало и часто ошибалось,
Голова же находила верные пути,
Жизнь кому-то где-то по-новой улыбалась,
А сердце и теперь пытается судьбу свою найти.

А мы вот с Гульчатай за жизнь нашу долгую
Не делали и шага на разрыв, развод.
Хотя жизнь спотыкалась и бывала волглою,
Но мы умели видеть свой светлый небосвод.

Мы умели видеть наше продвижение,
Но не представляли конечной высоты.
Мы все же контролировали наше положение
И знали, где искать нам проекты красоты.

А жизнь нам нечасто по-свойски улыбалась,
Были в ней увертки и черная мазня,
Завистники в довольстве себе и улыбались,
Что Гульчатай коробило, а с нею и меня.

Теперь на нашем дембеле мы с Гульчатай стареем,
Ездим к нашим дегям в приветливый Алтай,
Где встречею с детьми мы свою душу греем
И когда внуки просят: "Сказку почитай!"

В том есть своя сердечность и своя отвага,
Блаженство голубое и своя мечта,
Дающие нам с Гульчатай жизненные блага,
А нам-то говорили: "Жизнь у вас не та!

Не те вы отмеряете по жизни километры,
Мир ваш слишком узок и мечта мала,
За жизнь вы не построили себе апартаментов,
И вообще, жизнь ваша вам счастья не дала".

Упреки с Гульчатай мы мимо пропускаем:
Нас радует наша дружная семья,
Что жизнь нам посылала — мы не упускали,
Что взамен давала — фиксировал и я.

Вот и родились скупые строки эти,
Какие так и рвутся к читателям моим.
Выродить все строки — ведь то мечта поэта,
Его правда жизни, ну, и херувим.

Коль ангелы со мною — есть надежда жить,
Есть надежда верить, надеяться, писать,
Так я и сумел все в память положить,
А память и позволила с книгою плясать.

В "Классике" две книжки Слепцова появились:
Я в них писал о жизни, о друзьях и о жене,
В ней родина моя с Орлиною светились
И песней отложились в сердце и во мне.

Орлиная нам с Гулей стала нашим небом,
Нашею любовью и нашею судьбой,
В ней мы всегда гордились ее людьми и хлебом
И увлекались на глазах любовною гульбой.

Любовь рождала свадьбы, надежду и детишек,
Школьное поветрие для деток-первоклашек,
А в доме никогда не виделось излишек
Ни в хлебе, ни в деныах, в игрушках ребятишек.

Однако годы шли, мы жили и учились
На "заочках" всяких, учились и росли,
На лестницу карьерную нисколько не стремились,
Но трудовые подвиги нас все же вверх вели.

Я так стал отъявленным в снабжении инженером,
Гульчатай — и вовсе начальником учета,

Меня в делах снабженческих ставили примером,
Потому как в час любой я был готов к полету.

Чтобы мчаться в Черногорок за длинными стаканами ,
Какие так потребны при электрификации,
В Черногорске я сдружался даже с тараканами,
Противопоставив им свою судьбу-квалификацию.

Меня живые особи нисколько не пугали,
Но они так дружно ползали по полу.
Хотя мы их с товарищем сметали и бросали,
Пол оттараканов не становился голый.

После Черногорска снабженье гнало в Питер —
Там тоже что-то нужно для электросети.
В Питере том бойком не снимал я свитер,
Хотя и было в мире божественное лето.

После Питера — Беслан с линейными опорами,
Атам - Ростов, Москва, Урал с заданиями скорыми;
Надо срочно в Минск попасть — нужно спецпокрытие..
Чтоб была в работе сласгь, работай по наитию.

И работал, воз тянул, как ишак бухарский...
Мне товарищ намекнул: "Пахарь ты ухарский!
Коль бы все трудились так, был бы коммунизм,
Но коль ты такой простак — тебе такая жизнь .

Так вот и катилась снабженческая жизнь,
Ею я увлекся, как дитя игрушкой.
Конечно, я не строил в Орлиной коммунизм,
Но и не считался забытою простушкой.

В ячейке деповской был верным коммунистом:
В президиум сажали, ставили на вид,
Брал шефство над хорошим, но скромным машинистом
Который может многое, но не говорить.

Снабженческие тропы водили в Украину,
Носили по Сибири, в Вильнюс, на Алтай,

Казахстана и вовсе объездил половину
И даже видел издали трудовой Китай.

Нет, что ни говорите, снабженье — это сказка,
В ней столько поворотов и людских судеб!
Не всегда счастливая и добрая развязка,
Где за жизнь, бывало, платился даже хлеб.

И все же я снабжению низко поклонюсь:
Оно меня по свету немало поносило,
Снабжению и нынче я искренне молюсь,
Оно — моя судьба, мой мир и моя сила.

Я видел Днепр, Дон, Яузу и Волгу,
Обь и Енисей, чем богата Русь,
В целом Русь я помнить буду долго-долго
И, может быть, когда-нибудь в ней гостем появлюсь.

На дембеле не слишком в край чужой разгонишься,
Особенно сегодня, в СНГэвский век,
У таможни гневно постоишь, поссоришься:
Ах, как ты опустился сегодня, человек!

Где святая дружба, доверие друг к другу,
Когда мы называли и напевали: "Брат",
Когда казах в России находил подругу
И отдавал соседу, чем был и небогат?

Тогда не знали люди никаких помех,
Никаких границ и чертовых таможен,
Одна страна была — для многих и для всех,
И въезд в любую область был каждому возможен.

Сегодня позабудем про старое житье.
Говорят нам: "СССР с любовью вспоминайте!"
Теперь анахоретами мы у себя живем,
За что же, дорогие, себя и обвиняйте.

За то, что не сумели СССР сберечь,
Подкупившись Ельцину, его друзьям и прочим...

Теперь вот СНГэвскую укрепляйте Сечь,
А дальше жинь какую-то правду напророчит.

Коснется эта правда республик СССР?
Жить одной семьей что нам помешало?
Америка со Штатами - не лучший нам пример,
У какой на всех одно жизни одеяло.

Наверно, есть резон нам вновь объединиться
В какой-то СССР, какой нас всех сплотит.
О нас, великих, сможет любой извне разбиться,
Если он с оружием к границам прилетит.

СОСР — Союз Объединенных Свободных Республик,
В том есть лихая схожесть с бывшим СССР.
Россия, по всему, сварганит этот бублик
И знамя понесет, как бывший пионер.

Тогда исчезнут вновь таможни и границы
И у властей не будет кружиться голова,
А у СОСРа, видимо, появится столица,
Какая общим мнением прозвучит — Москва.

Мир на СНГ глядит как на его пародию,
У какого ни границы, ни столицы нет,
СНГ — отжившая, глухая категория,
Потомки не оценят его живой портрет.

Оттого и следует с СНГ расстаться
И породить единую, красивую страну,
В какой просторы жизни будут прикасаться
И, как в годы Ленина, с дороги не свернут.

Пусть в СОСР мы не будем возрождать колхозы,
Пусть частник, как в Америке, всюду правит бал,
Пусть всюду под окном у нас цветут мимозы
И прежний нищий станет изысканный капрал.

Пусть в СОСРе том пшеница не слишком колосится
И не так колышется зеленая трава,

Но у людей пусть будет единая столица,
И пусть ею будет по-прежнему Москва.

Все остальное, видимо, придет и утрясется —
Единый хлеб и рубль, единая семья,
И если горе общее над миром пронесется,
Еще тесней сомкнутся у СОСРа все края.

Великая страна всегда непобедима:
Единство даст ей силу, богатство, торжество,
Потому единство всем нам необходимо —
Как вера в нашу правду и наше божество.

Ну, а если СОСР на карте не родится
И СНГ пытаться будет жизнь свою влачить,
Придется веку этому просто подчиниться,
За что потомки наши не смогут нас простить.

15-16 октября 2013 г.

ОБО МНЕ

Жена сказала: "Абдрахман, вроде ты потертый,
Но в тебе я вижу Ивана Калиту.
Ты перешагнул свой семьдесят четвертый
И постиг в поэзии живую высоту.

Не знаю, как откликнутся в издательстве товарищи,
Но в твоих стихах жизнь всегда живая:
Ты никогда не пишешь о смерти и кладбищах,
Тогда как в нашей прессе жизнь живет такая.

В газетах и журналах со смертью ты встречаешься,
Строки их извечно панихидой пахнут.
Одни так уверяют: жизнь уже кончается,
Нам лишь остается коллективно крякнуть.

В твоих же, Абдрахман, стихах я вижу небо
Извечно голубое, как и жизнь людей,

Ты ни одной строкою на том свете не был,
А люди так и вовсе не знают о беде.

Тебя недаром кличут: ты, Абдрахман, народный
Народный оттого, что ты с людьми всегда,
А это у народа — подвиг благородный,
Какой живет в народе отныне и всегда.

В твоих стихах герои дышат только солнцем,
Утрами умываясь рассветом и росой,
И даже дед, проснувшись, растворил оконце
И вышел за околицу по траве босой.

Вот у тебя такая жизненная гоника -
Радовать жизнью округу и людей.
Тебя никак не давит конца жизни хроника,
Ты с живою жизнью среди людей - везде!

А это дает право жить твоим стихам,
Какие даже лечат израненную душу,
В стихах твоих огонь бессмертья полыхал,
И, думаю, бессмертье он природы не нарушит.

Оттого, наверно, стихи твои читают:
В них всегда стремленье к дружбе и любви.
Ну, а те, кто любят — никак не умирают,
У них живая жизнь в их сердце и в крови.

Чего бы мне хотелось, Абдрахман известный,
Чтоб твои стихи по свету разошлись,
Поскольку они стали в поселке интересными
Оттого, что в нихдуша и живая жизнь.

А мы с живою жизнью не ахти общаемся,
Нас отчего-то тянет в разборки и во тьму,
На уличных тусовках мы на людей бросаемся
И в воде мы топим подругу, как Муму.

В подлунные часы нам никак не спится —
В кафе да ресторанах денежки стучат.

Вот дурная кровь к нам в голову стучится,
И мы крадемся к деньгам повадкою волчат.

Конец всегда один: нас заживо хватают,
Скручивают руки и в тюрьму ведут,
При сопротивлении нередко убивают,
В целом к нам приходит истинный капут.

А все как жить нам в роскоши и богатстве хочется,
Ездить на Канары, отдыхать в Крыму,
За самыми богатыми красотками волочиться
И наполнять теньгою бездонную суму.

Бывает, нам такое как-то удается,
Деньги и преступность руки нам не жгут,
А дома даже женка приветливо смеется
И дети на поверку свой дневник несут.

Но жизнь свою правду, как точило, точит,
Правда раскрывается — и мы уже в узде.

Следствие особые обвиненья мочит,
Так и остаемся мы в судебной борозде.

Ну, а там отсидка с тюремною решеткой
И анализ жизни собственной своей...
Так о чем же думал этот ум короткий
В обществе живущий и среди людей?"

14 октября 2013 г.

О ВОЙНЕ

Что же ты, проклятая, наделала —
Мое детство с батькой увела,
Жизнь моей мамули переделала,
Счастье-долю враз и отняла.

Батька до войны был трактористом,
Пашни кургальджинские пахал,
Вечерами дома гармонистом
Пред семьею батька выступал.

Дети перед сном просили батьку
Что-то им душевное сыграть,
А после они бросятся в кроватку
И будут ночку безмятежно спать.

Но война идиллию сгубила,
В каждый дом лишь горе принесла,
Где-то у Днепра ордой бродила,
Доставала и до нашего села.

Карточками всех сельчан кормила,
Одевала - кто во что горазд,
Как село гуляет — позабыла,
Жизнь будто поплыла назад.

До войны был батька трактористом,
С пашней да с колосьями дружил.

Война же приказала быть танкистом,
Чем наш батька крепко дорожил.

Ах, каким танк, батька, был коварным!
Он громил фашистскую броню,
И только где-то перед самой Варной
И ему поставило стерню.

Загорелся танк и закрутился —
Не выбраться танкисту из огня,
Загорелся он и задымился,
Не спасла и личная броня.

Воттак она, проклятая, и сделала,
Прошлая далекая война,
О чем миру и истории поведала
Прошедшая те годы седина.

2 ноября 2013 г.

МЫСЛИ МОИ, МЫСЛИ...

Жена меня сегодня по-свойски укорила,
Хотя и накормила гречневою кашей:
— Для тебя поэзия — что суп для крокодила,
И из тебя поэт, что из Обломова Лев Яшин.
А коль ты неудачным сочтешь сие сравнение,
Я тебя открою людям по-советски:
Из тебя поэт — это многих мнение —
Что из Коробочки, по Гоголю, Майя Плисецкая.
Хотя ты, дон Амросий, пишешь неустанно,
По-своему кропаешь поэмы и стихи,
Оставаясь прежним — напорным, не усталым,
Хотя к твоим писулькам редакции глухи.
Видно, им нужны Есенины да Блоки,
Твардовский с Евтушенко — так шли бы нарасхват,
Ну, а ты, мой Педро, от них, как бог, далекий,
И не говори, что Лермонтов учитель твой и брат.

Полста годков, Акакий, ты стихи кропаешь,
Но ни одной строки твоей свет белый не видал.
Наверно, ты бездарен и людей не знаешь,
Иначе тебя, Абрам, хоть кто-то бы да знал.
Полистай один со мной всю нашу периодику:
Стихов там отродясь твоих и близко не водилось.
Во всей твоей, Крузейро, литературной хронике,
Видно, жизнь такая, что и попу не снилось.
Так что, Авраам, из тебя писатель,
Что из СНГ беспутного великий СССР.
Ты так и остался простой бумагомаратель,
Что для тебя, не иначе, убийственный пример.
Ну кто ты есть на деле? Пятнадцать лет слесарил
И целых двадцать восемь снабжению служил,
На огне холодном ты поэмы жарил,
Но стихам, однако, ты полжизни положил.
И на склоне лет ты стихами увлекаешься,
А это уж болезнь с хроническим налетом.
Плохо, что с поэтами ты по стране не знаешься -
Они б тебя наставили, как пишутся сонеты.
Думаю, что Лермонтов - гений от природы,
И тебя он вряд ли писать стихи научит,
Лермонтов был в гуще своего народа
И всегда был в жизни боевой-кипучей.
Так что, Абдрахман Сакен-улы Калкенович,
Со стихами, думаю, потребно завязать:
Их белый свет не видывал, но ты чужим завидовал,
Тогда как твои личные умеют лишь молчать.
Молчат они, как партизан у немцев на допросе,
Хотя, как мне известно, им есть чего сказать.
Не знаю, как редакциям, мне ж лично интересно
Твои стихи прощупывать и вдумчиво читать.
Я вижу в них движение совсем не сонной мысли,
В той мысли жизнь светится и твоя судьба.
Ты не просил у жизни льгот и положения,
Какие доставляла тебе твоя борьба.
Ну, а со стихами тебе придется ладить,
Может быть, придется учиться удругих.
Просыпаться, может, не стоит с петухами
И корпеть над строчками тебе лишь дорогих?

Не знаю, как судьба тобой распорядится,
Но прежде со стихами - их у тебя вагон!
Ты к ним безразличен, а вот мне не спится:
Наступит ли печатный для тебя сезон?
Сколько зим и весен за жизнь твою промчалось,
И ни одной не скажешь ты: "За стихи - мерси!"
С печатью ничего у нас не получалось,
Редакции об этом ты больше не проси.
Таланты пробиваются аж в толстые журналы,
А тебя простая "районка" не берет.
Не знаю, где искать печатные каналы,
Наверно, после смерти тебе и повезет.
- Ну, Гульчатай, побойся! Ты с такими мыслями...
Хотя мне, правда, стукнуло ровно семь и пять,
А жить, убей, так хочется, хоть облаком умойся,
В каком живые воды и Божья благодать.
Я все ж хочу, Винченция, и ты того же хочешь,
Чтоб хоть на смертном одре стихи мои узреть,
Мы б с тобой запели новые аккорды
И вообще бы стали соловьями петь.
Как будет все на деле, наверно, жизнь покажет,
А пока, Винченция, закончим этот стих,
Время моим виршам только кукиш кажет,
Отчего мой голос прежний в поэзии затих.
- Смотри, Мехмет-али, ты ж со стихами борешься,
Я же представляю их дальнейшую судьбу.
Может, ты под старость посильней расколешься
И начнешь в поэзии вести с собой борьбу?
У Горького известно какие университеты,
А какое золото он стране оставил!
Он был настоящим писателем-поэтом,
Оттого и родину на века прославил.
Тебе ж, Мехмет-али, есть у кого учиться,
Но коль ты со стихами, то учись у Блока.
Может быть, со временем и твой живой родится
Стих, и ты в поэзии не будешь одиноким.
—Твои б слова, Винченция, да богу в уши, в уши,
Чтоб он распорядился стихи мои издать!
Я стал бы тому богу, как дитя, послушен
И стал бы пуще Блока стихи свои писать.

— Давай на том и кончим наши разговоры
О бренности большого слепцовского стиха,
Литература наша пресечет все споры
И просто разнесет стихи по-русски — в потроха.
Нынче твои мысли, вижу, набекрень,
Уж точно они сдвинуты, Сегизбай, годами,
Тебе по-русски стало даже бриться лень,
Отчего сравнялся ты с лохматыми плодами.
Все равно, Абдукарим, стихи твои играют!
Я ж вижу, ты ночами судьбу свою творишь,
Стихи твои так новую тележку заполняют,
А это говорит; стихи твои — магнит.
Не следует противиться их в жизни притяжению,
Пусть стихи твои сейчас бездарственны и ломки,
Когда-нибудь, мне верится, исчезнет напряжение
И твои книги после нас издадут потомки.
Такое уж бывало, жизнь не провести:
Потомки наши знали наши стих и слово,
Они могли и в малом золото найти,
Что было для потомков неподкупно ново.

Октябрь 2013

СЛОВО О МАТУШКЕ

Я, матушка, тебе, как солнцу, поклонюсь —
Тебе и незабвенной памяти твоей,
За то, что в Казахстане ты продлила Русь,
Породив аж четверых здоровеньких детей.

Сын Иван увидел свет в своем году, в тридцатом,
А ровно через семь годков увидел свет и я,
А после через пару лет птичкою крылатой
Прилетела в тихий дом и сестра моя.

А потом пришла нежданная и грозная война,
Отец со всеми в тридцать три ушел зимой в солдаты.

Ты ж с мальцами, матушка, осталась одна,
Весь пригляд за меньшими поручив лишь брату.

Как помнится, Иван был нянькою отменной,
Умел из карточной крупы готовить суп и кашу,
Он научился быть хозяином примерным,
В свои двенадцать лет заменив мать нашу.

Ну, а ты, мой друг, маман, трудилась трактористом,
Детки же и день, и ночь водились лишь с Иваном.
Батька с фронта написал, что служит он танкистом
И что не раз на фрица шел он истинным тараном.

Годы шли, и шла война... Пришла и похоронка.
А тут и Божий дар поспел — священный День Победы,

Какой тебя порадовал, но плакала ты громко,
Как плакали сморщенные, но живые деды.

А потом работа, жизнь, детки подрастали,
Тут и подоспела Хрущева целина.
Тебя как комбайнера на целине достали,
И затем гордилась Казахстан-страна.

Она тебя и орденом за труд твой наградила,
Почет и уважение как женщине дала,
А в шестьдесят седьмом на дембель проводила
Ты двадцать пять годочков комбайну отдала.

Не печалься, мама, дети твои в форме,
Я и сестренка Лида - на пенсионном поле,
А братишка Толик добивает норму,
Норму пенсионную — осталось год, не более.

Так что будь спокойна, матушка родная:
Дети и тебя, и твою память чтут.
Какою б ни была наша жизнь лихая,
Ее годы все же нам добро несут.

В том добре блаженствуют твои дети, внуки,
А теперь и правнуки — боевой народ.
Наша жизнь не просится к людям на поруки:
У нее своя дорога, где есть и поворот.

Поворот ведет сегодня наши семьи к счастью:
Мы, как было при тебе, хорошо общаемся,
Слава Богу, избегают нас бедность и ненастья,
К тебе мы за советом, как было, обращаемся.

Так что будь спокойна, матушка, за нас!
Мы живем, как ты когда-то нас тому учила,
В целом мы не катимся в жизни на Парнас,
Хоть у меня с Парнасом родственные силы,

Какие и родили, мама, о тебе сей стих.
Стихам, как ты хотела, я верен до могилы.

Наверное, как прежде, я буду жить для них —
Жить для них, покуда сохранятся силы.

А в семьдесят девятом матушки не стало:
Комбайнера труд — не женский все же труд...
В войну ее комбайн по области бросали,
Им снятые колосья стране зерно несут.

Покоится мамаша в поселке Астраханка,
Что стоит поблизости от станции Жалтырь.
Я посещаю кладбище, бывает, спозаранку,
Оставляя раз в году свой думный Агадырь.

В две тысячи двенадцатом ушел из жизни Ваня,
Остались в этой жизни мы с братом и сестра.
Ваня и на старости забот с себя не сваливал,
Ведя свое хозяйство с вечор и до утра.

Так что, мама, не тужи за нас и на том свете!
Мы хоть и на дембеле, но ты у нас жива,
Как живы и твои оставшиеся дети,
О каких лишь ходит добрая молва.

Обо мне, что я поэт, хоть и не Есенин,
В хоре ветеранском поет у нас сестра;
Братишка Анатолий стахановски, без лени
Свой дембель добивает с утра и до утра.

В целом, дорогая наша матушка родная,
Жизнь у твоих деток, как в сказке, удалась.
У меня, как у поэта, жизнь была лихая,
У сестры с братишкой она стрелой неслась.

Жили они трепетно, своих детей растили,
Теперь у этих деток уже есть и свои,
Они в век Интернета о памяти забыли,
Не поют в рассветы росные для них и соловьи.

Но мы-то, мама, помним твои дни бывалые,
Помним твой нелегкий и послевоенный век,
Когда мы вкус горбушки хлеба забывали
И когда в стране был ценен рабочий человек.

Мы были лишь детишками, и ты для нас грудилась,
Мы тебя встречали всегда с открытым ртом,
Прыгая за стол. И скатерть уж стелилась,
За что ее и маму мы берегли потом.

Они кормили нас супом и картошкой;
Иногда, хоть крадучись, мы ели пирожки,
Перепадало иногда конфеток понемножку,
Какими удивлялись во дворе дружки.

Вот и все, мамуля, жизнь у нас такая,
Что может позавидовать даже дед Мазай:
Зайцев на обед мы ни раз не привлекали
И не говорили, как Мазай: "В лодку полезай!"

Нынче, мама, стол накрыт, есть во что одеться,
Есть гостей и близких чем угостить и встретить,
Мы на тебя и память стремимся опереться,
И что ты часто среди нас — в то всем сердцем верить.

13 декабря 2013 г.

МЫСЛИ О ПАМЯТНИКЕ

Какие только памятники мир не несет с собою:
То писающий мальчик, то взрослая свинья,
То угольная глыба в руках над головою,
Какой в Караганде всегда любуюсь я.

В Перми так даже уши на площади красуются,
Так вот и живут в народе пермяцкие те уши.
Может быть, и ими приезжие любуются,
Когда по городу гуляют и просто бьют баклуши.

А почему б в Караганде нам не сотворить подобное?
Ну, наше сердце, скажем, дать в каменном огне?
Схема сердца жизнью испокон отобрана,
Осталось выбрать место и выделить тенге.

Сердце человека, жизнью рожденное,
Бьется в человеке даже за сто лет,
На земле насоса, мыслью сотворенного,
Без ремонта и в десять лег не было и нет.

А кровяной насос — сердечко человека —
Без ремонта трудится, бывает, целый век,
Оттого что так природа сделала от века,
Оттого земля жива, с ней жив и человек.

Остается человеку сердцу поклониться
И воздвигнуть ему памятник, в золоте отлитый.
Человек в такой задумке не может ошибиться,
Он не будет сердцем и жизнью забытый.

12 декабря 2013 г.

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Декабрьские будни в Лету укатались,
А с ними укатался и старый год Змеи.
Тут и новогодние елки появились,
Зажегшие приветные с игрушками огни.

А на дворе взрывались лихие фейерверки,
Караганда взрывалась мильоном разноцветья,
Год Лошади встречает она своею меркой,
Какой пошлет ей здравия и жизни многолетье.

Чего бы пожелать областному нашему
В этот уже новый Лошадиный год?
Пусть улицы его станут еще краше,
И каждый карагандинец лишь радости несет.

Пусть в их домах надежда и тепло поселятся,
В весеннюю распутицу — так пусть сойдет вода,
В окружные села пусть асфальт расстелится,
И люди пусть забудут, что есть в миру беда.

Пусть карагандинцы не знают, где больница,
А женщины толпятся только у роддома,
Пусть нашим ребятишкам еше слаще спится,
А молодежь вселяется только лишь в хоромы.

Давайте все ж поклонимся шахтерскому мы краю:
Как-никак, а сердце к краю прикипело,
Счастья и богатства мы краю пожелаем,
И пусть о том у нас наше сердце пело.

Декабрь 2013 г.

О "ПРОСТОРЕ"

Сентябрь уж отшагал по родной стране
С шумной и веселой красивой детворой,
Их сегодня много в столичной Астане,
Каждый ребятенок — волшебник и герой.

У школ своих они — хозяева земли,
С романтикой, мобильником, красотой одежды,
Они к нам не иначе как с небес сошли,
Неся с собою солнце, мечтанья и надежду.

Я рад такую видеть чудо-малышню:
Ах, сколько в ней теплится жизни и огня!
Оттого, быть может, и Астану люблю,
Что она столица для всех и для меня.

Купил "Простор" в киоске и сразу умилился,
Что, наверно, делают многие в стране:
"Простору", как Аллаху, я искренне молился,
Потому как жизнь дал он на страницах мне.

Бывал в "Просторе" я в две тысячи седьмом,
В номерной восьмерке, а затем в девятом.
Видно, в годы те я блеснул умом,
Поставив на прорехах творческих заплату.

Поэзия теплится по своим законам,
Она, как и фундамент, для здания важна,
Ей должны мы кланяться, каксвятой иконе,
С поэтами по крови поэзия дружна.

Считать себя поэтом я вовсе не решаюсь,
Хотя по-человечески для себя обидно...
Может, оттого и со стихами маюсь,
Что в печати их отродясь не видно?

А я ведь неустанно их в ночи кропаю,
Они, как наваждение, посланы с небес.

Оттого и нынче про себя гадаю:
Они в "Просторе" вызовут хоть малый интерес?

Вещи мои в прозе как-то проскочили,
За что Шиленко Ольге я и теперь в поклоне.
Ну, а стихи остались лишь моей кручиной —
Им, видать, придется лиш жить на небосводе...

Пролиться б им дождем на целину "Простора",
Тогда, быть может, всходы как-то б да взошли,
И журнал бы начал с поэтом разговоры,
Какие в зной, и в сухость, и в солнцепек не шли.

Октябрь 2013 г.

МНЕ КАК-ТО МАМА ГОВОРИЛА...

Мне как-то мама тихо говорила
(Тогда Киркорова и не было в проекте):
"Хочу, чтоб у тебя, сынок, хватило силы
Стать хотя бы к старости писателем-поэтом".

Ах, твои вещания, мамочка, сбылись:
Только в две семерки я родил три книги,
Какие по друзьям и детям разбрелись,
Сделав в голове моей существенные сдвиги.

Откуда повелось — то нынче не понять,
Годы мои все-таки к восьмерке подползают,
А вот стихи ночами не дают мне спать,
Какие доставали даже на вокзале.

Как отвадить этот стихотворный бред,
С сединой своею думаю-гадаю.
Ох, как бы не наделал этот бред мне бед!
Как от стихов избавиться, я и теперь не знаю.

В мои такие тихие две добрые семерки
Пора бы со стихами просто распрощаться
И жить своею жизнью, как бабка на задворках,
Какая не умеет даже расписаться.

Живет сия старушка, как божий одуванчик:
Ее никто не трогает, она ко всем овца,
Для нее в округе что ни мужик — дуральчик,
Достойный не решетки, так точно подлеца.

Такой судьбы старухи мне совсем не нужно:
Я хотел бы только читать и тишины,
Читать в "Индустриалке" Ясных и Калюжного
И видеть без напряга нашей жизни сны.

2 декабря 2013 г.

О СВОЕМ

Я вновь листаю преданно старые стихи,
Во время целины сжигавшие мне душу.
Тогда считал, по правде, они не так плохи,
А значит, литературной схемы не нарушат.

Схемы всем читаемой в газете областной,
Звавшейся в то время "Акмолинская правда",
В какой не раз печатался народ совсем просгой,
Открытый, работящий, вовсе без бравады.

И я читал доярок добрый скромный стих,
Поэзию талантливо творили трактористы.
Сравнивал с собою- учиться мне у них!
Их муза так возвышенна и солнечно лучиста!

За страсть к стихам поэтов себя я не винил:
Она, как жизни век, для меня безмерна.
Разве виноват я, что душой любил
Стихи поэтов многих преданно и верно?

Поэзию люблю, как в школьные года,
Но с музою своею не могу брататься,
Она меня уводит часто в никуда —
Наверно, мне и правда за жизнью не угнаться.

Не вижу, как бывало, в ней прежней простоты,
Какой грешили чабаны да тракторист с дояркой.
В их стихах я видел жизнь только ту,
Что им близка до боли, естественна и ярка.

В ней я, признаюсь, истинно любил
Серебристый зайчик в лужицах воды,
В весеннем разнотравье любимой я дарил
В первоцветье первые красивые цветы.

Оттого, наверно, и сердце молодело,
А по весне и вовсе стих во мне шалил,
Муза впрямь во мне по-лермонтовски пела,
Только от людей стихи я хоронил.

Нынче их читаю — что-то в них живое:
Школа, шум вокзала, люди, целина...
Целина и стала родиной второю,
Как и моя первая — Казахстан-страна.

А с "Целиной”-газетой я искренне сдружался,
Потому и душу свою ей распахнул,
На целину далекую СМИ не всегда молились,
А "Целина", рахмет ей, помнит целину.

Помнит годы давние и народ целинный,
Какой на фотографиях с душой запечатлен:
Народ в рабочих робах, на отдыхе — картинный,
А поднимал всю залежь только он и он.

Да будет светлой в памяти целинная эпоха,
Эпоха казахстанской великой целины,
Она не зарастет ни временем, ни мохом —
Знать потомки о целине обязаны, должны.

В том им все же поможет "Целина"-газета,
Какая в СМИ широком целиной живет,
Давая на страницах место для поэтов
И тех, кто помнит трудный тот целинный год

И следующие годы — годы становления,
Распаханные степи и первый добрый хлеб.
Те хлебопашцы наши достойны восхваленья
И памятника даже, какого еще нет.

Но, видно, кто-то сделает тот памятник великим
И монументальным в красоте и стиле,
Воздвигнув в Астане — столице многоликой,
Ведь подвиги целинников в Казахстане были...

Ст. Жалтырь, 2012 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег пушистый белым лег ковром,
Прежде клен душистый покрылся серебром.
Прежде он так радовал раскидистой листвой
И помечтать заманивал на лавочке простой.

В летнее заутренье, да и в знойный час
Клен в задумье внутреннем манил к себе и нас.
Так вот и сидим мы с женой под дивным кленом,
На дивный мир глядим где с грустью, где с поклоном.

Наш пенсионный век идет в своем уюте,
И все же человек мечтает о приюте,
О своем жилище кровном с шумной ребятнею,
Где живется ровно с красавицей женою.

Мы с моею Гульчатай все это пережили,
Любя свой добрый милый край, покой, что заслужили
В покое том — своя судьба и пенсионное довольство,
Корзина, полная до дна житейским продовольствием.

Теперь гляжу на снежный клен — его я в детстве саживал,
Он под звездою был рожден, под ним я горе сглаживал.
Под ним рождалися стихи, под ним цвели мы и седели,
Под ним замаливал грехи, под ним и волосы редели.

Под ним в бывалый летний день я развлекался с внуками.
Уйти отсюда было лень, как и расстаться с куклами,
Моим внучатам дорогим, какие сами нынче тети.
Мы с кленом кланяемся им и ждем к себе их в каждом лете.

Ждали мы их в год Змеи, ждали — не дождались,
У них желания свои, они и исполнялись:
Одну тянуло в Таиланд, другую — аж в Корею.
Что ж, дед и этому был рад, он перечить им не смеет.

Теперь вот выпал первый снег, и мы с кленом загрустили...
Ах, как короток жизни бег, ведь мы как будто и не жили!
Так много в жизни волшебства и летних голубых рассветов,
Рождающих свои слова и вновь слагая их в куплеты.

Первый снег пока герой, ему мы с кленом подчинились,
Солнце тоже за горой, в холодный космос закатилось.
Но ведь придет весна-красна, и снег с печалью, но растает,
И мы дождемся, что она нас с кленом все-таки заставит:

Клену - зеленью зацвесть, мне - так любоваться кленом,
Под его кроною засесть и зреть себя в саду зеленом.
Клен так шепчет мне свое, может и заветное,
Про свое житье-бытье, где-то неприметное.

Может, хочет он любви, что и у человека?
Но не скажет: "Позови березку мне от века..."
Он и правда расцветал и любовался нами,
Когда я с внуками играл и забавлялся снами.

Теперь, когда ушли года, мы с кленом только двое,
И лишь жалеем иногда, что мы с ним не герои.
Я жалею потому, что уходит лето,
И мне грустно одному быть неведомым поэтом.

Мир не знает, что я есть, что я поэт летучий,
Что у поэта своя честь, и я поэт не лучший.
И все же я поэт земли, земли карагандинской,
Стихи меня не возвели, а посадили низко.

Видно, в том судьба моя — быть невидимой песчинкой...
Как говорит моя семья: "Не гореть тебе лучинкой".
Ну, а коли не гореть, то и не светить в пространство,
Сам себе я скажу: "Нет! Стих не твое, поэт, убранство".

Поэт - кто любит белый свет и не знает жизнь иную,
Для него дороже нет, как видеть жизнь людей земную.
В этой жизни — я и вы, наш народ и наши дети,
И не опустим головы, коль чего-то нет на свете.

Нет известности в миру, нет своих хороших книжек,
И не кличь, что я помру от их застоя и недвижек.
Может быть, пройдут года, племя новое родится,
Оно построит города и старым строчкам удивится,

Сказав само себе и вслух: "Были ж люди боевые,
У каких был сильный дух, рождавший строки огневые!
Какие строили стихи, стихи — так книжный ряд ложили,
Они по сути неплохи, да вот в миру они не жили..."

Но это мысли мудрецов — будущих и местных,
Какие скажут, что Слепцов стране и нынче неизвестен.
Что ж, известность — за талант и за книгу неплохую,
Когда писатель виноват, что выдал новую, живую,

Книгу выдал в белый свет, выдал сердцем и душой,
Но читателя у книги нет, мне отчего нехорошо.
Да, известность за талант, за книгу добрую дается.
А у меня какой талант? Мир, может, только посмеется...

Талант, кто выдал "Смерть поэта", да и "Теркина Василия",
У них в душе свои секреты — смелые и сильные.
Ну, а мои глухие "Зори" не затронут и строкой,
Они и счастье мне, и горе, моя радость и покой.

Зори агадырские" я к сердцу прижимаю:
Увидят они свет большой? Я того не знаю.

О Пестрых письмах" свет молчит, как и о моем романе,
О них никто и не мычит ни во дворе и ни в шалмане.
Но то все мир простого рынка, а не чувства человека,
Но как бы мир ни жил, ни рыкал, ему не сладить с этим веком.

Таков, наверно, нынче век: читать мы просто разучились,
Нынче люд и человек с деньгами больше обручились.
А книжный мир им — барабер, как те ж писатели-поэты:
Им важен денежный барьер, они на все идут за это.

Но человек -на первом плане, его жизнь и его чувства,
Его душевные желанья, поклоны книгам и искусству...
Вот когда случится это, может, мир тогда узнает,
Что я все же был поэтом, какой и нынче проживает

В своем родном Агадыре, все в той же маленькой квартирке,
Где часто отданы игре стихи, обеды, даже стирка.
Они наш пенсионный век все же крепко согревают,
И нам не жаль, что человек Слепцова в Агадыре не знает.

Но знают дети и друзья, а это тоже свое счастье,
Чему подвержен нынче я, обласканный чужим участьем.
Знают за стихи, роман, за творческую душу,
За что не вдарюсь я в обман и их признанья не нарушу.

А первый снег не холодит ни души, ни клена.
Клен со мной не говорит и не делает поклона.
Но все-таки придет весна, и мы с кленом возродимся,
Увидев, как она красна, как свет красе той удивился.

Весна придет, клен зацветет — и я прикроюсь его кроной,
И, может, клен мне принесет стихов задумок новый-новый...

3-4 декабря 2013 г.

Закружила зима, заметелила,
Снежной бурей тоску навела...
В мою грусть и жена не поверила —
У поэтов другая волна.

В снежных буклях им чудятся кудри
Пусть прошедшей, но все же любви,
И лицо, не познавшее пудры
Цветом светлой, но все же крови.

Время то не давало нам нежиться:
На свиданье в фуфайках мы шли,
А коль небо и вовсе заснежется,
Принимали - ведь мы короли!

Короли в своем маленьком царстве,
У какого названье "любовь",
У какой тоже было коварство
И в придачу свой прежний норов.

Снег, метель никогда не мешали
Друг у друга в рукавах руки греть,
Отчего звезды вслух вопрошали:
Будет в зиму их счастье гореть?

Иль помчит по весенней капели
И к зеленой листве припадет?..
Тут уже и грачи прилетели,
А к ним счастье никак не идет.

То ли жизнь тут во всем виновата,
То ли все та же в пушинках зима...
Но зима все ж неважная сватья —
Холодна она сердцем сама.

Агадырь, 6 ноября 2013 г.

Так хочется проснуться в далекой деревеньке,
Где ни машин, ни шума, ни вечной суеты,
А спозаранку женщины, прищурившись маленько,
Любуются восходом солнца и мечты.

Выгнаны на пастбища коровка и телята,
Кувшины наполнены до края молоком,
В неге просыпаются детишки и цыплята,
Какие к пище катятся, как вижу, кувырком.

Встаю и я с натягом и любуюсь небом:
Оно здесь не такое, как в городе моем,
Здесь оно, не иначе, пахнет теплым хлебом
И травой, какою мы к реке идем.

Речка в деревеньке — счастье и загадка,
Столь в ней непонятных магнита с синевой.
У воды я делаю привычную зарядку
И бросаюсь в волны навзничь с головой,

А потом любуюсь тихим перелеском,
Кваканьем лягушек в заводи густой,
Плюханьем прилетных, вздымавших волны плеском
На речном зеркалье со своею красотой.

Говорят селяне, есть в реке и рыбка —
Окуньки, карасик, даже чебачок.
Но селян та рыбка не волнует шибко:
На нее у них не падает крючок.

Пусть живет и множится, очищая реку:
В магазинах нынче хватает и морской,
А морская рыба полезна человеку,
Что и подтверждает наш добрый род мужской.

Так и просыпаюсь я в далекой деревеньке,
Любуясь разнотравьем и пеньем соловья...
Ах, где ты, моя матушка, где ты, моя нэнька,
Какую забываю на этом свете я?

Агадырь, 12 октября 2013 г.

Пушкин умер где-то в тридцать восемь,
Лермонтов — и вовсе в двадцать семь.
Где ты, поэтическая осень,
Плоды дающая каждому и всем?

Чтоб цвела в поэтах беспрестанно,
И жизнь бы их не ведала конца,
Живя в поэтах жизнью неустанно,
Рождая в каждом ветку мудреца.

Пусть та ветвь цветет весенним солнцем,
Радуя и жизнь, и людей,
Склоняя цвет свой над любым оконцем,
И чтоб поэт не ведал о беде.
Чтоб век поэта длился долго-долго,
Чтоб у него не старилась душа,
Бегущая по жизни, точно Волга,
Какая, как и песня, хороша.

Пусть жизнь у поэта не кончается
И будет вдвое дольше, чем у Блока.
Где жив поэт, там песня начинается,
Радужным бегущая потоком.

А я прожил две длинные семерки
И что оставил свету своему?
Одну в блокнот задрипану книжонку,
Не нужную на свете никому.

В книжке этой сто одна страница:
Две поэмы с дюжиной стихов,
В каких мелькают старческие лица
С обилием наветов и грехов.

Две семерки - это все же жизнь,
В какой, учась, работал и писал,
С целинниками строил коммунизм
И на целинных свадебках плясал.

Где нынче эти свадебные пляски
И где она, родная целина?
Они теперь не иначе как в сказке,
Какую забывает и страна.

Агадырь, 12 октября 2013 г.

Вот опять душистая осень подкатила,
Подкатила к школам и наша ребятня.
Да, нынешнее время колесо родило,
Какое удивляет время и меня.

А мы в свою аульную школу все ходили
С тряпочными сумками и даже босиком,
И все же свою школу мы трепетно любили,
Какую вспоминаю я даже стариком.

Война еще далеко где-то продолжалась,
А я уже ходил в класс первый и второй.
Сверстники и я не слишком наряжались,
Главное - мы были дружною семьей.

Ели только то, что карточки давали,
Отчего нам есть, как путнику, хотелось,
Магазины нас никак не одевали,
На торжествах народных нам никогда не пелось.

Вот так мы и росли, учились, выживали —
И встретили Победу горячею душой,
И, может быть, впервые песни запевали,
А мама накормила домашнею лапшой.

Ах, время то минуло и погрузилось в вечность,
Но память отчего-то его в душе хранит,
Были в том далеком бедность и сердечность,
И только стих об этом лишь может говорить...

Агадырь, 12 октября 2013 г.

***

Предо мною томик старого издания
Сборника стихов Бориса Пастернака.
Стихи прочел усердно, одни — так без названия,
Помечены лишь звездочкой, но живы, однако.

Где-то уподобился и я подобной схеме:
Названия к стихам в душе переломлялись,
Но в них я видел наши жизненные темы,
Какие в моих строчках в стихи и выливались.

Вот, скажем: "Закружила зима и заметелила,
Снежной бурей тоску навела...
В мою грусть и жена не поверила —
У поэтов другая волна..."

Видно, женка за жизнь нашу с нею
Помнит наши свиданья зимой,
Когда ноги в морозе немели,
Но она не прощалась со мной.

Я так шел на свиданье в фуфайке:
Тогда только пришла целина,
Под фуфайкой лишь теплая майка,
Согревала ж меня и она...

"То ли жизнь тут во всем виновата,
То ли все та же в пушинках зима...
Но зима все ж неважная сватья —
Холодна она сердцем сама..."

Но мы зиму-таки пережили,
А в лето красное стали семьей.
Так полвека семьей и прожили,
Начав наше знакомство зимой.

Теперь и дети у нас за горами,
За долами — в чужой стороне,
Они видятся со стариками,
Когда о холодной толкуют войне.

В той же близкой, но чужой Украине,
Где махновские мысли живут,
Самого Махно нет и в помине,
А вот тень его там и тут.

Тут на площади, улицах Киева,
Родила какой русская Русь,
Город Киев я никогда не видывал,
Оттого и писать о нем в свет не берусь.

Ну, а зиме мы с женой благодарны:
Она нас стужею даже сроднила,
Наша жизнь и теперь лучезарна,
Она в себе нас хранит и хранила.

Агадырь, 6 декабря 2013 г.

Смотрю в ночной тиши на небо голубое,
Там звездам несть числа и с ними Млечный Путь.
Ясно — это Космос... Но что оно такое,
Скажет кто-то в мире сейчас, когда-нибудь?
Откуда этот мир бескрайний появился,
Откуда эти звезды, Солнце и Луна?
Наш предок-человек тоже удивился,
Когда земля лишь мамонтами была еще полна.

Почему Земля вокруг не везде приветная?
Где-то горы, море, где-то лишь пески,
Где-то сплошь леса и благодать конкретная,
А где-то ширь безбрежная и малые лески...

Но человечество Земли повсюду проживает:
Живет оно в лесничестве, близ моря и в песках,
Оно вершины гор и шири обживает
И даже строит жизнь на водах и морях.

Природе, может, стоит судьбу благодарить,
Что человек в контакте с нею, с любовью и в борьбе,
С мамонтова времени продолжает жить,
За жизнь свою обязанный природе и себе.

31 октября 2013 г.

***

Читаю Блока короткие стихи —
В три-четыре или пять куплетов.
Куплеты в целом неплохи
И где-то дышат поэгикой поэта.

Читателя, однако, не провесть:
Что можно выдать свету коротышкой,
В ней тема хоть какая-нибудь есть?
И дышат строки сердцем или мышкой?

Читаю "Спекторский"- нужна ума палата,
Себя кляну: ты чему учился?
Баран бараном, что трется возле хаты!
Отчего я тут же словарями обложился.

А белые стихи? Тут я динозавр,
К тому же, и тупой неандерталец,
Всю книгу Блока глазами истязал,
Так оказался безграмотный скиталец.

Что ни строка — хватаюсь за словарь,
Что ни мысль — хватаюсь за историю,
Блок и заставил садиться за букварь
И изучать науки акваторию.

1 ноября 2013 г.

Хошь не хошь, а осень наступает,
Л истья позолотою кружат,
Холода ночами наступают,
Даже ели в холоде дрожат.

К речке низко наклонилась ива,
Ей совсем морозно без листвы,
Пригорюнилась и без одежда слива,
Поусохли травы и кусты.

Жизнь такое знает век от веку,
Как от веку светит нам луна.
Бывает, видно, то и с человеком,
Когда красу съедает седина.

2 ноября 2013 г.

Скорчившись в бессоннице, листаю и читаю
Нынешний апрельский в своей красе "Простор",
По привычке прежде стихи все выбираю
И с ними начинаю свой мнимый разговор.

Ах, какая прелесть пародии Серкова,
Втиснутых в сундук с названьем "Чудеса",
Где нашлось местечко для Павла Косякова
"Со святыми снами", какие пьет роса!

А я так выпиваю Клебанова Валерия,
Калюжную Елену с Татьяной Соколовой,
Виктора Домбровского — с агадырской верой,
Что "Простор" заметит в глубинке и Слепцова.

Он тоже, между прочим, березовые книжки
С верой и надеждой листает до утра,
А в день на них бросаются даже ребятишки
С продвинутыми криками и возгласом "Ура!"

Как тут не крути, а апрель, прогретый
Временем и солнцем, вальс танцует свой.
Сегодня он Клебановым в голубизну одетый,
Оттого чертовски стал чисто голубой.

Я же ждал в апреле звучание гармони —
У нее весною горячей лады.
Не дождался: с внуками наглотались "мони",
А я к "Простору" все же проторил следы.

Пусть там люди дышат миром и довольством,
Прославляя слово, стихи и наши сны,
Доставляя людям от чтенья удовольствие,
Как и от всего, чем нынче мы сильны.

Нынче с нами наша Независимость святая,
Дружба наша крепкая, ее большой полет,
Трудности по жизни мы крепко низвергаем,
Казахстан уверенно к счастию идет.

ПРОЗА

АСТАНА ГЛАЗАМИ ГОСТЯ

Нашу любимую Астану посещаю нечасто, но пару-тройку раз в году — непременно. Во-первых, в Астане проживает мой брат Анатолий с семьей и двумя детками, какие уже сами имеют свои семьи и своих деток: у дочери Оксаны их трое, у сына пока один, какой пока еще под стол пешком ходит.

Дети брата в делах и в работе, а детки их, слава Аллаху, в садиках, пробиться в какие стоило целого подвига. Город растет, растет и его население, а это, конечно, боевой молодой народ, приехавший в Астану кто по зову сердца, а кто на ловлю счастья и чинов. Как бы ни было, жизнь идет, молодежь живет своей жизнью, трудится, развлекается, влюбляется, а в подарок им, конечно, дети.

Ну, а во-вторых, близ Астаны находится моя истинная родина — Жалтырь, где я учился с четвертого класса по десятый, трудился до 1957-го года на целине, а уже в пятьдесят седьмом поступил в Акмолинское железнодорожное училище, какое закончил через два года и был со своей группой направлен на отработку, как тогда водилось, на целых четыре года. Направили нас в железнодорожную организацию, какой я отдал сорок лет до самого ухода на дембель, а сам Агадырь вообще приковал меня на пятьдесят пять лет, какие исполнятся в марте 2014-го.

В сентябре этого года я вновь посетил мой зеленоокий Жалтырь. Два часа от Астаны — из окна электрички любовался родными краями, начиная от приастанинской станции.

Жайнак... Пятьдесят лет назад, помнится, в Жайнаке стояли неказистые домишки и строгие пристанционные казармы. Теперь их нет и в помине, а есть броские роскошные дома чуть ли не дворцового типа, с различными хозпристройками и гаражами, какие говорят о том, что железнодорожный народ живет здесь кучеряво, а то и вовсе круто. У каждого дома — телевизионная тарелка, что уж точно символизирует не бедность и что лаптями здесь щи давно уже не хлебают.

По возвращению из Жалтыря через какую-то неделю поездом "Костанай

— Алматы" вновь стопорнулся в Астане. В глаза вновь бросается — большой-таки город, на глазах строится, растет, дыбится, отчего в нем нынче нетрудно и затеряться.

Родственники мои проживают в районе известного когда-то "Дома обуви", но в стороне от проспекта Победы, куда я попросил таксиста добросить меня. Частный наездник с табличкой "Такси" запросил с меня от вокзала шестьсот тенге, отчего меня, провинциала-неандертальца, просто бросило в жар.

По коммунистическим временам это расстояние покрывалось за четыре-пять минут, какие накатывали не более трояка. Ладно, нынче времена другие, движение интенсивнее, только не может же такса таксиста вырасти аж в двести раз! На автобусе или на "Газели" тут уложишься в какую-то сотню, а таксисту выложи полтыщи с прицепом и не чешись! Ах, как же надо за это наказывать! А на деле же ничего подобного не делается... Государственного таксомоторного парка не стало, все отдано на откуп частнику. Ну, а частник — он и в Африке частник, для него деньги прежде всего. Этому он приучен с малолетства, этому его учит небогатая жизнь африканцев. Однако, как бы ни было, ни в одной самой захудалой и бедной африканской стране частный таксист не запросит с вас баснословную сумму, а спокойно на ваших глазах включит счетчик, и колеса цивилизованно, как во всем цивилизованном мире, начнут отсчитывать километровые денежки. Такое вы встретите в любой стране западного мира, в миллиардной Индии, в Пакистане, Японии и Китае, в странах арабского мира. Повсюду автосчетчик, изобретение цивилизованного века, стоит на страже человеческого кошелька. Цивилизованный мир, где бы он ни был, деньги бросать на ветер не любит, не приучен, он платит за стоящее дело и за выполненную работу. Если она сделана идеально и пришлась по душе заказчику, последний вправе и расщедриться. То же и на такси, когда таксист не даст вам скучать, будет попутно рассказывать об улице, по которой вы едете, о новых на ней зданиях, о безумной сутолоке и необходимости в городе подземных переходов для пешеходов, каких втой же Астане требуется не один и не два, как и тех же красивых общественных туалетов, какие большому городу нужны как бы не на каждом шагу.

Что ни говорите, а в новой нашей столице многое должно выглядеть по-новому. Новые дома, новые машины... А потому улучшенные правила обслуживания населения не только своего, но и приезжего, всегда должны быть направлены только на благо человека, приезжего — так особенно, поскольку это просто аксиома. Щедро принимать гостей мы умели всегда, не разучились делать это и теперь. Но что мы видим на деле?..

Такси — самый быстрый и неизбежно потребный для приезжего человека транспорт, каким он и пытается воспользоваться, сойдя с привокзального

перрона. Так было всегда, такое есть и теперь. Только раньше пассажир с таксистом ни о какой плате не договаривался, садился в машину и говорил, куда ехать, все остальное делал умный, грамотный, неподкупный, истинно человечный автосчетчик, какой по своей конструкции никак не мог обмануть пассажира. Время и километры накручивали справедливые деньги, пассажир лишь обозревал бегущие на мониторе цифры и сопоставлял их со своей наличностью. В нужное время он мог такси остановить и расплатиться по счетчику. Ни с той, ни с другой стороны обиды не было, каждый получил, что хотел или что получилось.

Но то время ушло в прошлое. Нынешние нувориши со своими "Мерседесами", "Хондами" да "Вольво" просто вытворяют чудеса, безумствуя с таксоценами, загибая столько, сколько вздумается. Никакого здравого смысла у частных извозчиков нет, что проверено нынешним временем и нашей рыночной экономикой.

Рыночной экономикой сегодняшний мир не удивить: мы в ней кувыркаемся, как слепые котята, натыкаясь на различные препятствия, какие сами себе же и создаем. У таксистов нашей страны просто развязаны руки, потому как в стране нет закона о введении на частных такси проверенных временем и жизнью автосчетчиков. Их в Астане нет с развала Союза, нет и, видимо, не предвидится в ближайшем будущем. Пещерности по таксомоторному делу нам не занимать, тогда как мир в этом плане живет по цивилизованным законам, выработанным в процессе своей эволюции, а мы, по всем анализам, — по законам стяжательства, обмана и личного обогащения за счет других.

Ах, люди! А ведь мы не были такими! Сделала нас такими не иначе как пресловутая рыночная экономика, первые шаги нашего капиталистического становления. Капиталистический мир этой экономикой живетдавно, и ничего — никаких экономических и социальных катаклизмов с ним не происходит, он даже блаженствует и последний кусок вовсе не доедает. У мировой рыночной экономики есть опыт, свои плюсы и минусы, мы же больше налегаем на минусы, о чем даже поэт в сердцах заметил: "Кинь свой взор окрест: повсюду только частник, он ведь даже в душу человека влез, теперь он в государстве основной приказчик, цены у какого — хоть впору за обрез. Рынком европейским у нас еще не пахнет: всюду обдираловка да полный беспредел. Чтоб наша жизнь не сбилась, не зачахла, нам, как воздух, нужен какой-то передел".

Ну, передел — это не более как для рифмы, а вот для цивилизованного становления нашего таксопарка нам нужен строгий закон об установлении на такси всех марок цивилизованных счетчиков, какие и изобрело для себя же цивилизованное человечество.

Я ДОСТАЮ ИЗ ШИРОКИХ ШТАНИН...

Долгое время у нас было это самое, что мы так часто доставали из широких штанин, чем с гордостью воодушевлялся даже большой поэт. Теперь на смену "серпасто-молоткастому" в нашей республике учреждено небольшое, небесной голубизны изобретение размером с игральную карту, какое нарекли удостоверением личности. Откуда брались параметры, цвет и "начинка" казахстанских заменителей советских паспортов, канувших в Лету по всему СНГ, неизвестно, только наши удостоверения — красивая и удобная глянцевая картонка с фотографией ее владельца, какие, говорят, существуют только в цивилизованном полушарии. Достал из кармана, показал кому надо, секунда — и известно, кто ты есть.

Какую информацию несут такие мини-паспорта на том крутом Западе — Бог весть, только у нас она, на мой взгляд, крайне скудна. Возьмем первопопавшуюся такую карточку-удостоверение, выданную у нас в Карагандинской области до 2000-го года. На лицевой стороне — фотография, фамилия, имя, отчество, год рождения. Все как положено, чуть ниже — те же самые фамилия, имя, отчество, но в английской транскрипции. В самом же низу — море цифр с буквенными вкраплениями. На обороте — номер удостоверения и строчки: место рождения, национальность, место проживания, кем выдано удостоверение, дата выдачи.

Опросник сделан, остается прочесть слова, сделанные типографским способом крупно и четко, потому как жить им, по МВДэвской отметке, целых тридцать лет. Мое личное удостоверение будет жить четверть века, а у моего брата в Жалтыре Акмолинской области — так только тринадцать лет. Не знаю, как в других удостоверениях страны, только в моем и братовом в графе "Место рождения" указана только область без указания населенного пункта и его района, что означать может, на грубую прикидку, между небом и землей, а то и вовсе на помойке.

То ли таково было указание по всей республике, то ли это новшество региональных спецорганов, только место рождения должно бы быть указано непременно. Место рождения лишь в областном оповещении даже обижает человека своей неопределенностью. Ну стоит же графа "Место рождения", так и укажи это место, попади в него, как Парис в ахиллесову пяту! А вот место проживания указано с исключительной точностью: область, рай-

он, населенный пункт красуются красивым типографским тиснением.

Точно так же не дают ответа и наши тридцатишестистраничные паспорта, какие у нас в республике тоже имеются. В паспортах старого типа, какие имелись, скажем, у меня с женой, тоже не было указания места рождения, как и проживания, но ладно, хоть указывалось отчество, что хоть как-то делало честь нашей отечественной старой

паспортине, без какой, кто помнит, на выезд, скажем, в Россию к билетной кассе и на выстрел не допускали. Благо, наш президент и российский встретились в Челябинске и обговорили вопрос посещения своих стран гражданами России и Казахстана. Теперь в Россию можно ехать по нашему обычному удостоверению, а не по паспорту, как было прежде.

В 2010-ом срок годности наших паспортов закончился, отчего и пришлось ИХ поменять. И поменяли, выдав нам в 2010-ом году новые паспорта сроком до 2020-го года. Паспорт красивый, как игрушка, только вот на этот раз он удивил своих хозяев тем, что на первой странице рядом с фотографией хозяина документа стоят его фамилия и имя без всякого отчества, набранные по-русски и по-английски. Вверху на второй странице указана национальность. И все, остальные тридцать четыре страницы заполнены одним словом "ВИЗАЛАР". И то же слово по-английски — "ВИЗАС". Бог с нею, с визою, а вот отчество отчего в паспорте не указано? Может, так принято нынче на всем земном шаре? Но, по мне, пусть земной шар живет своими выкрутасами, но нам надо бы придерживаться наших вековых правил: у человека есть фамилия, имя и отчество от времен Рюриковичей до наших дней. Отчество необходимо указывать всегда, поскольку одинаковых фамилий и имен в миру совпадает много, а вот отчества разнятся. Ну, если и тут есть совпадения, то это редкость. Отчество у человека должно быть, как должны быть отец и мать.

В новом паспорте нет даже графы, где родился и где крестился, где проживает и где прописан, женат ли, есть ли семья. На тридцати шести страницах, наверно, можно было об этом сообщать, что было бы крайне полезно всем — и тем, кто эти паспорта имеет, и тем, кто проверяет личность владельца этого паспорта.

Старая паспортная система со всей своей технологией оправдывала себя целую человеческую жизнь, и потому изобретать велосипед на ее основе, думается, накладно и нерационально со всех сторон, отчего восторгаться нашими удостоверениями личностями и паспортами, думается, не стоит, а вот повозмущаться есть отчего.

ЖИЗНЬ ТЫ, ЖИЗНЬ...

В 2013-ом, в Год Змеи, наконец, вышли в свет аж три мои книги — сборник стихов "Мои агадырские зори", четырехсотстраничный роман "Годы Орлиные" и сборник очерков в сто шестьдесят страниц "Пестрые письма, или Жизнь на ладони", за что я кланяюсь сотрудникам карагандинского издательского дома "Классик". Не знаю, давно ли существует в городе этот самый, дай ему Аллах здравия, процветания и богатства, "Классик", только узнал я о нем лишь летом 2013-го, и то из случайной газеты "Криминальные новости", какая каким-то образом в агадырском газетном киоске появляется в субботние дни. Эти самые "Новости" и тиснули добрую рекламу издательского дома "Классик": "Придете к нам с рукописью - уйдете с готовой книгой". И далее: "Вы пишите стихи, рассказы, повести и романы? Вы хотите подарить свою книгу родным и близким? Не откладывайте мечту в долгий ящик!"

Ну что может быть ближе сердцу для пишущего человека или, как для меня, агадырского писаки, из какого, на мой взгляд, писатель, что из Обломова, по Гончарову, Лев Яшин! Услугами "Классика" я тут же воспользовался, и в течение каких-то трех-четырех месяцев все три книги вышли в свет, отчего просто не верится, что в Агадыре появился свой пишущий питекантроп, умеющий лишь клинописью писать на камне.

Моя же жена Раиса Ильинична, мой перводействующий чтец и редактор всей моей писанины, прочтя мои вещи, на днях как-то сказала мне:

— Вот, Абдрахман Калкен-улы, ты по-прежнему пишешь, рожаешь какие-то мысли, чтобы выйти с ними на люди, чтобы прочли их друзья, знакомые - в общем, род человеческий. Пишущих нынче в свете пруд пруди, все что-то думают, говорят, выражают свои мысли. Человечество за время своего существования выдало немало ценных мыслей, выданных гениями и простыми людьми древности и современности. Вот, скажем, наш современник Николай Островский высказал о жизни мысль, какая действенна уже как бы не целых девяносто лет. Ну, мысль о том, что жизнь человеку дается только один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно... Что можешь сказать о жизни ты, Дамеш

Орынбай-улы, когда о ней уже все сказано? Гении, конечно, найдут что сказать, но ты ведь простой Ванька с пивзавода, простой тепловозный слесарь, какой в Агадыре закончил "вечерку", получил аттестат зрелости и затем КарГУ при царе Горохе, когда учились бесплатно кому не лень. По-

пробуй сделатъ это сегодня, в наши дни, в наш СНГэвский век, когда юноша-девушка, только что после школы вступающие на собственную жизненную дорогу, должны думать о деньгах для оплаты за свое обучение. А где их взять? Конечно, только у родителей. А родители где их возьмут, когда в доме подрастают еще двое-трое, каких надо кормить, одевать и учить в простой школе, какая, слава Богу, пока бесплатная, учить до выпускного класса, когда выпускнику, по нынешним временам, исполнится восемнадцать, а то и девятнадцать, если наши политики внедрят двенадцатиклассное образование. Спрашивается, для чего оно нужно — ради простого аттестата зрелости? А ведь наши предки, да и мы сами в течение семидесяти лет учились всего лишь десять лет, и ничего, страна не разорилась, а дала миру Сатпаева, Олжаса Сулейменова, Нурсултана Назарбаева. Тогда семнадцатилетние выбирали свой путь: математики шли в технический вуз, словесники — в гуманитарный, другие - к чему лежала душа. Вот ты, Сершай Абдрахман-улы, что можешь сегодня сказать о той же жизни нашей?

- Ну, Кадиша Умурзаковна, нынче новое о жизни вряд ли что скажут даже гении, поскольку как о ней уже все сказано. Но сказать разными словами скажет, наверно, любой, что смогу, наверно, сделать и я, простой агадырский неандерталец. И все-таки, спрашиваешь, что такое жизнь? Думаю, что это не иначе как простое человеческое объединение, способное мыслить, передвигаться и издавать членораздельные звуки. Малое объединение — это будет семья, большое - это уже общество, народ, огораживающий себя границами и базирующийся на одной территории, какая именуется государством. Государство же уже пишет свои законы и принуждает свой народ жить по ним. Это, скорее, и есть жизнь.

-Ну, логика, Абдрахман Калкенович, в этих мыслях, думается, есть: они не новы, нового же нынче, думается, и гении не придумают. Так что будем придерживаться того, что о жизни уже сказано до нас. В принципе, оно все верно, поскольку живая жизнь этого и не опровергает.

- На деле же, Гульчатай Калкеновна, о жизни можно говорить многое, поскольку жизнь всегда разная, всегда меняется, как и время, какое меняет и жизнь, и самого человека в этой жизни. Было же время, когда у наших древних предков Олега, Игоря, Святослава, Ольги, Владимира Мономаха да Ивана Калиты отец шел на сына, сын на отца, брат на брата, чтобы завоевать его земли, его княжество, прибрать к рукам все его богатство и хозяйство. О подобном не читал я, чтобы было в других странах древнего мира, а вот на Руси подобное случалось, а то и процветало, о чем говорят летописи и история. Может, я плохо знаю историю, но на Руси родственность, родство, семейственность, близкая дружба не всегда со-

блюдались и приветствовались. "Я", "мое" было главным. Крепостничество выветривало из сильных мира сего доброту, здравомыслие, аналитику, позитивные постулаты поступков и желаний. Существовала же некая Салтычиха, какая угробила, убила, умертвила более ста своих крепостных, потому как они были нищими и ее истинными рабами.

Родилась эта самая Салтычиха, или Дарья Салтыкова, в 1730-ом году в подмосковных краях. Жестокость ее к своим крепостным не знала предела, за что даже царские власти приговорили ее, эту безумную помещицу, к смертной казни, замененную вечной тюрьмой, какую она и отсидела с 1766-го года до дня своей смерти в 1801-ом году. Такова была жизнь, Рабига Калкеновна, двести лет назад. С десятилетиями и столетиями она менялась, как менялась и вся эпоха человеческого существования, дошедшая до наших дней с президентским правлением, с высокоразвитым умом и высокой технологией жизни и развития, заодно же с высочайшими разработками вооружения, изобретенного человеком - вооружения, способного умертвить все живое на земле и вообще угробить в целом земную жизнь. Вот таковы мои мысли, Салима Карпековна, о жизни и о времени, в которое мы живем.

- Спорить не буду, Тимур Абдугали. Достаточно вспомнить минувшую войну 41-45-ых годов, когда человеческие умы работали над вооружением, способным как можно больше убивать людей. И убили таким вот образом как бы не целых пятьдесят миллионов человеческих жизней во всех странах, куда ступила гитлеровская нога. Угробили без жалости, без сожаления, без человеческого чувствования и сострадания и всего разумного, чем должен человек обладать сам по себе, в обществе и вообще в жизни на земле. Каким же надо было обладать первобытным умом, умом пещерного человека! Однако пещерный думал о продолжении рода, своей жизни и жизни соплеменников. В прошлой войне высокие умы о том не думали. Разберутся ли в том когда-либо логика, психология, философия, человеческий разум и человеческая история — неизвестно, только хотелось бы, чтобы разобрались в назидание нынешнему поколению. На счет же твоего писательства и Льва Яшина скажу то же самое и о себе, твоем первочтеце и негласном редакторе, что из меня такой же редактор, как из гоголевской Коробочки Майя Плисецкая. Так что нам с тобой, Омертай-улы, надо любимым хобби сделать не слово, какое тянется к перу, а перо к бумаге, а простое увлечение этим словом. Читать и обсуждать прочитанное нам более подходит, нежели самим писать и выходить со своей писаниной в свет. Ну, а коль твои вещи, Марат Каракесек-улы, появились в печати, значит, тебе повезло и это твоя першая победа, как говорят на Украине. Сейчас тебе семь с половиной, не успеешь и оглянуться, как доста-

нет круглая восьмерка — годы нас не слишком щадят. Сможешь ли в восьмерку мыслить, как теперь? Вряд ли, но хотелось бы, ей-богу, чтобы ты издал еще одну книгу - хочу, и все!

Насчет же наших шен, Данияр-ибн-Сагентай-улы-оглы, в жизни они есть: ты их всех знаешь, знаешь их характеры и повадки, так что простим себя за это, а читатель и подавно простит. Хочется, чтобы читатель хоть немного улыбнулся — ему, видать, тоже осточертела наша жизненная серьезность и наше несладкое бытие. Хочется хоть немного юмора и расслабления души. Учись, ибн-Омертай, писать в легком плане, хотя бы как Жванецкий или Задорнов, это нынче приветствуется даже более, нежели серьезный тон в описании проблем нашего сегодняшнего дня...

Ноябрь, 2013 г.

ТЕЛЕВИЗИОННЫЕ СТРАДАНИЯ

Нынче такой век наступил, что многое в жизни радует. Ну вот радует, и все! В моем поселке заасфальтировали улицу, да не какую-то там центральную, что положено по штату, а самую простую, на какой стоят всего лишь семь домов — четыре по четной стороне и три по нечетной. Улица наша зовется Кыздарбекова, и длина ее, по моим прикидкам, равна где-то тремстам метрам. У последнего четного дома улица сворачивает на длинный проспект, какой тянется мимо вокзала, железнодорожного парка с жилыми домами вокруг него и затем вдоль всего железнодорожного полотна, до самого депо с переездом через железнодорожные пути. Ну, переезд этот агадырцы просто боготворят, когда грузовым транспортом на другую сторону поселка с населением как бы не в треть двенадцатитысячного Агадыря перебираться надо. Не будь его, пришлось бы ехать через другой, расположенный как бы не в семи верстах от этого. А у этого переезда как раз и заканчивается карагандинская сторона Агадыря с выходом на бескрайние степные просторы, откуда привозится рогатая скотинка и лошади для закладывания на зиму. А для домашней живности через этот переезд привозится сено, какое не надо гнать за семь верст... Нет, что ни говорите, а есть вещи, какие и правда просто радуют душу!

Ладно, это наше бытие... А вот дома так порадует незабвенный телек, умудряющийся временами чуть ли не из-под земли достать фильмы "Любовь и голуби", "Девчата", "Бриллиантовая рука", "Дело было в Пенькове".

Господи, молюсь, молюсь на эти фильмы и думаю: "Ну почему вы, уважаемые телевизионщики, не отыщете в своих закромах фильмы времен очаковских и покоренья Крыма, какие в мои годы мы чуть ли не обнимали!" Ну почему бы не отыскать тех же "Трактористов" с Николаем Крючковым и Петром Олейниковым, "Поезд идет на восток", "Кубанских казаков", "Семеро смелых", "Смелых людей", "Богдана Хмельницкого", "Высоту", "Летят журавли", "Свинарку и пастуха" с Владимиром Зельдиным и Любовью Орловой? Благо, 98-летний Владимир Зельдин и нынче связан с кино и даже в 2012-ом, кажется, сыграл свою роль в фильме "Сваты", какой казахстанский зритель увидел, кажется, только в 2013-ом. Не помешали бы фильмы "Солдат Иван Бровкин", "Максим Перепелица", "Неподдающаяся", "Тени исчезают в полночь", "Волга-Волга", "Веселые ребята", "Три плюс два"... Перечислять можно бесконечно, поскольку наш старый коммунистический мир на кино смотрел не как на отдушину и какое-то развлечение, а как на большой человеческий труд, какой тогда вовсе

не оплачивался по-человечески. Но время было такое, и артисты все равно трудились в поте лица в городе и на селе, на любой съемочной площадке.

Ах, какие это были фильмы и какие в них играли актеры! Шукшин, Бондарчук, Мордюкова, Гурченко, Вельяминов, Андреев, Миронов, Гундарева, Румянцева... Список этот бесконечен, как и фильмы, в каких они играли. Потрясти бы телевизионщикам фильмотеку тридцатых-сороковых-пятидесятых-шестидесятых-семидесятых-восьмидесятых годов! Ах, какие были в то время режиссеры и "инженеры человеческих душ", авторы сценариев ко всем тогдашним фильмам!

Теперь этого нет и неизвестно, когда будет. Теперь по экрану во всех фильмах вовсю гуляют воры, убийцы, бандиты, насильники; экран никак не обойдется без стрельбухи и смертей, как будто они стали существом нашей жизни. Глухарь убивал чуть ли не все сто серий, не отставал от него и Дикий из одноименного фильма...

Да, разучились мы вникать в существо нашей жизни, разучились в ней видетьживогочеловека с его судьбой, мыслями, стремлениями, сего мечтой и любовью ко всему, что его окружает,— его дома, его улицы, его реки и озера, его бескрайние лесные и степные просторы, какие заставляют радоваться хотя бы тому, что они есть, что они близ человека, где-то рядом, а то и вовсе в его сердце.

Ну, скупость, бедность и пустота наших нынешних фильмов никак не копирует наступивший век и не исходит из его сердцевины. Тут все дело не иначе как в наших "инженерах человеческих душ", рождающих сценарии, где человек уподобляется не иначе как зверю, проделки какого гене-

тически закреплены в его природе — рвать, метать, грызть, уничтожать, питаться своим и чужим. Генетически зверь не наделен жалостью ни к своим, ни к чужим: генетикой ему предусмотрено заботиться только о себе. Природный лев может утолить голод даже своим детенышем, о чем знают природа и люди, наблюдавшие подобную картину с малышами-львятами, каких рвал и поедал собственный отец. Львица знает такие повадки царя зверей и потому куда-то уводит свой выводок до его взросления. Никакого родства у львов не водится, хотя дети у них рождаются.

Коль коснулись нашего уважаемого телевидения с его нынешними фильмами, где постоянно стреляют и убивают живых людей как бы не сплошь и рядом, отыскиваешь нечто для души и отдохновения. Таковыми для себя я лично считаю "Жди меня", "Поле чудес", "Пусть говорят", "Что? Где? Когда?", "Сегодня вечером", "Человек и закон". Ничего другого путного наше телевидение больше не придумало, но есть надежда, поскольку жизнь меняется, обогащается, в чем-то дает фору прошлому.

Для моей жены телевидение придумало "Сватов", а вот любимый ею "Смак" с бывалым Иваном Ургантом и известными людьми нашего времени отчего-то убрали, уничтожили как врага народа. Ах, как же смотрелся и смаковался этот "Смак”! Так нет же, кому-то он дорогу перешел, и ему сделали харакири...

Возвратимся к нашим вышеназванным передачам, какие и правда ждешь о нетерпением. Ну, хотя бы пятничную "Человек и закон" с непревзойденным Алексеем Пимановым. Что это за передача, зрители знают и с нетерпением ждут каждую пятницу. В ней всегда что-то новое. В передачах — наш мир, наше бытие, наш современный человек с его судьбой, мыслями, повадками, характером. Человек на то и человек, что он всегда разный — дома, в своем поселении, на работе, в чужой стране. Передача как раз и говорит о таких людях: как они живут в человеческом обществе, среди нас, как понимают окружающий их мир и что этот мир им воздает. Узнавать все это из "Человека и закона" ну просто полезно любому гражданину нашей страны и всего СНГ. Только вот передача начинается у нас, в Казахстане, на "Евразии" в пятнадцать минут второго ночи и заканчивается в пятнадцать минут, а то и в половине третьего ночи.

В субботу, слава Богу, третью субботу подряд идет редкая "Что? Где? Когда?" — и тоже начинается во втором часу ночи, а заканчивается так же в третьем часу. Воскресная же передача 10 ноября с Андреем Малаховым и его "Сегодня вечером", где затрагивался фильм сорокалетней давности "Тени исчезают в полдень" с героями-актерами тех лет, дожившими до наших дней, тоже транслировалась в час ночи и закончилась в два сорок...

Хочется спросить у уважаемого "Первого канала": для кого вы крутите

свои передачи в эти ночные часы? Если для молодых, так им ведь завтра на работу, и таких стоиков нынче не слишком отыщешь. А если для бездельников-пенсионеров вроде меня, так они в свои годы уже после 21.00 или 22.00, когда просмотрены "Аналитика" и "Новости", примащиваются в теплой постели под теплым одеялом - до следующего Божьего дня, где со звонками, где с книжкой, а больше с любимым "ящиком", от какого всегда ждешь чего-то нового у себя в стране, в своем регионе, в своей области, а то и вовсе в своем родном поселке, что уже бывало на карагандинском телевидении, какое транслировало Агадырь в честь его 75-летия в 2012-ом... Почему бы в пятницу на время "Человека и закона" не загнать тех же "Гульчатай" или "Карпова" или того же "Шпиона"? Ведь это фильмы на любителя, а "Человек и закон" все-таки передача официальная. Почему бы в субботу на время "Что? Где? Когда?" не загнать "Караоке такси", или "Мать и мачеху", или "Ду кол шоколад", или "Роман в письмах"?

Осталось воскресенье с "Сегодня вечером". Почему бы не загнать на его время, скажем, "Женить Казанову" или долбаный "Процесс" с его четырьмя часами трансляции? Так пусть любители и глотают этот фильм в ночку темную, а "Сегодня вечером" будет просмотрен белым днем или святым вечером...

Так что телевизионные страдания у населения Казахстана пока остаются. "Первому каналу "Евразия" есть над чем подумать, и если он указанные дефицитные передачи перенесет на удобное для телезрителей время, выиграют буквально все — и телезритель, и телевидение, какие просто будут нуждаться друг в друге. Телевидение от того ничего не потеряет и даже найдет нового своего телезрителя и нового почитателя голубого экрана.

ПИСЬМО СЕСТРЕ

Привет, сестра! Не буду официальничать, поскольку месяц назад мы с тобой толковали по телефону и о многом переговорили. Звонить часто для нас, пенсионеров, в общем, накладно, ты это чувствуешь по себе в своих Чебоксарах, как и я в своем Агадыре. Ты, думаю, не забыла, когда мы в сентябре с моей Раисой-Гульчатай были у детей в их Новоалтайске, откуда я тебе и звонил. Ну, разговор по своему российскому телефону как бы не вдвое дешевле разговоров из Казахстана, отчего и решил поделиться всеми нашими новостями в письме.

По телефону разве расскажешь обо всем? По нему удобно о текучке, о сегодняшнем, а не о будущем. А мы-то рождены, чтоб сказку сделать былью, жить будущим, поскольку настоящее нас не удовлетворяет.

Тебя, как знаю, стала тяготить жизнь в твоих Чебоксарах. Ну, во-первых, потому как в наступающем Лошадином годе тебе исполнится семь и пять, а во-вторых, ты у себя совершенно одна. Друзья-подруги не в счет, это посиделки, чай-чаище, разговоры, воспоминания о молодости и текущей жизни, где не все у людей ладится с жильем, бытием и прочими жизненными негативами, какие еще падают на нашу голову. Когда был жив твой Егорыч, к тебе приезжали я, Ваня, Толик — твои братья; теперь же, когда не стало Егорыча и Вани, нам с братом ехать к тебе стало несподручно. Тебе к нам проще и выгоднее, поскольку тебя как-никак, а встречает родина, твой Жалтырь и твоя Астана, где проживают твой сын, сноха, внучка и правнуки, брат Анатолий со своими детьми и их детками, проживаю и я в своем Агадыре, где ты бывала не раз и не два, от какого до Астаны поездом всего лишь какая-то семерка часов,

Знаю, сестра, сын твой где-то в августе проводил свой отпуск у тебя, а теперь он снова у себя в Астане, на своих улицах, на своей работе и со своими друзьями. Своей дочери он помог купить "двушку", хороший боевой район города, хотя и не левый берег. За квартиру он расплачивается по ипотеке, и в год Лошади вроде выплата прекращается. А там, как я слышал, вроде есть наметки, сестра, приобрести однокомнатку и тебе. Сын твой готов это сделать, но когда ты продашь свою квартиру в Чебоксарах. В ней, какты знаешь, я бывал не раз: восьмой этаж, район не зачуханный, квартира твоя добрая, какая и стоит добрых денег, за какие можно купить квартиру и в Астане, где цены, правда, звериные, но не до степени безумства. Можно купить хорошую квартиру в престижном районе столицы, как "Тридцатка" или Железнодорожный район, район "Заготзерно" и привокзальный регион, где нет ни одного высотного дома.

Хрущевские пятиэтажки не красуются, а как-то хмурятся на тесные грязные улицы, до каких руки ЖКХ никак не доходят. Здесь квартиры тоже продаются, и, думаю, сын твой сможет что-то присмотреть. Но вот, сестра, по нашему телевидению пробежало тревожное предупреждение, какое говорит, что Астана не резиновая, и в нее будет запрещен въезд на постоянное место жительства стороннего населения. В городе населения уже под миллион, что волнует городские власти и даже самого нашего Президента, а коль за дело взялся сам Президент, нелегко будет сломить старые стереотипы.

У тебя, правда, есть некое преимущество над прочим свободным населением, рвущимся в столицу и обладающим несметными деньжищами, за

какие оно может купить не только какую-то квартиру в любом районе столицы, но и целый дворец. Таков, сестра, у нас народ в Казахстане, у какого часто бывает денег вагон и маленькая тележка. Преимущество твое, сестра, в том, что у тебя будет семь и пять, и ты едешь к сыну, какой сможет досмотреть за тобой до глубокой старости. Наверно, такое отметят и в новом положение о прописке в столице стороннего народонаселения. Пока о новом положении прописки в столице стороннего народонаселения ведутся разговоры, надо уже теперь спешить о переезде в Астану и прописке на первое время у сына. У него тоже однокомнатная, не разгонишься, но придется тесниться. Мать, пожилую бабушку, думаю, власти пропишут у сына, тем более, если он сам этого запросит у властей.

Так что, сестра, надо железо ковать, пока оно горячо. Промедление, и правда, станет смерти подобно, чего допускать нельзя, о чем и скажи сыну. Он у тебя парень разбитной, знает город, людей, знатных и покровительных господ, от каких и будут зависеть твои прописка и жизнь в Астане. Не знаю, почему вы не говорили о том с сыном десять лет назад, когда прописаться в городе не составляло труда. Откуда взялся этот миллион населения? Все оттуда же - с периферии, со степи, а степь у нас не имеет ни конца, ни края. Так что сестра, о переезде надо думать уже сейчас, в год Лошади, какой поможет тебе, сестра, примчать на твою родину, где ты родилась и жила более двадцати лет и работала в бывшей Акмоле и в бывшем Целинограде.

Старость меня дома не застанет — не для нас с тобой, пенсионеров долбаных: пусть твои семь и пять застанут в Астане у сына, а мои две семерки, какие исполнятся 7 марта, — в моем Агадыре, какой я по-прежнему люблю и какому отдал полвека с пятеркой. А куда ехать-то? Если езжу, то только в Караганду, и то по своим личным делам. Спросишь: какие могут быть у пенсионера дела? Признаюсь — мои личные книжные дела. Да, книжные! Можешь не поверить, но в год Змеи я написал и издал аж три книги по пятьдесят экземпляров. Половину раздал друзьям, родным, остальные валяются в тумбочке, на столе и под столом. Кому их вручить — не знаю, и нужно ли вообще их кому-либо вручать? Теперь вот обложился ими, как Тарзан обезьянами, и не знаю, что с ними делать. Есть среди них главная "чита" — четырехсотстраничный роман, какой тоже никому не нужен...

Как бы то ни было, сестра, книги я писал и издавал для себя, с ними и останусь до гробовой доски. В мои две семерки многого уже не сделаешь, а то, что вышли эти книги и четвертая на выходе, это своеобразный мой подвиг. Не знаю, нужен ли этот подвиг моему веку и моему поколению, как и нужен ли я им лично, только писать буду, пока бьется мое сердце. Не

тот, наверно, сестра, нынче век, чтобы возносить человека и чтобы он был интересен обществу. Раньше за труд награждали орденами и медалями, говорили о них по радио и телевидению, печатали в газетах на общее обозрение; теперь же о людях типа Алексея Стаханова и ткачихи Валентины Гагановой почти не говорят и вообще их не славят, кроме редких случаев, какие обязаны настырным газетчикам и журналистам, какие видят жизнь и понимают ее, видят в ней людей, какие живут не для себя, а для страны, для народа. Такие люди в нашем обществе есть, жизнь их рождает и растит, такие люди строят наше нынешнее, будут строить и наше будущее, более счастливое и богатое, чем теперь.

Вот и все, сестра, чем я хотел поделиться с тобой. Как ты поживаешь на своем веку, знаю и приветствую твое участие в художественной самодеятельности. Русскую песню ты любила всегда, любила Мордасову, Зыкину, Шаврину, любила, может, и вправду оттого, что нам песня строить и жить помогает, она скучать не дает никогда...

Ты у себя не одна, всегда с коллективом. Ну, а коллектив не даст скучать, стареть и ощущать свое одиночество в большом городе, где ты живешь. Все же, сестра, делай наметку на Астану к сыну, здесь мы сможем чаще видеться, у тебя рядом будут два брата, какие навестят тебя в добрый день, и в праздники, и в тяжелые минуты. О переезде нададумать уже сейчас - причину ты знаешь. Скажи о том и сыну, тем более, что вы общаетесь по мобильнику довольно часто.

Так что, сестра, с Новым годом, желаю свершения всех твоих планов и задумок!

Твой брат Николай-Абдрахман-Серикпай-Ахмет-Махмут-Базарбай.
Декабрь 2013 г.

Да, сестра, ты как-то по телефону спрашивала: не обзавелся ли Агадырь новой котельной, и как люди в такое цивилизованное время коротают свой век без нее, без центрального отопления? Да, сестра, вот так и живем уже двенадцатую зиму. Котельных в поселке до большой, но единой, называвшейся КЕ-25-14, было аж 34 штуки. Их имела каждая школа, детсад, каждый магазин и каждое учреждение; высотные дома коммунального сектора отапливались одной котельной на пять-шесть домов, каких в поселке было аж под девяносто штук.

Со строительством единой котельной, строившейся тринадцать лет и выросшей в добрую пятиэтажку с собственной трубой в сорок метров, все

малые котельные ликвидировали. Оставшись единой, большая КЕ обогревала поселок как бы не в течение семи лет до злополучного 2002-го.

А дальше, сама знаешь, — гибель СССР, компартии, рождение СНГ, его самостоятельных республик, какие Москве уже не подчинялись и вели свою республиканскую политику. В нашем областном центре отчего-то посчитали, что мощная КЕ-25-14 слишком убыточная и ее необходимо закрыть. И закрыли, и всю теплоцентраль от котельной до поселка из труб диаметром 450-510 мм, протяженностью в четырнадцать километров (семь в две нити) порезали и увезли в неизвестные края. С той поры коммунальный народ многоэтажек вынужден ставить собственные печи времен очаковских и покоренья Крыма, переходя на уголек, кизяк и дровишки для растопки, какие вообще стало не достать, поскольку железная дорога перешла на бетонные шпалы.

Народ, однако, выкручивается, ездит по разъездам и у местного населения шпалы все-таки находит, что продолжается уже двенадцать лет. А мы со своей Гульчатай в зиму переселяемся в восьмиметровую спаленку под обогрев масляного обогревателя, какой спасает нас от холода уже второе десятилетие. В зал зимой не заглядываем — там минусовая температура, да и делать там нечего. Телевизор и все необходимое перетаскиваем заранее, масляный же обогреватель в целом очень боевой товарищ, халупу нашу обогревает до семнадцати-восемнадцати, а при хорошем солнце и до двадцати дотягивает, что не заставляет кутаться в шубы и ватники. Конечно, шелками и синтетикой не форсим, одеваем хлопчатку, ватные безрукавки, утепленные ватнички. Другие жители, насколько нам известно, такой эксперимент не практикуют, а пользуются печами да "буржуйками".

И ничего, поселок наш живет, работает и учится и отчего-то вовсе не надеется на единую котельную ни в сегодняшние дни, ни в будущем. Люди как-то свыклись со своим положением и считают, что боги, видно, вправду устали от людей, оттого им и такое наказание. Будущее поколение наверняка будет умнее нас, и единое центральное отопление в Агадыре будет построено, но нас, стариков, сестра, уж точно не будет на этом свете. Вот такие у нас дела, сестра, но мы не сдаемся и надеемся прожить до наступления благостного века.

Насчет же котельной КЕ, сестра, скажу, что удивляли ее внушительность и броская монументальность оборудования, свойственная современным ТЭЦ, а они городам и городишкам, уходящим от своего изгойства бедности, идя в ногу с прогрессом и своей возрождающейся страной. Агадырцам, сестра, вкусившим чистоту, теплоту и удобства их прежних "ребристых грелок", не раз приходила мысль, о чем они и писали в газеты и в высокие органы, в каких просили власти пригласить специалистов в

погонах, какие бы скрупулезно подсчитали приход и расход угля, воды и электроэнергии на производство тепла, прочие расходы, суммировали бы все дебеты, кредиты, сальдо да бульдо и с гражданской ответственностью обвинили бы коммунистические институты в проектировании и строительстве в небольшом поселке такого разорительного для экономики республики теплообъекта. Властям нет дела по сей день по поводу старой котельной, и никаких намеков на новую. Так вот и живем, сестра, и доживаем свой век без центрального отопления, как в тысячах наших сел и деревень. А ведь Агадырь — поселок городского типа с большим железнодорожным направлением, какой для высоких властей — обычный населенный пункт.

Так что, сестра, письмо, наконец, завершу, о чем-то обговорим по телефону.

Колька Агадырский

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 4

ПОЭМЫ

Жизнь ты жизнь....8
Диалог с другом....40
Думы об одной встрече....57
Дому, где рождаются книги....74

СТИХИ

О поговорках....103
Хлеборобам....104
Где вы, друзья?....106
Смех не грех....108
Это было, было....109
Память....111
О моем....112
Моя семья....114
Страсти по Сазонову....122
Поэту....124
С.В. 129
Об осени....132
Давай поженимся....137
Обо мне....143
О войне....146
Мысли мои, мысли... 147
Слово о матушке....150
Мысли о памятнике....155
Новогодние пожелания....156
О "Просторе"....157
Мне как-то мама говорила... 158
О своем....159
Первый снег....161
Лирика....165

ПРОЗА

Астана глазами гостя....174
Я достаю из широких штанин... 177
Жизнь ты, жизнь... 179
Телевизионные страдания....182
Письмо сестре....185

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 12 п.л.
Заказ № 242. Тираж 30 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «АРКО»,
г. Караганда, ул. Сатпаева, 15.
Тел.: 41-17-80.
www.arko-print.kz